

Екатерина Исакова

Крысы кошкам не друзья

Никогда не знаешь, кого встретишь в
канализации...

12+

Екатерина Исакова

Крысы кошкам не друзья

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Екатерина Исакова

Крысы кошкам не друзья / Екатерина Исакова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Канализация, Финский залив, полицейский участок, подземная река, цирк, темница... куда еще может занести человека за двое суток? Лев, молодой парень, пускается в путешествие, берущее начало в подъезде жилого дома на окраине Санкт-Петербурга. Встречи с эксцентричными героями своего времени, опыт работы в борделе, полеты на железных альбатросах - лишь малая часть того, что выпадет ему на пути поиска родных и переосмысления жизненных целей и идеалов.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Эпилог

«Ты засмеешь меня за письмо, обзовешь его бредятиной, но знай, пожалуйста, что я жив, здоров, полон сил. Я знаю, что тебе всегда было скучно. Тебе претила эта мирная жизнь без всплесков и бурь, без фонтанов эмоций, без поворотов событий под 180 градусов. Ты всегда искал способы поразвлечься: занимался криминалом, участвовал в костюмированных сражениях, турнирах, помню, рассказывал. Так вот, меня засосало в мир, где подобные стычки, приключения, знакомства и бои – рутина. Ни дня без новой опасности. Всё время в дороге.

Так вот, ты, поганая свинья, живи долго и счастливо. Искренне надеюсь, что тебе удастся доволочиться до старости, засесть в тухленькой квартирке, как в той, в которую ты засадил свою мать, где ты будешь коротать часы, дни, года за просмотром передач, перечитаешь тысячу романов. Умрешь с осознанием того, что потратил жизнь впустую. Ничего не сотворил земного, потому что ума не хватило. А для необычного и сверхъестественного ты слишком ординарен, прост. Ты – как все. Ничем не примечателен. Просто человек».

Молодой мужчина скомкал письмо и выбросил его в урну, стоявшую рядом с выходом из почтового отделения. Достал запыленную жвачку-одиночку из кармана выглаженных брюк, сунул ее в рот и нервно заклацал челюстью. Мужчина задернул рукава, нырнул в мусорную кучу и отодрал неприглядного теперь вида письмо от липких стен урны.

Часть I

“Все строят планы, но никто не знает, проживёт ли он до вечера”,

©Лев Толстой

Из тебя ничего не выйдет

Глава 1

На дворе стоял холодный октябрь 20XX года.

По тротуару, рядом с проезжей частью, по району идиотов, бежал, если выразаться точнее, несся один незрелый юноша. На улице не август, и мы явно не в солнечной Филадельфии живем, а на нем, на парнишке, расстегнутая джинсовая куртка, замузганные брутальные берцы и классические джинсы без выкрутасов. Щеки его покраснели от холода, а глаза горели. В одной руке у него был пистолет-зажигалка, а в другой кожаный коричневый кошелек, принадлежавший какому-то мужчине, но это в прошлом. Несся он, а не преспокойно себе прогуливался потому, что за ним снарядили погоню двое полицейских: молодая курсантка и более опытный сержант. Догнать его они не смогли, потому что приходиться на службу на каблуках – не самое разумное решение, а что про мужчину-полицейского, то меньше нужно употреблять спиртного. Для дышалки не полезно.

Парень в расстегнутой джинсовке пробежал еще метров пятьсот прежде, чем скрылся в переулке между домами. Там он забрался на балкон первого этажа кирпичной сталинки и наконец попал в тепло.

Кухня, на невымытый пол которой он грохнулся с подоконника, пустовала. Маленькая комнатуха, три на два метра, с гнилью и потеками на стенах, с нечищенной гарнитурой, с горой заплеванной посуды в раковине, с плесневелыми остатками еды на столах. Где-то в углу лежала отравка для тараканов с истекшим сроком годности. Если присмотреться, то можно было увидеть струйку грязной коричневой воды, стекавшей из раковины на дверцы шкафчиков. На самом деле, струйка – тропинка из муравьев, дружно перетаскивавших крошки хлеба к себе в муравейник, расположившийся где-то под фасадом дома. Сделать вывод о том, что в этой квартире кто-то проживал, можно было лишь по воде, кипятившейся в кастрюле, поставленной на старую ржавую плиту с наклейками в виде белочек, грибов и свиней. Пройти в гостиную, не наступив в кошачью мочу, не представлялось возможным. Поэтому, вообразив из себя приму-балерину, парень, на цыпочках, медленными осторожными шажками, прошабуршал в зал.

Окна обступила темень, а в квартире скупилась на лампочки. Хоть выкалывай глаза.

Пройдя на ощупь в гостиную, парень двинулся дальше и наткнулся на белую, обшарпанную дверь – вход в ванную. Она соответствовала состоянию кухни, если не была хуже. В ней был сделан ремонт от застройщика пятидесятилетней давности: грязная ржавая ванная, выкрашенная в сине-бирюзовый цвет, такой же туалет, на который страшно взглянуть, не то, чтобы присесть. Раковина текла, поэтому каждый входящий должен был протирать скопившуюся воду тряпкой; кран был вырван вместе с куском фаянса, а тем, кто осмеливался помыть руки, нужно было использовать пятилитровые бутылки, стоявшие при входе; от голых стен тянуло холодком (в каких-то местах выпадали кирпичи).

Но парень зашел сюда не справить малую нужду или искупнуться. Тихонечко нырнул он внутрь, подпер ручку двери деревянной шваброй и наклонился к стене, где подозрительно шатко был вставлен кирпич. Он его вынул и всунул руку глубоко внутрь образовавшегося отверстия. Оттуда парень достал пакет с небольшим количеством денег и документами. Среди прочих выглядывали краешки СНИЛСа, паспорта, свидетельства о рождении на имя Петербургского Льва Павловича с прикрепленной фотографией, где смущенно жмурился он самый, поприветствуйте, который до незаконного проникновения в квартиру ограбил прохожего, а после уносил ноги от полиции по мокрому осеннему асфальту. Парня, на самом деле, звали Львом, а лет ему было семнадцать. Не предугадаешь просто так, в кого смог вырасти щуплый болезненный ребенок с фотографии. А правда в том, что Левушка превратился в довольно рослого юношу, бледнокожего; волосы его почернели с годами; черные густые брови теперь особенно хорошо подчеркивали его миндально-желтые глаза. Все также худоват, недокормлен,

может быть, мало сока, или жилистый ловкач? Всю его левую руку занимали татуировки, набитые с полгода назад одним из друзей друзей через два рукопожатия, начинающим татуировщиком. Руку, начиная от кончиков пальцев, а заканчивая плечом, сплошь усеяли разнообразные рисунки: тут тебе и пасть дракона, извергающая пламя, дикие лошади, гроб с крестом, лицо девушки, намулёванное во время скоротечного романа. На пальцах красовались пять рисунков: пчела, гусеница, божья коровка, муравей и бабочка. Трудно сказать, какой смысл закладывали в тату: их было настолько много (переборчик), и все они были так не похожи друг на друга, что рвалась связующая нить.

В пакете, помимо документов, пряталась пачка денег. Она совмещала в себе разные банкноты, тысячные и пятидесятые, какие-то пыльные, другие в грязи, третьи – в запекшейся крови. Каждая купюра прошла долгий путь прежде, чем попасть в руки Льва. Достав из свежего коричневого кошелька пару сотен, вор-карманник запихнул их к подружкам, а затем убрал пакет обратно в дыру-хранилище и вставил на ее место кирпич.

Выйдя из ванной, Лев направился в единственную комнату, транслировавшую свет. В действительности, в небольшую спальню с кладовкой и запаянным намертво решетчатым окном. Войдя в нее, справа натыкаешься на высокий стеллаж, от и до заставленный книгами, всевозможными коробочками с нитками и бусинками, ленточками. Книги же, в основном, хранились медицинские. Если облокотиться на косяк и посмотреть прямо, то перед глазами всплывет еще один шкаф, на этот раз с одеждой. Через приоткрытую дверцу видно, что вещей там не так много, но среди стопок простыней и халатов выделялась черная цигейковая шуба пошива времен тридцатилетней давности. Хоть и ясно, что ее никто не носил уже лет десять, а половину меха съела моль, шуба являлась, пожалуй, ценнейшей вещью в захудалой квартире.

Рядом со шкафом, у окна, стоял телевизор «Зорька», показывавший всего два канала: один новостной, работавший с такими помехами, что ведущий не был виден, а слов его было не разобрать; второй канал рассказывал о возникновении римской империи. Он и был включен. А тот слабый свет, исходивший из комнаты, как раз производил телевизор.

Не оставим без внимания стены, увешанные картинами, плакатами, мозаиками. Среди них всех выделялся портрет старика, сидевшего на стуле. Картина была выполнена в темных оттенках, поэтому с выключенным светом нельзя было точно определить, какой породы мужчину изобразили на портрете: смеялся ли он или грустил, может, злился, или наоборот, очень радовался чему-то. Картина, вторая по ценности вещь в доме, являлась предметом гордости хозяев. А висела она слева от двери, ведущей в кладовку, как раз над изголовьем старой чугунной кровати, на которой, в тот момент, лежало единственное живое, если его можно назвать таковым, существо, обитавшее в этой квартире.

Маленькое, пропорционально месту обитания, скрючившееся тело, укутанное в два одеяла и подложившее себе под голову несколько пуховых подушек. Кровать вместе с бельем и ее обитателем покрывал слой пыли. Равные по толщине слои покрывали все поверхности в этой комнате. Если бы не факт присутствия запаха от стухшего яйца вперемешку с потом и мочой, ароматом, будто исходившим из пасти кошки, только что отобедавшей мышью, то закралось бы предположение, что здесь вообще никого не было. Но все же хозяин у этих книг, картин и одежды имелся – старуха, пережившая революцию, две войны и появление смартфонов. За ней насчитывалась сотня отпразднованных дней рождений и столько же пропущенных, хотя точное установление ее возраста складывалось в проблему: тело было не видно, лишь выпиравший из-под одеяла скрюченный длинный нос и приоткрытые глазенки-ягодки выдавали присутствие человека. Кто-то подумает, что она умерла, ведь вонь, исходившая от постели, подтверждала гниение клеток. Но старуха была очень даже живой и, если можно так выразиться, еще более-менее в своем уме. Звали лежачего больного Марийоной Вайтонис, литовка по происхождению.

—Это ты, разбойник? – раздался хриплый голос из глубин одеяльной хижины.

—Да, я это, Лев.

—Давненько ты ко мне не захаживал, – продолжал раздаваться голос, – проходи, присаживайся.

Лев, не без доли отвращения, возникшего лишь на секунду, подошел к кровати и присел на ее краешек.

—Рассказывай, что там в мире творится, а то по моему старому ящику – один хрен, что увидишь, – продолжала старуха, высунувшая голову из-под одеяла.

Теперь, когда она вылезла из своей берлоги, рассмотрим ее получше: худощавая, бледная, как и все старики, в особенности питерские, но скорее именно ее кожа отличалась желто-зеленым оттенком перегноя. Хотя, оно и понятно. Парализованная Марийона торчала в этой комнате уже многие годы, не выходя на улицу. Черные, словно нефть, глаза ее располагались близко друг к другу. Нос загрубел, не раз его ломали. Губы ссохлись, и вместо них нарисовалась одна тонкая линия. Все лицо, как и подобает людям, переступившим столетний возрастной порог, облепили морщины. На ее лбу, в верхней правой части, приютился шрам в виде ромба. Совсем безволосая; по яйцевидной ее голове расплозились пигментные пятна. Старуха искренне обрадовалась Льву. Только на его посещения она изредка соглашалась.

—Ну, что рассказывать, все стабильно плохо. На прошлой неделе накрыли Алимада за передачей товара, глупо очень вышло, он то на это согласился по старому знакомству, – начал вещать Лев.

—Ах, вот идиот! – вдруг вскрикнула старуха и попыталась махнуть слабенькими руками, в очередной раз забыв про паралич. – Это же надо было так попасться! Небось сдаст он вашего Игната, а полиции только выйти на него, так вас всех прикроют.

—Не выдаст, его сестра сейчас с Савелием, так что не выдаст, не рискнет.

—Дай боже, – Марийона покосилась на сувенирный деревянный крест, висевший около ее кровати, – ладно с этими ваши недоумками. Что там в кино идет? Что-нибудь стоящее внимания?

—Недавно вышла комедия нашумевшая, французская, в ней вроде бы о правительстве что-то, то ли об американском, то ли о нашем, я не знаю точно.

—Тьфу на комедии твои! Ты мне давай про серьезное кино расскажи. Драма, может, какая новая, триллеры я люблю, ты же знаешь... Комедии – ужас! Кто их только смотрит? Клоуны их смотрят, вот кто, только клоуны!

—Ага, – зевнул от скуки Лев, – ни триллеров, ни драм. Вышел, вроде, боевик с знаменитым актером, имя я его не помню, но боевики для дятлов, ведь так?

—Всё так, – ухмылялась Марийона, – ладно с киноделами этими бесталанными, рассказывай тогда давай, что там с домом моим.

—Я приезжал туда на прошлой неделе, в воскресенье, кажется, – наигранно задумался Лев, – мы же сторожа подселили, приезжего, так он теплицу стережет, кур стережет, от дома бомжей отгоняет.

—Что? Вы его поселили в моем доме? Вы рехнулись оба? Ладно Савелий, но ты то, вроде как, еще молодой, с головой все порядке быть должно! – старуха переходила на истеричный крик.

—Нет, он живет в будке. Мы специально с Савелием построили ее для него. В дом никто не заходит, даже близко не подходит, не дышит на него. Клянусь честью пионера!

—Ладно, негодяй, верю я тебе, верю. Вера моя – дорогая вещица, с умом ею пользуйся, усек?

—Конечно.

—Давай уж перейдем к самой животрепещущей теме, – окончательно успокоилась старуха, – рассказывай, как там сын мой, жив-здоров?

—Савелий то? Да что с ним делается... Вот Алимада накрыли, так он за неделю себе двоих взамен нашел по той же ставке. Только не начинайте про безалаберность и про то, что за копейки хорошего работника не сыщешь – эти ребята проверенные, братья одного из партнеров.

—Двоих за неделю? Что с того, что братья? Проверку то устроили?

—А то как. Все по сценарию. Я – покупатель, Ян и Тарас – полицейские. Мы якобы их спалили с поличным, они никого не сдали.

—Ладно, бизнесмены, я в ваши дела не хочу лезть. Ты ко мне надолго то?

—Нет, я забежал денег оставить Инне и посмотреть, как дела у вас тут идут, не идут ли.

—Деньги ты сюда давай, я их припрячу, шоб не потерялись.

—Нет, товарищ, мне велели деньги Инне и только ей передать. Не обижайтесь, но вам я ничего не дам.

—Вот дрянь! Мерзавец! Супостат! Мне столько людей доверяли свои деньги на хранение, сколько ты никогда в жизни не повстречаешь! А тут какая-то мелкая зараза не доверит мне несколько грошей! А Инна эта – поганище редкостное! Мужиков водит, я видела, своими глазами видела! Она голодом морит меня, в могилу под руку ведет! А ты ей денег дать собираешься!

Старуха схватила лежавший рядом пульт от телевизора и швырнула им во Льва с атлетической, поразительной силой. Мишень не успела уклониться, так что ударило гостя прямо в лоб.

—Ополоумела старая! – вскрикнул Лев.

—Убирайся! Никогда сюда не приходи больше! В следующий раз убью! – верещала во всю глотку Марийона.

Лев поспешил выскочить из комнаты и закрыть за собой дверь. Он тут же наткнулся на стоявшую посреди гостиной невысокую девушку, немного тряскую и сжимавшую в руках сумку. Одетая в клетчатую винтажную юбку, в водолазочке, походила барышня на сестру старушки, но с детским миловидным личиком. Лицо ее, по правде, перекосило неестественно, но не в том смысле, что его затянула ужасная гримаса, оно было таким, словно девушка только что встретила с призраком. Ее большие грустные глаза сделались еще более грустными, они покраснели и намокли. Губы поджались, нос хлюпал.

—Добрый день, Лев Павлович, – прошептала она, как птичка, почти не разомкнув сжавшихся губ.

—Инна, здравствуй. Чего это тебя перекосило так? Будто в первый раз этот концерт она дает, – расплылся в улыбке Лев.

—И правда, не в первый. Она так кричит, что дом ходуном ходит, – продолжала щебетать птичка.

—Не волнуйся ты так, она в хорошем расположении духа. Просто не заходи к ней ближайшие два часа. Такие стрессы сказываются на здоровье, моральном и физическом тоже.

—Да, как скажете.

—Это совет, не приказ. Ты где была то? Вообще, я к ней не собирался заходить, я деньги принес.

—Я отбежала в магазин на пару минут, честное слово! Она захотела бульону куриного, а в холодильнике была только говядина, она так кричала, проклинала меня, я была вынуждена сходить за куриной грудкой. Я даже воду кипятить поставила. Прошу, не говорите об этом господину Вайтонису, – Инна приложила ладонь к ладони.

—Успокойся ты, ничего я не скажу.

—Благодарю, Лев Павлович! Спасибо вам огромное!

—Ему и дела нет до нее...

Лев терпеть не мог молящих и просящих людей. Дело даже не в том, что он считал упрямство наивысшим человеческим унижением, хуже, чем побираться, ему просто становилось не по себе. Раздражительно. По этой причине Лев поскорее сунул руку в карман, достал украденный коричневый бумажник, вынул оттуда оставшиеся деньги (несколько тысяч рублей) передал их Инне и поспешил удалиться. На этот раз через дверь.

Глава

2

Время подкрадывалось к семи часам вечера, когда Лев вышел из подъезда старой сталинки и наконец-то вдохнул свежего воздуха. Он присел на качельку на дворовой детской площадке, достал чупа-чупс и смачно облизнул его. Не прошло и пяти секунд, как подскочила молодая мамочка с ребенком на руках и постучала кулаком по его спине.

–Встаньте, пожалуйста.

–Зачем?

–Мы пришли качаться.

–Качайтесь.

–Вы заняли нашу качельку. Встаньте.

Ее тарактение могло продолжаться вечно. Такое ощущение, что у некоторых молодых мамаш только одно удовольствие в жизни – портить ее остальным. Лев – человек неконфликтный, но он не удержался.

–Женщина, я, когда сюда сел, никого в километре от меня не было. Поделитесь секретом, расскажите, откуда вы такие молодые родительницы берете суперспособности появляться из ниоткуда? Это сыворотка? Или собаки вас обученные кусают? Ах, глупый я, какая собака! Ребенок тебя покусал, как я не подумал...

Лицо мамочки залилось красной, даже бордовой краской.

–Ты меня вздумал оскорблять? Ты вообще кто такой? У меня сын на руках, ответственность, а у тебя что? Ни детей, ни обязательств, живи, да радуйся! Я не сплю ночами, вот вышла с ребенком погулять, а тут ты. Оскорбляешь меня, унижаешь. Ты знаешь, что я могу в суд подать?

–За что это, сударыня?

–Не сударыняй мне тут! За что? За прещемление моих прав?

–Ущемление... Каких еще прав?

–На прогулки с ребенком в предназначенных для этого местах!

–Я тоже ребенок.

–Переросток ты остолопный!

Девушка достала откуда-то из недр своей маленькой сумки складной зонтик и принялась лупить им неугодного подростка, да с такой силой, будто папка вышел погулять с ребенком, а не мама.

Понимая, что аргументы оппонента по дебатам иссякли, и тот принялся за рукоприкладство, Лев решил, что боле доказывать что-либо бессмысленно и сдал позиции. Он уходил все дальше от дома, а угрозы так и били струей в спину. Он никак не реагировал на них.

***

Потихоньку накрапывал дождик; пока моросили мелкие капли, но, судя по непроницаемости туч, в ближайшее время разразилась бы гроза.

Лев шел своей дорогой через похожие друг на друга дворы пятиэтажек с изредка встречающимися двухэтажными зданиями; где-то еще стояли частные, полуразвалившиеся, деревянные дома. Если не знать, что ты идешь по так называемой «культурной столице», то мелькнет мысль, что это глухая провинция, до которой добралось начало двухтысячного года, когда у всего мира уже две тысячи XX. Для картины, где много грязных, кирпичных, малоэтажных домов, где горы мусора складываются по краям дороги, где пробивают себе место под солн-

цем редкие голые деревья, булькают лужи с разноцветными кругами от бензина, скрещиваются кривые полуразрушенные заборы, а сумерки и дождь составляют погоду, идеальным названием послужит слово «мрак».

Лев брел во мраке собственных мыслей. Резкие перепады настроения свойственны людям юношеского возраста, но если до этого на него накатывали минутные или, может, часовые помутнения, то теперь уже шла вторая неделя, как Лев не знал, чего ему надо. Он шел прямо, зная только, что нельзя останавливаться. На вопрос «А почему нельзя?», собственно, ответ не находился. Выполнялась заложенная с детства программа – никогда не останавливаться. Раз расслабившись, присев, не каждому достанет силы воли встать и продолжить свой путь. Лев шел вперед просто потому, что так нужно – всегда пребывать в движении.

Голова звенела. Необходимо было остудиться. Лев заметил небольшой магазинчик на углу. Войдя внутрь, он подошел к прилавку.

–Энергетик, пожалуйста.

Тучного вида продавщица, сидевшая на стуле и разговаривавшая по телефону, нехотя встала и с жутко недовольной миной на лице произнесла краткое: «Перезвоню, лапуль». Переваливаясь с ноги на ногу, она шла расстояние от стула до прилавка, составлявшее не более двух метров, как могло показаться, целую вечность. Когда же она добралась до места назначения, до кассы, свершив подвиг, по своему мнению, то перевела взгляд сначала на деньги, а затем на лицо молодого покупателя.

–Паспорт, – мерзкий голос продавщицы соответствовал ее наружности.

Лев нахмурил брови. Это, без преувеличения, был первый случай, когда у него спросили паспорт при покупке чего-либо запрещенного законом для продажи малолетним. Он с тринадцати лет спокойно покупал друзьям алкоголь и сигареты (накидывал процент, юный предприниматель), и ни одна кассирша не икнула. Мелкое мошенничество прокатывало удачно из-за рано начавшегося созревания организма: борода отрастала на полсантиметра каждый месяц с четырнадцати лет, а голос огрубел еще в яслях.

–Не ношу с собой, – честно ответил покупатель.

–Без энергетика обойдешься, – продавщица покачала головой из стороны в сторону, будто объясняла таблицу умножения обезьяне.

–Тогда воду, пожалуйста, – процедил Лев.

Кассирша, фыркая под нос что-то о копейках и бесполезной трате ее биржевого времени, поплелась к стеллажу с водой.

***

Не полегчало, только разыгрался аппетит. Головная боль притупилась под чудодейственным бурчанием живота. Трудности разрастались в геометрической прогрессии, и находить пути их преодоления необходимо было по той же формуле. Еду предлагала любая забегаловка, а вот вкусно покушать и выпить не хуже – это нужно ехать в конец проспекта Ударников, в бар, пользовавшийся успехом у студентов и школьников, поскольку там никогда не спрашивали возраст, а выпивка не была по кошельку.

Мысль о том, чтобы пойти в бар несколько взбодрила Льва, и он, не теряя ценного времени, сел автобус и поехал навстречу беззаботному вечеру.

***

Бар «Моряк» ютился в подвале жилого дома. На вывеску поскупились, на рекламу тоже, и попасть в бар случайному прохожему не представлялось возможным.

Вход значился со двора – через черную массивную дверь. Только открыв ее, сразу наткнешься на другую, а за ней уж на сам подвал, который по кусочкам арендуют мелкие конторки. Днем в них кипит человеческая работа, а ночью зажигают мокрицы. Дальняя, ненавидимая клерками дверца, была выкрашена в кислотно-розовый. Это и был портал, ведущий в «Моряк».

Сам бар – это комната, площадью не более пятидесяти квадратных метров, не считая кухни. Внутри интерьер был оформлен из подручных средств, с закосом под морскую тематику: тут тебе и штурвал из бутылок из-под пива, сине-голубые флажки с флагами стран-соседей, метровый якорь, сделанный полностью из алюминиевых вилок и ложек; керамические рыбы, развешанные по стенам, коллекция морских атрибутов, состоящая из подзорной трубы, потертой бутылки с этикеткой «РОМ», шляпы-треуголки, тельняшки, ножа, пары сабель, игрушечного пистолета и платка с черепами; также, помимо рыб, зал украшали портреты знаменитых моряков и пиратов, например, Джона Рэкхема, Эдварда Лоу, Генри Моргана, Уильяма Кидда и многих других. Бар – неоцененный критиком музей, но экспонаты его несут весьма сомнительную, посредственную, совершенно не исторически-познавательную нагрузку. Обычно «Моряк» довольно тих и спокоен: за столами шушукаются компании молодых людей, иногда они могут пошуметь, но очень быстро прекращают это некультурное занятие.

На тишину со спокойствием рассчитывал Лев, когда его озарила идея провести вечер наедине с горячей сковородочкой баварских сосисок. Но приоткрыв только кислотно-розовую дверь, он понял: сегодня безмятежность взяла отгул. Вместо привычной расслабляющей музыки его уши разразил тяжелый бас метала. Этот хаотичный набор звуков бил словно молоток по черепушке. Играла песня известной в своих кругах метал-группы, тематически подходившая под атмосферу – «Русалка на волнах» в исполнении приспешников сатаны.

Первая волна негодования, раздражающая музыка, прошла. Далее – оцепенение от количества народа. Человек восемьдесят, если не больше, заполнили своими потными седалищами стулья. Орала музыка, тряслись и пол, и стены, и потолок, а сигаретный дым скрывал гуляк в густом белом облаке. Помещение подвальное, а значит, ни окон тут, ни дверей, и слабая вентиляционная система не справлялась. Выносим вердикт – дышать нечем.

Запася полные легкие воздуха, Лев начал пробираться сквозь толпу к барной стойке. Благо рост позволял видеть свысока макушки людей, и наиболее ценный чистый воздух доставался единолично ему.

Народ собрался самый разный: и девушки, и парни. Их веселье заряжало. Дешевый алкоголь улетал только в путь, пересоленный арахис скупался втридорога, а дверь туалетной комнаты издавала «хлоп» каждые пятнадцать секунд.

Контингент, однако, не был столь прост и однозначен. В основном, конечно, веселились молодые люди, но в самом дальнем конце бара, за круглым столом, сидели несколько мужиков, перевалившихся за полтинник. Компания абсолютно стереотипных дядь, переместившихся сюда прямоком из девяностых. Двое их них нацепили спортивные костюмы в патристичных сине-красно-белых цветах. Еще трое походили на, так называемых, «новых русских», но без малиновых пиджаков. Наряженные в черные выходные брюки, приобретенные в остроносые ботинки, обвешанные кучей золота, с особенно выделявшимися толстыми цепями на шеях, от них смердело табаком.

Рядом с серьезными парнями, поправлюсь, на них, как бы вульгарно это не звучало, вертелась уйма девчонок. Все молодые, но не красотки, приезжие. Их закрытая вечеринка не допускала потенциальных конкурентов – студентов, желавших выпить за чужой счет. Мужики гоняли тех, как псов, а после по-гусиному гоготали, восхищаясь своим авторитетом и чувством юмора.

Льву отдавили пальцы и попачкали ботинки, пока он пробирался к барной стойке. Роскоши присесть на стульчик ему не предоставили. Не постеснявшись, спихнув хорошо набравшегося и уже не особо соображавшего парня с барного стула, уселся Лев на его место сам.

Напитки разливали в тот день три бармена. Они жались друг к другу как любовники, пихались, но характерного звука бьющегося стекла не производили. Члены невеликой барменской команды ловко крутились, словно три кошки, пытавшиеся поймать обертку от конфеты, привязанную на веревочку. Акробаты, не осознавшие своего призвания.

Все три лица были знакомы Льву – студенты местного технического колледжа, работавшие в этом заведении не первый месяц. Обычно в ночную смену выходил только один бармен, но сегодня бедноватые забулдыги Питера как сговорились сформировать коллапс вселенских масштабов. Трюкачи-разливалыщики разбавленного пива только-только успевали отпустить клиента за клиентом.

Почти тут же один из барменов, низкорослый парень с длинными волосами, выкрашенными в ярко-красный цвет и собранными в пучок на затылке, обратил на Льва внимание.

–Запарка сегодня, – красноволосяй пролез под рукой своего напарника, одновременно натирая стакан почерневшей тряпкой.

–Заметно, но как будет минутка, дай мне бутылку чего-нибудь, не совсем отравы, рублей за пятьсот, – попросил Лев.

–Да, сейчас, погоди секунду...

Бармен перелез через барную стойку, а после затерялся в толпе.

–Ишь ты, ик! Куда ты блондиночку, мою Мальвину, дел, ой, ик!

По левому плечу Льва хлопнул дядя в спортивном костюме, еще недавно сидевший в углу в обществе себе подобных. Мужчина шатался. Удар то и не был ударом, шатун скорее уперся на первое попавшееся плечо, чтобы не упасть.

–У нее голубые волосы, – улыбнулся Лев.

Пузатый хрыч облокотился на барную стойку и, вжав рожу в тело так, что появился третий, четвертый, а вместе с ними и пятый подбородок, зажмурил глаза, а после вылупил их со всей мочи.

–А ты ваще кто такой, чтобы диктовать Мальвине, какого цвета у нее должны быть волосы? Ты парикмахер? Можешь меня подстрижешь? Хах!

Сказколюб провел рукой по лысому черепу и громко засмеялся, да так, что слюни из его рта полетели во все стороны.

Лев улыбнулся, но не ввязался в жаркую дискуссию по поводу цвета волос подружки Буратино. Он огляделся по сторонам, в попытке понять, куда подевался красноволосяй, но вместо него заметил другую знакомую фигуру. Лидок, звезда, любимица гостей, по призванию официантка, виляла округлыми бедрами, задевая недокормленных студентов. Худая кокетка с неоконченным высшим, большещекая и полнопопая, с коричнево-болотными волосами, собранными в тугий конский хвост; с губами, подкрашенными помадой цвета новорожденной свинки. Она скакала, как лошадка во время забега, из одного угла в другой, ловила летевшие по ломаным траекториям стаканы и тарелки. Цель ее вечера заключалась в спасении каждой посудинки, ведь за потрескавшуюся керамику и побитые стекла вычитали часть зарплаты.

Нанюхавшись спиртовых паров, надышавшись сигаретным дымом, Льву вскружило голову, поплыла его орбита.

–Лида! Тебе помочь? – крикнул он.

Лида фыркнула, услышав свое имя в коллективном гаме, но когда увидела Льва, то расплылась в широкой, добродушной, желтенькой улыбочке и кивнула в знак приветствия.

Предложенная помощь оказалась бесценной. Воздетые кверху рюмки падали и бились, и никто не заморачивался об оплате нанесенного ущерба. Лев повырывал стопки недопитых шотов из рук молодежи, а те, возмущенные до предела, не могли выдать хотя бы одно цельное предложение. Но не станем беспокоиться о возможной мести: через минуту выпивальщики не помнили собственных фамилий, что уж говорить о раз встреченных незнакомцах.

Проводив Лиду в подсобное помещение, Лев захлопнул за собой толстую кухонную дверь, за которой жуткий бас был слышен в разы меньше.

–Фух, что-то не припоминаю я такой толпы в вашем баре, – Лев облокотился на раковину и прикрыл глаза.

–Да вообще! Пипец! Я чуть не умерла! Раз двадцать за последний час! Все слоны такие, всё раздавить меня пытаются, – тараторила Лида.

–Тут так тихо... я посидел десять минут за баром, а такое ощущение, что уже неделю меня этими мерзкими звуками пытаются, – Лев стоял с закрытыми глазами, наслаждаясь минутной тишиной, – а кто это вообще такие? Со студентами понятно все, а вот те мужики...

–Да кошмар! Абсолютный страх и ужас, а не люди. Они ввалились сюда около девяти, вот представляешь, всей толпой! Человек пятьдесят за раз. У нас сегодня и так не пусто было, целая группа студентиков пришла, день рождение отмечали чей-то, а тут это стадо. Ох, ну и обрадовались те, конечно! Там же девчонок толпа была, они сейчас как раз и крутятся вокруг дядечек.

–Просто ввалились? И начали пить?

–Им ни твое, ни мое разрешение не нужны, – Лида улыбнулась и посмотрела на Льва.

–Тебе же с выручки процент отчисляют, разве нет?

–Отчисляют, да только стоит ли оно того? Меня за вечер облапали за все, что только можно и нельзя. А точнее сказать, только за то, что нельзя. Я девушка молодая, красивая, так мне парень тоже нужен молодой и красивый! Не непонятные типы, с непонятными намерениями и мыслями. Я не ищу отношений с женатиками. Мне семья нужна, поддержка и опора. Знаешь же это. Чего спрашиваешь тогда?

–Спокойно, Лидия, не заводись. Если кто-то начнет слишком активно проявлять свои намерения, то ты мне скажи. Сейчас я пойду там – мсье Евгений куда-то провалился – пойду поищу его, – произнес Лев, похлопал утомленную официантку по плечу и вышел из кухни.

За его краткосрочное отсутствие ничего не изменилось. Народ все также пил, курил и танцевал. Выйдя в центр зала, он увидел красновласого бармена – Женю. Тот вновь встал за бар и уже во всю разливал напитки.

–Куда ты пропал? – Лев опять спихнул того же невменяемого парня с барного стула и уселся на освободившееся место.

–Я со склада ликер тебе принес. Только недавно привезли, из Финляндии. Попробуй, скажешь, как тебе, – Женя протянул ему бутылку, наполненную алой жидкостью.

Откупорив стеклянную рассадницу алкоголизма, Лев вдохнул, и в нос ударил запах кураги с миндалем. Прекрасный напиток, хотя минус присутствует – пьянеешь в момент.

–Мою любимую брагу с помойки больше не доставляют? – Лев откашлялся, выпив первую рюмку. – Как жаль, как жаль... Отменная штука. Сколько я тебе должен?

–За счет заведения.

–С чего это вдруг?

–Как постоянному клиенту.

–С тебя разве не спросят недостачу?

–У нас система учета никакая, а сегодня полно народу; пропажу одной бутылки не заметят.

–Раз так, то буду пить, хотя я хотел квасу.

Ликер произвел ожидаемое действие на организм. Он вскружил голову по новой и придал уверенности. Металл вперемешку с роком уже не казался калом, а куча веселившегося народа уже не раздражала. И все ничего, если бы в какой-то момент, одному умнику не взбрело в башку ударить другого. Причина, по которой он сделал то, что сделал, проста по неприличия – сын мужика за круглым столом пристал к девушке драчливого студентика. После словесной молодецкой перепалки, перешедшей в рукоприкладство, в баре завязалась не то, чтобы драка, скорее потасовка. Немногочисленная группа студентов против настоящей банды во главе с самым толстым и лысым дядей на районе. Расстановка сил была не равна, да настолько, что даже обезьяна поняла бы, кто победит в войнушке.

–Кто из вас, крыс профессорских, ударил моего сына? – орал хриплым голосом толстый мужик в позолоченных очках.

Сквозь группу студентов прошел шепот, похожий на тот, который обычно заполняет школьный кабинет во время самостоятельной работы. Однако герой, принявший бы удар на себя, не находился.

–Так значит, трусливые вы подонки, если сейчас ко мне не выйдет сученок, ударивший моего сына, то я переломаю вас всех! – не унимался толстый мужик.

Сидевший за баром Лев наблюдал с прищуром за перепалкой, стремительно набиравшей обороты, и ни с того ни с сего решил вмешаться. Куда пропал приверженец мнения о том, что лезть не в свое дело не следует, до конца не ясно. Конечно, свою роль сыграло повышение градуса в крови, доблестное сердце, не выносившее унижения слабых, и, безусловно, ярая неприязнь к грубой бессмысленной музыке.

–Ну, я это сделал, – Лев вальяжно отделился из толпы, похмурился и шмыкнул носом как гопник.

Дядя, увидев поставившего его сыну синяк, посупился невольно и опустил глаза. Сделался он не таким устрашающим и важным, каким хотел казаться. Наверное, наехать он собирался на какого-нибудь невысокого, худого мальчика в вязкой рубашечке, но никак не на здорового кабана. Охотник превратился в жертву.

–Так значит, тебя мы и будем сегодня воспитывать, – мужик отчаянно пытался держать марку главного бандита на пятидесяти квадратов.

–Давай для начала на улицу выйдем, – Лев махнул рукой в сторону двери.

Мужик кивнул, подал знак другим, и десять самых рослых парней из их компании, один за другим, словно гуси за мамой-гусыней, пошли стройным рядом за их лысым вожаком. Лев пошел следом, кивнул в сторону Лиды. Она ответила тем же кротким кивком, благодаря за спасение людей и мебели.

На темной улице стало понятно, что драке быть. Команда очкастых против команды брюхатых. Шансы не равны, а «главное участие, а не победа» говорят лишь на утренниках да эстафетах дошкольников. Лев вместе с пятью студентами и красновласым барменом против десяти крепких мужиков, трое из которых снабжены кастетами, а один даже полицейской дубинкой.

–Мы так и будем стоять тут или может уже начнем истребление петухов? – крикнул пьяный Лев куда-то в сторону банды недоголоворезов.

Словесная атака повлияла на нерадивых пациентов должным образом. Шаткое душевное состояние потрясла водка, и красномордые быки рассвирепели; полетели головы.

Драка напоминала чем-то игру в шахматы. Первыми в бой шли пешки. Два студента ринулись вперед с диким визгом, считайте который применением запрещенного оружия, так как от этого ультразвука кровь текла из ушей. Они бились против троих самых молодых парней из банды. Отмечу очевидное физическое превосходство тройки сильных и подкаченных парней над очкариками. Подготовленные, они бы запросто разорвали тощую университетскую молодежь, но не тут-то было. В столовский компот и суп явно что-то подмешивают, иначе, как объяснить тот факт, что через минуту парни, на которых мы делали ставки, уже валялись на земле, в то время как один универсант бил крутого мальчика в кожанке по лицу из противоположной команды с таким рвением и резкостью, что тот не мог его ни скинуть, ни дать сдачи. Другой же его одноклассник держал сразу двоих, пиная их ногами, обутыми в элегантные ботиночки с железным носком и острым каблуком. Парней скандального мужика рвали в щепки. Он, главарь, слово-закон, сделался бордовым и, будто полководец, крикнул что-то вроде: «Насмерть стойте!».

Какие-то студенты взяли на себя двух мужиков в костюмах и одного в хлопковой рубашке. Три свиные туши против трех пар костей. Убой свиней давался тяжелее, чем прописывание пинков парням в кожанках. Мужики превосходили свои юные версии опытом и

массой. Они не давали себя повалить, стояли ровно, били больно и точно, в чем им удружали кастеты. Но студенческая прыть давала о себе знать. Пока один очкарик отвлекал двоих озлобленных пузатиков, кидал в них камни и куски земли с травой, двое его товарищей занялись третьим мужиком. Один из них запрыгнул на спину дяде в спортивном костюме и надавил пальцами на его глаза, а второй, тот, что с железным носком, ударил жирдяя со всей силы в незащищенный пах. Студентики обработали одного за другим.

На долю красовласки и Льва выпали четыре бандита: еще одна пешка, потерявший Мальвину, избитый сын и их вожак-полководец. Пешку-парня в кожанке выбили почти сразу. Оставались еще трое. Мужик, пересмотревший мультиков, не доставил особых хлопот. Три удара: в лицо, живот и пах. И вот он целует землю. После того, как красновласка со Львом разобрались с двумя бандитами за пару секунд, избитый сын решил избежать участи оказаться на земле рядом с ними и поспешил покинуть поле боя, скрывшись в баре.

–Предательский выродок! А ну вернись! В детдом надо было сдать тебя, а мамашу твою в дурку. У нормальных такие гады не рождаются! – кричал вслед убежавшему поросенку папашин. – Ну ничего, я вас обоих сейчас разорву!

Толстый мужик ринулся на мсье Евгения и Льва, что было весьма непредусмотрительно. Как только он к ним приблизился, ребята увернулись, и толстяк приложился лицом к асфальту. Тут стоило бы вспомнить о таком физическом термине, как инерция, а еще о том, что весил толстый мужик под двести килограммов. Два этих факта повлияли на то, что его бой кончился, не успев начаться. Дорожка из крови и зубов украсила асфальт живописно (сделав фото, его можно было бы продать в коллекцию современного искусства). Но звук сигналки и сине-красные огни приближавшейся полицейской машины послужили причиной резкой смены планов. По-видимому, какой-то страдалец-жилец из ближайших домов, желавший ночью спать, вызвал стражей порядка. Пожав друг другу руки, Лев и красновласка разбежались в разные стороны. Женя вернулся на рабочее место, а Лев скрылся во дворах и подождал, пока уехала полиция, а после отправился домой.

Глава

3

Полиция уехала довольно скоро. Времени было около часа ночи, поэтому два сержанта, которые за смену насобирали по всему городу дюжину алкашей, наркоманов и проституток, не выглядели готовыми искать виноватых в пьяной драке. Они кинули взгляд на валявшихся бандитов и студентов, вызвали скорую, поспрашивали персонал бара и даже составили протокол.

Через десять минут после их отъезда, Лев вышел из своего укрытия – красного деревянного домика на детской площадке. Идя к дороге, Лев как бы ненароком глянул на тела выбитых из колеи бойцов: забрызганные дешевой водкой, кровью, некоторые корчились от боли, другие же просто лежали без чувств. Единственные, кто вышли отсюда более-менее живыми – Лев и бармен.

***

Дорога до того места, где ночевал Лев, занимала около тридцати минут. Дождь к часу ночи кончился, небо прояснилось. Температура опустилась до семи-восьми градусов по Цельсию, но голые коленки, выглядывавшие из дырок джинсов, не мерзли. После всплеска адреналина особо ничего не чувствовалось. Абсолютно ничего. Растворилась физическая боль, дурные мрачные мысли напрочь исчезли, появилось ощущение полной свободы и самоконтроля. Подчас хороший мордобой куда слаще выпивки и слез. По дороге Лев все размышлял о судьбе студентиков: *«Когда придет скорая, то наверняка еще раз вызовут полицию, увезут их в травмпункт. Там зададут вопросы, ну, тем, кто будет в сознании. У лысого мужика, очевидно, повсюду имеются связи. Так что, все вину переложат на студентов. Чем им это грозит? Отчислением из университета. Может, посадят ненадолго за разбой, а может, если кого надо подсудят, надолго посадят. А вот тоже интересно, стоит ли того та девушка,*

из-за которой все и случилось? А она вообще навестит своего героя в больнице? Или сделает вид, что так и надо? Один случай, всего пара минут, абсолютно глупый вспыхнувший конфликт, а последствия могут быть необратимыми».

В размышлениях Лев и не заметил, как добрался до своего ночлега. Место, приспособленное под коротание ночей, представляло собой стройку многоэтажного дома. Лев платил пару тысяч рублей охраннику, а тот его пускал на огороженную территорию. В принципе, не худшее пристанище. По генеральному плану здание разрослось бы до 25 этажей, но сейчас шло строительство лишь двадцатого, поэтому переживать за скорое выселение, зная темпы работы ближнезарубежных строителей, не стоило.

Занимаемая Львом квартира забралась аж на восемнадцатый этаж. Двухуровневое, просторное жилище с шестью комнатами, двумя туалетами и огромной кухней. В эксплуатации у Льва были лишь две комнаты. В них стояли несколько старых железных обогревателей. Электричество он протянул собственноручно. Освещалось нежилое помещение девятью уникальными торшерами с причудливыми украшениями. Лев их откопал совершенно случайно, просто проходя мимо одного из сталинских домов. Грузчики как раз выносили всякую рухлядь из подъезда. Лев разговорился с ними, выяснил, что умерла старушка и сейчас внуки ремонтируют ее квартиру и выносят всю старую мебель на помойку. Ну, а чтобы добро не пропадало, он прибрал торшеры, поставил их в свой уголок.

В одной комнате Лев обустроил себе спальню. Кроватью служил двуспальный матрас, поверх которого была накинута вечно скомканная простыня. Заменой шкафу стали стулья, вместо письменного стола – два ящика из-под пива, накрытые доской из ДСП. На полу, рядом с панорамным окном стоял телевизор, не совсем современный, но и не старинный. Рядом с ним скучковались высокие стопки книг, среди которых можно было приметить детективы, приключенческие романы, научную фантастику. Ну и девять торшеров, расставленные в разных местах. В этой же комнате Лев построил небольшую кухню. Она состояла лишь из жутко дребезжащего холодильника, плиты и одной столешницы. Мыльные дни выпадали на каждые четверг, субботу и вторник, тогда же значилась стирка. Для подобных водных процедур Лев посещал специальное учреждение, о котором чуть позже.

На этом имущество Льва кончалось. Ему и незачем было больше. В гордо именуемой *квартире* он лишь ночевал, если вообще добирался до кровати, а не валился от усталости на уличной лавке. Сегодня же, вымотавшись до трясушки, идея заночевать в каком-нибудь продуваемом незнакомом месте даже не рассматривалась. Вернувшись глубоко за полночь, Лев, стащив обувь на ходу, не сняв одежду, рухнул на продавленную, но чертовски теплую кровать и уснул.

После насыщенного дня, беспокойного, наполненного разной степени приятности событий, спится крепко, а сны видятся самые разные, вплоть до мучительных кошмаров. Во сне властвует подсознание: выпячивает переживания, представляя их в лице маньяка, страхи преобразует в реальность. Боящийся высоты непременно упадет с высоты, а потеющий при виде насекомых будет сожран полчищем жучков. Мозг творит свою реальность. Он генерирует события, время, место, людей. Лев избегал ночи – времени суток, когда хочешь – не хочешь спать, а потребность берет свое. Он предпочитал глотнуть снотворное прежде, чем отправиться в постель, чтобы там, под одеялом, просто закрыть глаза, а после проснуться и ничего не вспомнить. Еще вариант: не спать 48 часов, вырубиться на исходе вторых суток; тогда перенапряженный мозг покажет лишь черный экран.

Сны избегались рьяно, но не из-за глупого чудачества. Для начала, считая себя прагматиком и реалистом, не мечтающим и не фантазирующим, Лев не позволял себе ввязываться в приключения во снах. Пару раз, насмотревшись красивых сказочек, написанных собственным мозгом, он неделю не мог смириться с действительностью. Правда, на тот момент ему было семь, но, в целом, ничего не поменялось за десять лет – мечты влияли на него негативно.

Взамен существовала реальная цель, стоящая нервов и внимания. Около двух лет Лев откладывал деньги для того, чтобы уехать отсюда как можно дальше. Текущее положение дел засасывало, давило отсутствием возможностей, и не придумалось ничего лучше побега, смены локации. Отъезд за рубеж, конечно, недостижимый идеал, но пока накопленная сумма была слишком незначительна, чтобы всерьез рассматривать переезд в ту же Москву. Неуверенность в завтрашнем дне подкашивала амбиции. У Льва давно выработалась тройка наиценнейших человеческих качеств, и возглавляла ее стабильность, коей он сам был лишен напрочь.

Вторая причина, по которой он предпочитал спать лишь для восстановления энергии – ему всегда снилось одно и то же. Из раза в раз. Одно обличье, одно место, один конец. Сначала появлялся какой-то замок, в зале которого, он, в окровавленной одежде, босой, с отросшими волосами, заплетенными в тугий хвост на затылке, дерется с человекоподобным уродом. Этот урод передвигается на двух конечностях; у него нет глаз, лишь две дыры, со стекающей из них слезью. Вместо носа – два прокола, как будто сделанные дыроколом, а рот зашит по-медицински. Само чудище ростом меньше полутора метров, но бегают со скоростью образцового скакуна. Оно коричнево-серое и пахнет просто отвратительно. Если этому созданию и есть сравнение, то можно представить себе человека из цирка уродов, только вылезшего из дыры в биотуалете после его группового посещения стадом коров.

Конец всегда одинаковый. Лев побеждает монстра или нет, выбирается наружу или нет – его сердце протыкает стрела. Он пытался искать лучника, надевал доспехи рыцаря, прятался во всех комнатах и закоулках замка. Но конец всегда наступает быстро и неожиданно. Поэтому Лев и не любил видеть сны. Те были лишены разнообразия. Но в эту ночь шаблон порвался. Ему снилось нечто, совершенно иное. Очертания были смутные, но кое-что проглядывалось. Это была пещера или просто темная комната, в которой пахло сыростью и почему-то свежей малиной. К полу прилип старик со включенной бородой, доходившей ему до груди. Играла музыка, спокойная, тихая, приятная. Такая... идеальная. Она была превосходна. Чудесный сон! Так, а в углу спряталась еще и женщина, разбавлявшая одиночество старика. Накинутый плащ с длинным капюшоном скрывал ее лицо; на грудь спадала прядь черных, как уголь, волос. Старик вскидывал руки и опускал их медленно. И так по кругу. Женщина же сидела абсолютно неподвижно на коленях, вглядываясь в маленькое круглое зеркало, лежавшее на полу.

Картинка возникла лишь на пару секунд. Запомнить детали не вышло. Резкое пробуждение из-за звонка телефона заставило Льва вернуться в реальность, как бы ему не хотелось еще чуточку поспать.

Телефон нервно дребезжал и вибрировал, норовя выпасть из кармана куртки и назло разбиться. Открыв глаза, Лев первым делом взглянул в окно. На улице было темно. С одним закрытым, а другим полузакрытым глазом, ночной драчун, спотыкаясь о книги и другие повсюду валявшиеся вещи, подкрался к куртке, которую накануне бросил у входа. Он ответил на звонок и лег на пол животом кверху.

–Что надо? – спросил он спросонья, напортачив с нормами вежливости.

–Петербургский, не забывайся. С друзьями говори как хочешь, а ко мне, будь добр, по имени отчеству обращаться, – голос на другом конце телефона звучал слишком бодро для раннего утра.

Услышав, видимо, знакомый голос, сонная муть резко спала.

–Людмила Витальевна, я не узнал вас, дико извиняюсь, – Лев потер глаза и зевнул.

–Мне твои дикие извинения не нужны. Так, я не поняла, ты что это там, спишь? У тебя нулевой урок через сорок минут начинается. Уж не знаю, что ты ночью делал, но явись без опозданий на биологию, иначе несдобровать тебе, – Людмила Витальевна говорила слишком быстро и неразборчиво.

–Да, я не совсем понимаю, что вы от меня хотите?

–Я-то от тебя ничего не хочу. На урок нулевой приходи говорю, вопрос об отчислении сегодня обсуждать будут. Директриса собирает учителей. Мне почему-то кажется, что мнение о твоём поведении, посещаемости, оценках, да и о тебе, как об ученике, в целом, у всех одинаковое – категорично отрицательное. Так что приходи, будем стараться исправить ситуацию. Не забывай – отчислят, так другой школе котенок с блохами не нужен, Петербургский.

–Опять... вот знаете, Людмила Витальевна, не знай я вас и вашего юмора специфического, страшно бы обиделся на сравнение с блохастым котенком, но я не из обидчивых. А вот насчет нулевого урока, то тут заминочка. От того места, где я сейчас нахожусь, до школы на истребителе за час не долетишь. Я же простой школьник, у меня и на автобус денег нет, так что не успею. Может, ко второму... – Лев говорил так, будто капитан судна рассказывал о специфике профессии маленькой девочке.

–Ну ты и безответственный болван, Петербургский. Что тебя ждет без образования? На что надеешься? Ты же вроде уехать хотел после школы. Куда же ты пойдешь? Ты ничем не увлекаешься, не знаешь ничего. Ты мальчик не глупый, да только определиться бы пора, чего ты от жизни этой хочешь. Хотя, не мне тебе мозги вправлять.

–А кому, если не вам?

–Некому, судя по всему. На ум, конечно, социальные работники приходят...

–Ну, Людмила Витальевна, вы опять за свое? – голос Льва звучал издевательски восторженно.

–Все! Не трать мои время и деньги на счету, Петербургский. Приходи в школу как можно быстрее. Все. До свидания, – этими словами завершился разговор между Львом и его классной руководительницей.

Глава

4

Слова Людмилы Витальевны не особо тронули Льва. Сколько раз ему грозили отчислением – не сосчитать. Однако, он все еще числился учеником в школе, так что, и в этот обыкновенный раз он не паниковал. Подойдя неторопливо к стулу с чистой одеждой, также неторопливо надев ее, а после в том же медленном темпе Лев вышел за периметр стройки, где утренняя морозящая свежесть коснулась его щек.

На самом деле, расстояние от стройки до школы составляло всего семь километров. Оно преодолевалось за двадцать или тридцать минут на автобусе, именно за то время, чтобы успеть к нулевому уроку. Но план Льва разнился с «правильным», подразумевавшим беспрекословное исполнение воли Людмилы Витальевны.

Лев сам по себе был не очень торопливым человеком, а с утра тем более. Для начала, он решил, что нужно как следует подкрепиться. Ведь завтрак, как известно, важнейший прием пищи, определяющий качество дня. Великие люди не пропускают завтрак. А вот что закидывать в рот – дело посредственное. В один день – сырники с кофе, в другой – булка с бананом, в третий, сегодняшней, аппетитная шаверма, поданная с пылу, с жару. Привычку запихивать в себя жирную булку с курицей с утра пораньше Лев скверной не считал. Процесс поедания вызывал в нем всплеск счастья. Вроде бы такой ничтожный повод, а человек радовался.

Но отступим от съестной темы, пока ваши слюни не забрызгали одежду. Не торопясь, безмятежно насладившись трапезой, Лев обозначил следующую точку своего утреннего путешествия – бани Савелия.

«Купальни Афродиты» – такое название носили несколько небольших комнат, представлявших собой парильные, комнату отдыха с потрепанными кожаными диванчиками и большим плазменным телевизором не под стать уровню заведения. Место же, несмотря на свой неидеальный вид, пользовалось большим спросом. Причиной тому служил второй этаж с баней. Два десятка прелестных девочек трудились там по вечерам, а по утрам отдыхали, переодевались в городское и шли по своим делам, чтобы после вернуться вновь и заработать. Не подумайте,

право, ничего непозволительно вульгарного. Девочки были трудоустроены как официантки. Они парили по общему просторному залу с подносами, хихикали, когда хотели, и томно закатывали глаза, если слышали пошлость в свой адрес. Одеты они были под стиль девятнадцатого века: в длинные платья в пол, корсеты и чулки; волосы разделял прямой пробор с завитыми локонами на висках. На лицах было минимум косметики, а если она все же присутствовала, то в виде чуть подкрашенных губ и подведенных глаз. О да, Савелий был эстетом.

В банях ночь поменялась местами с днем. Поэтому, с утра, когда пришел Лев, парилки отдыхали. Он закинул собранные за неделю вещи в стиралку, а пока пошел пользоваться общественными услугами: поплюхался в бассейне, причесался перед резным зеркалом в полный его рост, погримасничал. Взбодрился, в общем, перед обвинительным судом. Колоссальных усилий ему стоило отлепиться от мраморной ванной с пузырьками, чтобы отправиться на гильотину по доброй воле.

***

Школа находилась рядом с скромным малолюдным парком. Со стороны она выглядела довольно безобидно и спокойно. Внутри же обстановка стояла, мягко выражаясь, иная. Крики, визг, вопли, несшиеся со всех сторон, всегда раздражали Льва; обилие потных подмышек обычно начинало бесить его ко второй перемене, а слишком длинные перемены, убивавшие по часу в день, выводили его из себя своей бесполезностью.

Войдя внутрь здания, Лев громко поздоровался со стариком-охранником, спавшим в кресле в своей будке. Но тот, судя по всему, не услышал его. Шел урок, поэтому на первом этаже было тихо. Сняв куртку и повесив ее в раздевалке, Лев, сохраняя удивительное спокойствие, под стать себе, не торопясь, величественно, направился к кабинету директрисы.

Постучав, Лев легонько тронул дверь указательным пальцем, а та с удовольствием, мягко и без скрипа, отворилась. За столом сидела в гордом одиночестве завуч этой школы – Зинаида Аркадьевна.

– Утро доброе, – поздоровался Лев.

– С ума сойти! Кого к нам принесло! Ты сюда зачем пришел? По делу или просто по пути заскочил? – язвительно отвечала тетя лет тридцати в очках, снятых со столетней старушки.

– Я никогда просто так ничего не делаю. По поводу моего наивероятнейшего отчисления потолковать я пришел.

– Самого наивероятнейшего. Ты присаживайся, сейчас урок кончится, на котором тебя опять не было, кстати, все учителя тут соберутся.

– Чай пить будем? Я могу за печеньем сбежать... – подмигнул Лев.

Хамские разговорчики давно уже перестали шокировать чувствительных учителей; их просто не выделяли среди обыкновенной болтовни самого безобразного ученика. Зинаида Аркадьевна продолжала бессмысленное вбивание бессмысленных данных в свой подвисяющий компьютер, а Лев ожидал часа суда, обдумывая все его возможные ответвления и исходы.

Через десять минут прозвенел звонок, а еще через пятнадцать и без того тесную комнатушку, в которой без открытого окна было вдвоем тяжело дышать, наполнил десяток учителей разных мастей. Их объединяли только две вещи: юбка-карандаш и сердце, наполненное неприязнью к одному и тому же человеку. Среди послушных тушканчиков выделялась классная руководительница Льва – Людмила Витальевна. Ей было не больше тридцати пяти лет. Единственная, изменившая строгой юбке с стильным брючным костюмом. Женщины постарше ненавидели ее за то, как легко на ней сидела белая рубашка, за ребяческую обувь – адидасы с высокой подошвой. Улыбаясь в тридцать три белых зуба, своих, а не вставных, она приковывала внимание класса, поэтому, среди ее учеников, отстающих не было; никто не хотел огорчать смешную, молодую, многое понимающую информатичку, Людмилу Витальевну.

– Итак, все в сборе? Можем начинать, – произнесла директриса, вбежав с турбо ускорением в кабинет.

–Мне на стульчик встать? – спросил Лев с язвительной улыбкой.

–Не надо на стульчик, тебя и так прекрасно видно, – ответила ему учительница химии, которую не уважали коллеги, а дети пропускали ее уроки на постоянной основе.

Лев покривился, шмыкнул, принял, в общем, защитную стойку.

–Ну, времени у нас немного, так что приступим. Лев, когда ты в последний раз был на уроках? – начала заседание директриса под торжествующими взорами своих коллег.

–В данный момент мог бы, но вы же отнимаете это бесценное время.

Людмила Витальевна ткнула его локтем в живот и кинула злобный взгляд, намекая тем самым, чтобы он помолчал.

–Язык придержи. Многие не по своей воле сюда ходят, но ключевое слово – ходят. Я тебе напомню. Последний раз ты был на уроках пять недель назад. Ты же понимаешь, что у тебя практически нет оценок, а те несколько цифр, что стоят в журнале – сплошные двойки. Ты же просто на просто не сдашь выпускные экзамены. Ты вообще, о чем думаешь? Тебе абсолютно точно не хватит времени на то, чтобы освоить школьную программу за десятый класс, – толкала речь директриса, – вот что ты стоишь лыбишься? Ты хоть речь русскую понимаешь? Вот не веди себя, как обезьяна! Вокруг тебя столько умных людей собралось, а ты тут стоишь и жуткие гримасы корчишь!

Лев и правда слушал все, что ему говорили с самодовольной улыбкой на лице. В какой-то мере это было средством защиты против стаи гиен, состоявших сплошь из особей женского пола. С другой стороны, это было наплевательское отношение. С третьей, это была улыбка из-за истерично писклявого голоса их директрисы и ее телосложения, похожего на кирпич. Факторы смешались, а на выходе явили язвительную гримасу.

–Хочу также отметить, сколько всего для нашей школы сделал Лев, – в разговор вмешалась Людмила Витальевна, – первые места по футболу и баскетболу в девятом классе, призер областной олимпиады по праву, призер регионального этапа по экономике. Вы же видели похвальное письмо на имя Льва Петербургского из спортивной школы.

–Было в прошлом году, Людмила Витальевна, мы сейчас говорим о том, что прошло три учебных месяца, а он, дай Бог, две недели из них отходил. Так продолжаться не может. Вот скоро Новый Год, пускай у нас «доучится», а после отчалил в свободное плавание.

–Я бы дала Льву еще один шанс, – не сдавалась Людмила Витальевна, – вы же знаете, он не глупый мальчик, нужна поддержка.

–А давайте узнаем мнение остальных, раз вы такая уперт... упорная. Прошу поднять руки тех, кто считает, что Лев должен покинуть нас.

Как и ожидалось – большинство. Не подняли руки лишь учителя физкультуры, географии и Людмила Витальевна. Первые двое – мужчины, спортсмены, поощрявшие выносливых рослых учеников. Лев когда-то ходил с ними в поход на Урал, так они и подружились.

–Людмила Витальевна, сами видите соотношение голосов, – директриса была неумолима.

–А как же мое мнение? Оно вообще не учитывается?

–Конечно, учитывается. Но вы одна считаете, что из него можно что-то слепить.

–Так по-вашему, из него ничего не выйдет? Вы глубоко заблуждаетесь. Что, если я готова поручиться за него? Еще один прогул по неуважительной причине – больше слова в его защиту не скажу.

Директриса приподняла одну бровь и, видимо поняв, что ввязываться в дальнейший спор с молодой учительницей, которая была уже явно на взводе, ей дороже выйдет, дала добро.

–Испытательный срок. Не будешь ходить на уроки – выгоню на следующий же день, – директриса ткнула указательным пальцем Льва в грудь и под неодобрительный шепот учителей выскокала из кабинета.

Вслед за ней кабинет покинула свита за исключением Льва и Людмилы Витальевны.

– Не подставь меня. Накосячишь – защищать тебя будет уже не кому, – сказала учительница.

– Конечно, буду приходить и тратить попусту время каждый день.

– Готовься к экзаменам, читай на уроках, рисуй что-нибудь, телефон спрячь под пенал – придумай, чем себя занять. Советую, все же, готовиться к экзаменам, но, главное, сдержи слово. Начать, кстати, можешь прямо сейчас. У вашего класса по расписанию физика, вроде, так что иди.

– Полезные советы даром раздаете. Я такое одобряю. Спасибо.

Лев кивнул, вышел из учительской и поплелся на урок, обдумывая выставленные ему условия. Он не был бессердечным, твердолобым негодяем – подставлять единственного человека, хорошо к нему относившегося, расценивалось, как преступление против совести. Но тратить время, отсиживая уроки – гораздо хуже, в первую очередь, для него самого. Одна лишь мысль о ежедневной нервозности, духоте, скопищах придурков, болтающих ни о чем, приводила в бешенство.

Прозвенел звонок на урок. Ученики расселись по местам. Последним в класс вошел Лев. Учительница физики, увидев его в дверном проходе, развела руки, улыбнулась и заплотировала.

– Что же это такое сегодня творится то, а? Неужели сам Петербургский Лев, не знаю, как по батюшке, решил одарить нас своим королевским визитом – завелась учительница, – встанем же, ребята, похлопаем; не каждый день праздники отмечаем.

По классу пронесся дружный гогот, сменившийся хлопками. Лев не растерялся. Его покорила клоунада, но не выбила из колеи. Все-таки, стать посмешищем для одноклассников не самое ужасное, что могло произойти.

– Бутылки можете не вскрывать.

– Я тебе повскрываю чего доброго, на место сядь и попытайся хоть что-нибудь понять, – прервала его минуту славы физичка.

Лев кинул наигранно злобный взгляд в сторону той, которая посмела прервать его речь, а после также наигранно важной походкой, поднимая ноги чуть ли не до груди, занял первую парту, прямо около доски. Разыгрывал он весь этот спектакль не потому, что был хорошим актером. Лев старался никогда не падать в грязь лицом. А после такой пестрящей сарказмом шутки учительницы он не мог тихо сказать «извините», опустить глаза в пол и покорно занять свое место. Это было бы признанием того, что он не может дать отпор, а значит, он слаб. Давать отпор – это, пожалуй, то, что Лев умел лучше всего. Не считая, конечно, умений язвить не в всегда подходящих ситуациях, отпускать саркастичные шутки направо и налево и случайно влезать в дела, совершенно не касающиеся его.

Когда закончилась дуэль с учительницей, на которой вместо пуля использовали сарказм, начался урок. По программе шла тема на молекулярную физику. Сначала ребятам рассказали об уравнении Клапейрона-Менделеева, оно же уравнение идеального газа, и дали формулу. После они решали задачи, не требовавшие углубленных знаний. Лев никогда не понимал трудностей, возникающих при их решении хотя бы на школьном уровне. Дана формула, даны числа, нужно лишь подставить, соединить, а на выходе что-то да получится. Да, иногда задача завернута так, что необходимо немного подумать прежде, чем писать. Но на уровне десятого класса это сделать совершенно не сложно.

До конца урока оставалось еще десять минут, а Лев уже прикончил выданные задачи. Он первым сдал тетрадь на проверку, а после стал глядеть в окно. Его мысли крутились вокруг решения, которое ему предстояло принять. Лев совершенно точно знал, что не сможет регулярно посещать школу из-за банальной нужды обеспечивать себя. Но как тогда быть с Людмилой Витальевной, которая подставилась ради него? Зачем она полезла? Наговорила всякого, а отдуваться ему. Как бы не хотелось оправдать ее надежды, но, право, не стоило говорить за

него... ДЗИНЬ-ДЗИНЬ. Дзиньканье вернуло Льва на Землю. Он взглянул на экран телефона, лежавшего на столе. На дисплее высветилась яркая надпись: «Савелий рабочий». Лев отключил звук и продолжил разглядывать оконную грязь, которая образовывала разные узоры. Но Савелий не унимался. Звонок за звонком. После двенадцати проигнорированных попыток связаться с ним, Лев не выдержал, ругнулся, чем заставил класс подпрыгнуть от неожиданности и оторваться от своих работ. Он бросил положенное: «Я выйду». Схватил телефон и выбежал из класса под смешки одноклассников и нервное цыканье физички.

–Раз я не отвечаю, значит, не хочу! – Лев кипел от ярости.

–Ну, так ты отвечай через не хочу, когда тебе звонят! – Савелий тоже был не в восторге от того, что ему пришлось так долго дозваниваться.

–Что ты хочешь? Кратко.

–Надо встретиться, не телефонный разговор.

–Когда тебе надо встретиться?

–Нам, Лёва, встретиться нужно нам.

–Чуть ближе к делу.

–Сейчас.

–Я сейчас в школе, так что давай попозже. Я в три освобожусь...

–Что ты там забыл то? Да и вообще, с каких пор ты в нее ходить начал?

–Сегодня и начал.

–Ну, значит, не вовремя ты начал, Лёва. В общем, я тебя не спрашиваю, а говорю, что нужно сделать. Через тридцать минут около Дворцовой площади в пивной «Попугай» или что-то в этом духе. Придешь вовремя – подарю энциклопедию, красивую, с объемными картинками. Будешь добирать знания.

–Ты эти свои шуточки побереги до праздников. Я же сказал, что не мо...

–Лёва, слушай меня внимательно. Сейчас дело не в том, пойдешь ты на свое пение с историей или не пойдешь, а в том, что нас ждет в ближайшем будущем. И если ты хочешь провести его на свободе, то приходи, пожалуйста, в Русалочку. Все, пока не могу больше говорить.

Из телефона раздались короткие гудки. Лев стоял посреди школьного туалета и думал, как ему лучше поступить. Насколько хорошо он знал Савелия, а знал он его хорошо, наклевывался вывод, что сейчас он серьезен. А серьезным он бывает не часто, значит, случилось что-то важное. Составив эту логическую цепочку, Лев, не забыв, конечно, о Людмиле Витальевне, но с горечью и стыдом отпустив мысли о ней, стал обдумывать план побега из школы. В принципе, вариантов было немного: выйти также, как он сюда и пришел, но в будке сидит охранник, а на первом этаже уборщицы, которые знают, кто он такой. Они тут же позовут директрису, как только увидят его, выходящего в верхней одежде; также можно прыгнуть из окна второго этажа. Лев так и сделал. Предварительно проникнув в раздевалку и забрав куртку, подмигнув начавшим что-то подозревать уборщицам, он поднялся на второй этаж, где располагались кабинеты начальных классов, и прыгнул из окна.

Приземлился он удачно. На удивление, ничего себе не повредив, а лишь немного испачкав штаны и толстовку, Лев рванул в сторону дороги. К удаче, первым подошедшим автобусом к остановке оказался нужный. Все обошлось без глобальных пробок, поэтому через двадцать пять минут Лев уже стоял на пороге Русалочки.

Русалочку, как и Моряка, держал один хозяин (морская тема, кхе-кхе). Но обстановка в них кардинально различалась. Если Моряк был самым первым заведением, открытым Ильей Демидовичем, белорусом, приехавшим в Санкт-Петербург около пяти лет назад, то Русалочка существовала не более полугода. Это был просторный двухэтажный ресторан с живой музыкой по вечерам и высоким ценником. Но и качество блюд оправдывало их стоимость. Илья Демидович вместе с деньгами, полученными в наследство после смерти отца, увез из Минска двух узбеков, которые теперь работали шефом и, соответственно, су-шефом в Русалочке. Плов,

приготовленный в большом чугунном котле, пользовался постоянным спросом. Он готовился из любого мяса, с любыми овощами и под любым соусом, в зависимости от предпочтений гостя.

Савелий уже ждал Льва на втором этаже. Молодой человек около двадцати лет, среднего роста, с светлыми, чуть рыжеватыми волосами, уложенными гелем, ковырял зубочисткой стол, оставляя вмятинки. Щеки его были гладко выбриты, над верхней губой свисали закрученные усы, а под нижней небольшая бородка. Ему, в наследство от матери, достались хитрые глаза каштанового оттенка; взгляд шнырял из угла в угол, будто он следил за каждым в этом зале. Одет Савелий был в недорогой, но представительский костюм. На руке его сияли новенькие часы известной марки,

– Ты даже не опоздал. Приятно удивлен, мой друг, – заговорил Савелий, – ты не против? С заказал себе плов с бараниной, тебе тоже. А ты не стой, садись, нам есть, что обсудить.

– По телефону ты был более нервный, – Лев сел за стол, – что за спешка?

– Таить не буду, мы в полной жопе, Лёва, – с этими словами Савелий ударил по столу руками.

В этот момент к ним поднесли две порции риса с бараниной в острокислом соусе.

– О, еда, это хорошо, – Савелий накинулся на плов, как ворона на свою добычу.

Лев смотрел на своего старого друга с некоторым непониманием.

– Так ты начнешь говорить или нет? – вставил фразу Лев, прервав тем самым не очень аппетитное чавканье, раздававшееся по другую сторону стола.

– Так, ты просил кратко, попытаюсь. Я недавно нанял двух новых курьеров, ну, ты помнишь их. Это младшие братья Владислава. Да... Неприятность одна на днях случилась. Один из них умер.

– Умер? И что теперь... Хватит жрать! – Лев вырвал вилку из рук его друга и кинул на стол. – Я спрашиваю, что теперь? Этот Владислав убить тебя хочет? Или нас убить хочет?

– Что? Нет! Да ему все равно на него. Он был ему пятиродным или шестиродным братом по дедушкиной линии, что-то типа того. Ты вот, если прекратишь меня перебивать, то все узнаешь намного быстрее. О чем это я? Ах, да. Умер он не просто лежа дома на диване, а во время передачи товара. То ли инфаркт, то ли тромб оторвался, не помню точно. Но суть в том, что мелкий засранец, который получал товар, мало того, что украл свой сверток, так он и обшарил карманы нашего покойного и вытащил оттуда добро, предназначавшиеся для других...

– Ну и? Ты теперь должен поставщику денег, которых у тебя нет?

– Да там было то на пару сотен! Не перебивай и все узнаешь. Засранец домой к себе ушел, обожрался в хлам и тоже помер. Так его отцом оказался, знаешь кто? Генерал-майор полиции.

– И он вышел на тебя?

– Бинго!

– И тебя теперь посадят?

– Да, а может и нет. Для этого я тебя и позвал. Я встретился с тем генералом-майором, и он предложил мне сделку. Я должен сдать поставщиков, а за это мое дело закроют.

– Ты согласился?

– Естественно, выбора у меня особого нет.

– По телефону ты сказал, что это и меня касается. Так хочется узнать, каким образом?

– Ах, точно. Твое имя там случайно проскользнуло...

– Ты идиот или да? – Лев начинал переходить на более высокий тон.

– Не горячись. Ты там указан лишь как один из курьеров. Ну мне в прошлом году для отчетности перед Владиславом нужно было вписать паспортные данные, а у курьера паспорта не было на тот момент, ну я и вписал тебя.

– Ты точно идиот.

– Да, я знаю. Но у нас есть шанс – эта сделка. Если ты мне поможешь повернуть дельце как надо, то тебе ничего не будет. Я договорюсь. Тебя вообще вычеркнут, будто Лев Петербургский никогда и не был с этим связан. Ну как, по рукам?

– Что делать нужно?

– Я знал, ты согласишься!

– А у меня есть выбор?

– Не особо. Завтра я встречаюсь с Костей и Владиславом на Морском вокзале.

– Что ты им наврал?

– Я сказал, что появился очень крупный покупатель, и он хочет встретиться с ними лично.

– Ну, а на месте будет группа захвата, не так ли?

– Именно. Завтра, в четыре утра, Морской вокзал, рядом с магазином, встретимся там.

– Только не опоздай.

На этом Лев попрощался со своим другом и ушел.

Остаток дня не представлял из себя ничего необычного. Так и не вернувшись в школу, Лев закупился лапшой и сухариками в супермаркете, вернулся домой, прочитал пару страниц чего-то бумажного и незатейливого для успокоения нервов и лег пораньше спать, поставив будильник на три утра.

***

Савелий всегда опаздывал. Такая вот человеческая натура. Кто-то пьет, кто-то жрет по ночам, а кто-то, черт побери, постоянно опаздывает. Если Лев в 03:50 уже был на назначенном месте, то его друг лишь выезжал из дома.

Вокруг была полнейшая темнота. Фонари начинали работать лишь в паре кварталов отсюда. По-видимому, кто-то позаботился об этом. Из-за отсутствия света было тяжело заметить бойцов специального отряда, сидевших на скамьях рядом с пристанью, лежавших со снайперскими винтовками на крышах лайнеров, стоявших за зданиями. Лев нервничал, потирал руки, а пульсирующая жилка на лбу легко выдавала в нем параноика. К четырем утра к месту подъехали Костя и Владислав вместе с охраной, состоявшей из двадцати неплохо вооруженных парней.

– Ну так-с, ты, я полагаю, приятель нашего общего знакомого по фамилии Вайтонис? – высокий мужчина лет сорока подошел ко Льву.

– Владислав? – поинтересовался тот.

Мужчина ничего не ответил, но по описаниям Савелия, это был он. Владислав худощав, но полон на лицо. Круглые его щеки покраснели от холода. Одежка дорогая, но клоунская: бордовое пальто, сочетаемое с остроносими коричневыми сапогами и серыми штанами в белую полоску, смотрелось комично. Было такое ощущение, что он подглядел свой образ у двенадцатилетней школьницы, пытающейся казаться взрослее.

Менее чем через тридцать секунд к ним подошел еще один мужчина, но куда более старый. На вид ему можно было дать около шестидесяти, на деле же его возраст пересек семидесятую границу. Это был Константин, который не любил, когда его называли полным именем.

– Владик! Ты уже тут! – Костя, улынувшись во всю свою отбеленную вставную челюсть, обнял и похлопал по спине сдержанного Владислава.

Костя хоть и был старше всех присутствовавших здесь, но вел себя по-детски. Хотя, инфантильность не мешала ему считаться одним из лучших в своем деле.

– А ты Лев, да? Ну, точно, прямо, как с картинки. Богатырь прямо. Высокий, темновластый, с желтыми глазами – все, как описывал Савелий, – Костя был куда более разговорчив, нежели Владислав.

– Да... – нехотя выдавил Лев.

Владислав стоял, уткнувшись носом в телефон, Костя улыбался, разглядывал темное небо, дивясь единственной видной звезде, иногда говорил что-то сам себе, а Лев пытался дозвониться до опаздывающего Савелия.

Когда четвертый член утреннего собрания наконец-таки явился, то выглядел он не таким спокойным, как обычно. Волосы были всклочены, руки еле заметно тряслись, а глаза метались из стороны в сторону с дикой скоростью. Увидев состояние приятеля, Лев забыл о том, как он злился из-за того, что ему пришлось ждать его и мерзнуть последние двадцать минут.

–Что такое? – тихо спросил он подошедшего Савелия.

–Чш-ш-ш, – пшикнул тот и приложил указательный палец к губам.

–Вайтонис, наконец-то! Ты всех заставил ждать! – воскликнул Владислав.

–Господа, я приношу всем свои извинения. Я опоздал по весьма уважительной причине, о которой поведаю вам чуть позже. После того, как мы осуществим одну из самых крупных сделок в нашей жизни! – Савелий очень быстро вышел из нервного состояния и стал обычным, веселым и громким, – пойдете же, не будем терять драгоценного времени.

Излучая уверенность, он шел впереди, ведя за собой Льва и двух других компаньонов; охрана рассредоточилась кружком вокруг них. Пафосно, вычурно, но черт возьми, как круто. Другого слова тут не подберешь. Да и сами «гангстеры» уверовали в собственную непобедимость, поэтому пренебрегали простой, но необходимой осторожностью, целясь лишь вперед и не обращая взоры по углам. А ведь там, если присмотреться, копошилось что-то здоровенное; потенциальная опасность. Бойцы в бронжилетах, поделенные на группки, крадучись обступали свои цели, сужали их радиус для побега.

–Встреча состоится на корабле? – удивленно спросил Владислав.

–Конечно, более того, на открытой палубе, рядом с баскетбольным кортом, – отвечал Савелий.

–Я спортом не увлекаюсь. Ну да ладно, сильнее я уже не замерзну. Веди, – с драматичным наигранным прискорбием сказал Владислав (попытался пошутить).

На палубе их уже ждал псевдопокупатель. Его роль исполнял один из молодых сержантов, отдавший десять лет жизни театральному кружку. Он завел руки за спину, насупился, сдвинул брови – полный комплект серьезного человека. Он стоял в окружении нескольких служителей законов в деловых костюмах, взятых напрокат. У одного полицейского, якобы телохранителя, был шрам на пол лица, у другого было оторвано одно из крыльев носа, у третьего не было одного глаза. Сборище уродцев, но признаю, внушавших страх.

Актер ходил из стороны в сторону, выгнув спину дугой. Но как только подошла компания, он тут же остановился и выпрямился.

–Вы заставили меня ждать, – констатировал Актер.

–Я знаю, это моя вина, – отвечал ему Савелий, – но предлагаю сразу перейти к делу, позже, наедине, я принесу вам свои извинения. Владислав, Константин, прошу вас, покажите господину, какой мы можем достать товар для него.

Владислав махнул рукой, и один из его телохранителей вышел вперед вместе с небольшим кейсом, пристегнутым наручниками к руке. Лысый бугай достал из кармана пальто ключ, отстегнул наручники, а после Костя ввел пятизначный код на кейсе, и тот открылся. Внутри лежали несколько свертков, помеченных разными цветами. Черный цвет означал голландские сыры, а именно сыр Гауда и Эдамер. Красный – швейцарские, среди которых значились Сбринц, настоящий, ароматный Грюйер, Маасдам. Белым помечены были орехи, каждый по несколько штук: бразильский орех, миндаль, фисташки, макадамия.

–Прошу, возьмите, – Савелий передал кейс из рук Кости в руки актера, – как вы можете видеть, мы предлагаем высококачественный продукт разных видов и сортов. Хочу также отметить, что поставки возможны в любом количестве с регулярной частотой. Если заинтересует, то можно обсудить еще и фрукты...

Савелий старался рассказать, как можно больше компрометирующего про их сырно-ореховый, частично фруктовый бизнес. Распинался он профессионально, слова выскальзывали ловко, непринужденно. Компаньоны не заподозрили его в чем-то закулисно предательском. Ну болтал и болтал, он всегда болтает много.

Актер надел белые перчатки на руки, чтобы не оставить отпечатков, и взял кейс в руки. Он аккуратно развернул один из свертков, взял тонкий ломтик сыра, поднес к раздутым ноздрям, вдохнул поглубже, будто что-то и впрямь смыслил в этом деле.

–Ну точно, швейцарский, – тихо произнес он себе под нос.

Факт передачи зарегистрирован. Актер резко захлопнул кейс, отпрыгнул и махнул рукой. Трое телохранителей Владислава упали замертво в ту же секунду. Снайпер с соседнего корабля точно проделал свою работу. Другие успели вовремя сориентироваться и скрыться внутри лайнера. Лев думал, что им не нужно бежать и прятаться, ведь они заключили сделку, а значит, их не тронут. Поэтому он лишь пригнул голову и присел, когда прогремели выстрелы.

–Беги, придурок, прячься! Они и нас убьют! – крикнул Савелий, а после кинул дымовую гранату в идущих на них бойцов.

Манна небесная, что за чудесная реакция! Еще секундочка, и пуля продырявила бы его бедро. Не соображая толком, а действуя согласно инстинкту, Лев перевалился через бортик, и холодная октябрьская водичка приняла его в свои объятия.

Глава

5

Честно, купание в Финском заливе не бодрит с утра пораньше. Мусор плавает там вместо уток, и не дай бог вода попадет в рот. Но когда рядом с тобой гремит перестрелка, такие мелочи, как холод и чистота перестают волновать.

–Выбраться. Нужно выбраться из воды, – повторял Лев, как мантру.

Он проплыл до Пассажирского порта и только там вышел на берег. Лев надеялся, что таким образом избавится от преследования, но ошибался. Никто его просто так отпускать не собирався. Пять вооруженных бойцов столпились на берегу, как рыбаки, в предвкушении крупной рыбешки.

–Бежать некуда, парень, – издевательски произнес один из них, когда беглец, еще не восстановив дыхание после заплыва, вылез на берег.

Лев выплюнул воду, которой все же нахлебался, пока плыл, глубоко вздохнул, поправил мокрые волосы и согнулся, положив ладони на колени, соорудив себе подпору.

–Заблуждаетесь, товарищ, – улыбнулся он и, разбежавшись, прыгнул обратно в воду.

Когда бойцы подбежали к краю, то обнаружили, что Льва нигде нет. Подумав, что он просто нырнул, стали ждать, пока у нерадивого пловца кончится воздух. Но проходила минута, за ней вторая и третья. Лев не всплывал. Бойцы вызвали подкрепление, забили тревогу из-за сбежавшего подозреваемого. В течение тридцати минут тридцать полицейских обыскивали Морской вокзал. Осознав бессмысленность поисков, вызвали профессионального дайвера. Но было уже поздно.

***

Идея, как уйти от преследования, возникла сразу же после второго прыжка в воду. Канализация, а точнее тысячи труб и туннелей, ведущих в самые разные уголки города – либо туда, в гости к черепашкам, либо в руки правосудия.

Лев не был брезгливым человеком. Даже заплыв по Финскому заливу не вызывал в нем чувства отвращения. Но лезть в канализацию – более, чем мерзкое занятие. Но куда деваться? Лев ухватился за бортик дыры, уходящей под пристань, и с усилием поплыл против течения.

Проплыв по узкому туннелю около пятнадцати метров, он вынырнул в длинном широком туннеле, заполненном водой из-за обильных питерских дождей. Труба располагалась рядом с потолком, а потому там было немного места, не заполненного водой. Только оказавшись в

туннеле, Лев не сориентировался, и его резко подхватил бурный подземный поток. Пловца-неудачника несло, как дохлую селедку, вода била по лицу, как будто летели пощечины, не оставляя никакой возможности вздохнуть; начинало казаться, что он уже не выплывет. Но вдруг Лев начал падать. В яму.

Яма – помещение цилиндрической формы, куда стекались воды из трех разных туннелей. Вода здесь была спокойной, что позволило Льву подплыть к лестнице на стене и взобраться по ней на второй уровень канализации – на небольшую платформу с решетчатым полом и тремя проходами, ведущими в три разные стороны. Немного полежав и восстановив дыхание, Лев выбрал один из них, самый нестрашный. Просто наугад.

Шел он долго, час или два, то и дело выбирая новые ответвления и пути, падая в воду, а после выбираясь из нее. Лев пытался отыскать люк, который стал бы его спасением. Но про устройство канализации он ни черта не смыслил, а потому плелся наобум. Хотелось есть и спать, хотя бы пить, но остановка – потеря времени. Даже тот страх, покалывавший нервишки, когда Лев только начал свое путешествие по подземному городу, исчез. Его задавило своим весом чувство отчаяния.

Спустя примерно четыре часа бессмысленных скитаний по этому проклятому лабиринту слышались голоса.

–Господь, помяни мои слова. Боря, у тебя с головой все в порядке? Зачем ты мне молоток бросил? Я тут не гвозди забивать собираюсь!

Это был голос потрепанного бабскими причитаниями и регулярным пивом мужика в синем комбинезоне и каске с фонариком. Он ворчал на своего молодого помощника, но его не ласковые слова казались Льву поцелуями флейты.

–Да! Я здесь не сдохну! Я знал, что умру не сегодня! – Лев закричал от счастья, выбежав из-за темного угла.

Услышав победный визг, немолодой рабочий заорал, что есть мочи, и упал с лестницы. Зрелище и правда было страшным: гигантское существо, все в грязи и дерьме, со включенными волосами, покрытыми пятисантиметровым слоем какой-то липкой дряни, в разодранной одежде. К тому же, громко орущее басистым голосом и бегущее с поднятыми руками-вермишелинами. Точно монстр, вышедший из глубин канализации поглазеть на род людской.

–Мать твою, это же человек! – крикнула голова молодого помощника, появившаяся из люка.

Лев выбрался наружу и оглянулся: Нарвский проспект. Примерно шесть с половиной километров от Морского вокзала. Лев стоял и смотрел по сторонам, наслаждаясь тем, чему раньше он не придавал особого значения – возможностью дышать.

–Эй, парень, ты кто? – спросил Льва молодой помощник.

–Кто я? Преступник, стало быть, – сказал Лев и истерично захохотал.

–Ааа... Преступник, я так и подумал. А что же ты в канализации делал?

–Купался, – глупо ответил Лев на глупый вопрос.

К этому времени на поверхности показался немолодой рабочий, захлопнувший за собой люк да проверивший, надежно ли он закрыл его.

–Ты, зараза малолетняя, что забыл в канализации? Ты хоть представляешь, что мог умереть? Сейчас же дожди, уровень воды поднялся... – начал отчитывать Льва рабочий.

–Уж поверьте, я там не по собственному желанию очутился, – отвечал чумазый крокодил.

–Ну, по собственному, не по собственному, с этим полиция разбираться будет. А вот как раз и они.

Из патрульной машины, подъехавшей к тротуару, вышли двое – сержант и рядовой.

–Что тут собственно происходит? – начал было сержант.

–Да вот, товарищ полицейский, задержали мы тут одного любителя пошастать по канализации в одиночестве, – отвечал ему рабочий в возрасте, подергивая усишки.

Сержант с рядовым переглянулись.

–Понятно. Вам, молодой человек, помочь или вы сами сядете в машину?

–Попробую сам, а там дам знать, – ответил Лев и подошел к автомобилю.

–Нет, стойте! – крикнул рядовой и достал из бардачка несколько газет, а после постелил их на заднее сиденье.

–Не поможет, – скептически заметил Лев и плюхнулся в салон, специально смяв бумажки.

Полицейская машина отъехала, оставив рабочих, люк и страх смерти. Им на смену пришли иные, нельзя сказать, что более приятные чувства.

–Имя, фамилия, отчество, дата рождения, место жительства, – диктовал сержант.

–Петербургский Лев Павлович, появился на свет шестнадцать лет назад девятого января, в ночь, когда луна покраснела, а звезды стали падать с небес...

–Что за бред ты несешь? – сержант развернулся и посмотрел на Льва, как на обезьяну.

–Прошу прощения, моё красноречие иногда доходит до абсурда, становясь губительным. Так вот, без определенного места жительства, если так можно выразиться.

–Бомж что ли? – сказал рядовой с максимально присущим ему уровнем иронии.

–Ну, в иной ситуации я бы возразил. Но сейчас от меня воняет хуже, чем от мусорной свалки, так что бомж – наиболее подходящее слово.

–Хорошо, бомж Петербургский, номера родителей.

–За не имением таковых, я продиктую вам, господа, номер Марии Станиславовны.

–Это еще кто такая?

–Социальный работник.

–Ну, понятно. Значит, добавляем ко всем твоим характеристикам то, что ты приютский.

–Из ваших уст звучит довольно грубо, но да, так и есть. Ни папы, ни мамы вот уже как шестнадцать лет.

–Ууу... Только плакать не начинай, парень.

–Договорились.

Лев продиктовал номер Марии Станиславовны, и машина подскочила на лежащем полицейском. Дорога до отделения, учитывая пробки, составила около пятидесяти минут. Газеты и правда не помогли: к концу поездки весь салон пропах говном вперемешку с мочой.

–Приехали, вылезай – сержант открыл заднюю дверь.

Лев вылез. В знакомое ему место притащили, сволочи. Полицейский участок. Ммм... запах как в столовке. Где-то жарили пирожки. Владимир Ильич их любит: Лев всегда захватывает парочку, когда нужно идти в участок.

Внутри отделения все было по-обычному облезло, потерто и развалено. Где-то сыпалась штукатурка. Рядом с тем местом, где по вечерам собирались проститутки, на стенах были наклеены разные надписи.

Пройдя по коридору и повернув налево, Лев попал в кабинет участкового. В нем находились двое – сам участковый, Алайкин Владимир Ильич, и социальная работница по делам несовершеннолетних, Пожарская Мария Станиславовна. На удивление, она добралась до участка быстрее самого Льва. Как только правонарушитель зашел в кабинет, участковый демонстративно зажал пальцами нос и открыл окно.

–Свободен, рядовой, – сказал Владимир Ильич, садясь за стол.

–Я присяду? – спросил Лев.

–Ага, конечно. Хочешь мои стулья запачкать? Стой и слушай, а когда позволят, отвечай на вопросы. – говорил участковый. – Ох, ну и смердит от тебя, Петербургский!

Владимир Ильич был невысок ростом, плотного телосложения с поросычьим лицом. Если то, что гадко пахло от Льва являлось единичным случаем, то от участкового постоянно несло потом и несвежей одеждой.

–Спокойно, Владимир Ильич, не стоит кричать на него, – в поток слов участкового вмешался тонкий голос Марии Станиславовны.

Она была похожа на Людмилу Витальевну, классную руководительницу Льва. Не очень высокая, с шоколадными волосами, небрежно заколотыми около шеи. Ее хитроватый взгляд был направлен на Льва, хотя говорила она не с ним. Одна ее нога была перекинута через другую. Короткая юбка, черные колготки и рубашка с расстегнутой верхней пуговицей делали из Марии Станиславовны кокетку. Так могло показаться на первый взгляд. На деле же, она была профессионалом своего дела. Мария знала индивидуальный подход к каждому своему подопечному. Мария позволяла им говорить с ней, как с подругой. Лев мог высказать свое мнение, где-то надавить, что по правде ему льстило, а она, взрослая, слушала и иногда даже продавливалась.

–Кхм, ладно, – кашлянул, ожидая, наверное, поддержки, участковый, – продолжим. Скажи мне, Лёва, что ты забыл в канализации этой, тем более один?

–Ну, я был участником импровизированного театра, – отвечал тот.

–Что ты несешь? Я четко, без грубости, спросил тебя. А ты начинаешь клоунаду! Вот, Мария Станиславовна, я был вежлив, он сам провоцирует меня.

–Лев Павлович, я прошу вас перейти ближе к делу, а то наш достопочтенный Владимир Ильич не любит длинных историй, – мягко произнесла Мария и улыбнулась.

Участковый смутился и чуть заметно покраснел.

–Ну раз вы просите, то я перейду ближе к сути, – Лев подмигнул, – в канализацию я попал через Финский залив. Там я залез в трубу под водой, а после, проделав долгий пятичасовой путь, оказался там, где меня подобрали ваши коллеги.

–Так, неплохо, весьма неплохо. То, что ты не помер в этих трубах с туннелями – это неплохо. Но твои приключения с говном меня не особо интересуют. Ты лучше рассказывай, что заставило тебя в эту трубу залезть, – говорил участковый, раздраженно постукивая ручкой по столу.

Лев перевел взгляд на Марию Станиславовну. Он еле заметно мотнул головой, как бы сигнализируя о том, что следующая часть его рассказа не должна быть озвучена.

–Так вы пишете, Владимир Ильич, – резко вмешалась Мария.

–Что же мне писать? Он еще самого интересного нам не открыл...

–Пишите, что в канализацию может попасть любой человек, просто нырнув в Финский залив. Пишите-пишите. А я позабочусь о том, чтобы эти бумаги попали, куда следует.

–Ладно, я отправлю эту информацию куда надо, – отвечал ей участковый, – но сейчас я хотел бы узнать, зачем он туда вообще прыгнул. Явно не искупаться в октябре решил.

Мария, как бы извиняясь, посмотрела на Льва. Того времени, что она приберегла для него, хватило, чтобы придумать слегка правдоподобную версию произошедшего.

–Я за котом нырнул.

–Что за фигню ты несешь, Петербургский? Какой, к хренам собачьим, кот? – переходил на ор участковый.

–Самый настоящий. Рыженький, худой. Его девочка маленькая поймать пыталась, а он от нее спасался. Ну вот и прыгнул в воду, – совершенно серьезно, без тени улыбки говорил Лев.

Мария Станиславовна от стыда прикрыла рукой лицо и больше не смотрела ни на Льва, ни на участкового.

–Вы знаете, я бы сам утопился, если бы такая здоровая девочка на ручки меня взять попыталась, – продолжал Лев.

–Вот скажи честно, ты за идиота меня держишь? А, нет, погоди. Ты меня и Марию Станиславовну за идиотов принимаешь? Как кот с канализацией и с тобой связан? – участковый уже не орал, его скорее интересовало, что будет дальше.

–Ну, так котик упал в воду, а я за ним. Я людей не очень люблю, а животных наоборот. Кошек особенно, – монотонно вещал Лев, – этого несчастного течением понесло в трубу. Я за ним и поплыл.

–Вот ни в жизнь не поверю, что ты ради какого-то кота в трубу канализационную полез! – уже смеясь, прокричал раззадоренный участковый.

–Я не полез, меня тоже туда течением унесло.

–Ох, Петербургский, ты сам веришь в то, что говоришь?

–Вижу тень сомнения на вашем лице. Но ничего, у меня есть доказательства. Вас разве не интересует, что стало с котиком?

–Не очень, но рассказывай.

Лев грустно улыбнулся и достал из кармана штанов несколько куриных костей с остатками мяса.

–Размазало кота о стены, товарищ участковый, – с этими словами Лев положил кости на стол.

–Мерзость то какая! Убери! Фу! – взвизгнул по-девчачьи участковый, вскочил со стула и убежал в другой конец кабинета.

Мария Станиславовна не так резко отреагировала, но тоже съёжилась и отошла от стола, от греха подальше.

–Теперь поверите? – спросил с еле заметным ехидством Лев.

–Да верю я! Убери кости эти со стола моего и можешь проваливать! – кричал, приобняв фикус, участковый.

–Как прикажете, – ответил Лев и засунул кости обратно в карман, – могу я теперь идти?

–Вали!

Мария Станиславовна и Лев вышли из кабинета.

–Вроде неплохо вышло, – начал было Лев.

–Молчи и иди за мной.

Они оба шмыгнули прочь из полицейского участка.

–Садись в машину, – скомандовала Мария, – только достань из багажника пакет полиэтиленовый и накрой им переднее сиденье.

–Будет сделано.

Достав столитровый пакет и накрыв им сидушку, Лев сел в машину.

–Откуда у вас такой пакетик? Трупов возили, или рассаду? – спросил он.

–Да шарики я воздушные заказывала, но не сейчас об этом. Пристегнись и начинай рассказывать, как ты в канализации оказался.

–Я бы предпочел для начала поинтересоваться, куда мы направляемся.

–Расскажешь свою правду, я расскажу свою.

–А я первый потому что...

–Потому что так надо, Петербургский, – улыбнулась Мария.

–Достаточно аргументированно. Хотя, что говорить, я не знаю. Вы все слышали.

–Про кота то? Я не овечка без мозгов, чтобы в такое верить. Говори правду.

–Я убежал от полиции.

–Вплавь?

–Да, они меня на берегу зажали, пришлось нырять.

–Ладно, уже более убедительно. А за что они тебя ловили?

–Я украл у них наручники и дубинку.

–Зачем ты это сделал?

–Ну... Мы с Савой выпили, а потом поспорили...

–Ты же не пьешь! Опять этот Вайтонис? Ну, всё ясно. Вот зачем ты с ним водишься, ума не приложу. Ладно, правду ты говоришь или нет, ничего не изменится. Последнее, что мне хочется узнать, чьи это за кости были?

–Не кошачьи они, тем более, не человеческие, не переживайте. Я думаю, что куриные, хотя, кто знает... Мусор мне в канализации по карманам набился.

–Как совпало то.

–Ага, а теперь ваша очередь. Куда мы едем?

–Домой.

–К вам? – ухмыльнувшись, спросил Лев.

–Нет, Лёва, мы едем в Павлин, – произнося это название, Мария смутилась и опустила глаза.

Лицо Льва перекошилось. За всю дорогу до этого Павлина, он не произнес больше ни слова.

***

Гордое название Павлин носило детское воспитательное учреждение, а проще – детский дом. Это было небольшое кирпичное здание с решетками на окнах. Где-то среди деревьев, обросших вокруг, как колья, пряталась детская площадка. Сейчас она была пуста. Заасфальтированная площадка перед зданием была сплошь усеяна картинками, нарисованными мелками с любовью и самоотдачей: кривые солнышки, некрасивые цветочки с рваными стебельками, косые домики без крыш. Мелкая бестолочь не может найти применения свободному времени.

Уже тридцать минут прошло, а Лев всё молчал. В машине молчал, идя по дорожке молчал, заходя внутрь здания, всё также молчал. Внутри Павлина его уже ожидали директор вместе с воспитателем.

–Павел Игоревич, у вас тоже со зрением плохо или это Петербургский соизволил навесить нас? – громко спросила воспитательница.

–Да, Надежда Игнатьевна, это сам Лев Павлович Петербургский. Тот самый, которому еще в младенчестве было дано отчество в мою честь. Если это теперь можно называть честью, – в той же тональности отвечал директор.

Высказанные, чтобы оскорбить, слова нисколько не задевали Льва. То ли он привык к такому обращению, то ли не несущие смысловой нагрузки пустые фразы уже не могли омрачить этот, и без того отвратительный день. Но как бы то ни было, за неимением сил придумать столь же пестрящий остроумием ответ, Лев предпочел молчать. Опять.

–Здравствуйте, Павел Игоревич, Надежда Игнатьевна, – сказала Мария, стяхнув с воротника пальто капельки дождя, – распишитесь, пожалуйста, вот здесь. Да, здесь, там, где надпись: передан под ответственность...

–Ох, ну и помотал ты наши нервы, Петербургский, – говорил директор, пока подписывал бумаги, – но ничего, теперь и на нашей улице будет праздник. Ты не думай, что все будет, как раньше, до твоего грандиозного побега. Теперь то я отыграюсь за все часы, которые я провел в полиции, за нервотрепку, за тонну бумажной волокиты...

Директор говорил это с заметным злорадством, не обращая внимания на стоявшую рядом с ним Марию Станиславовну.

–Павел Игоревич, не переусердствуйте, – сказала Мария, как дракон плюнул пламенем, и забрала подписанные бумаги.

–Ох, не сомневайтесь, его тут и пальцем никто не тронет; я не перешагну границу дозволенного, – мерзко скалясь, отвечал ей директор.

–Дайте мне минутку, и я отдам вам Льва насовсем.

–Ты прости, что так получилось. Просто в прошлый раз, когда я тебя нашла, но не отвезла, мне грозили увольнением и вообще обещали лишить лицензии, – Мария с нежностью потрепала Льва по плечу и убрала волосы с его лба, – потерпи еще немного.

Ласка и доброта топили подмороженное сердце Льва, как глиняная печь. Ему хотелось, чтобы его гладили и гладили, почесывали за ушком; он готов был мурчать, если попросят, кататься на спинке и шипеть на дворняг. Что угодно – только погладьте.

– Все хорошо. Я вроде как понимаю, – Лев отпрянул, чтобы не травмировать разнеженную душу.

– Я к тебе завтра зайду, принесу чего-нибудь. Если что случится – звони.

– Хорошо, – мягко произнес Лев и улыбнулся.

Мария приобняла его, развернулась и просто ушла. Лев глядел ей вслед, пока та садилась в машину, поворачивала ключ зажигания, жала на педаль, а после устало закрыл глаза.

– Предпочитаешь ничего не видеть? Думаешь поможет? Ты не спрячешься, не испаришься. Ты теперь наш, Петербургский, – говорила Надежда Игнатьевна.

– Я это уже понял, – открыл глаза Лев, – так что теперь?

– Ты теперь идешь в комнату, берешь чистую одежду и идешь мыться. А после будет воспитательные профилактические работы, – ответил ему директор.

– Какие на этот раз?

– Я пока не решил, – улыбувшись, ответил Павел Игоревич.

Льва, как преступника, вели под руки с двух сторон. Его комната располагалась на пятом этаже в самом конце длинного коридора.

– Заходишь, берешь вещи, выходишь. Мы будем ждать снаружи. И не вздумай чего учудить. Даже если решишь прыгать с пятого этажа, то ничего не выйдет. Теперь решетки на каждом этаже, не только на втором и первом.

– Вас понял, капитан, – сказал Лев и вошел внутрь.

– Павел Игоревич, что вы будете с ним делать? – оставшись наедине с директором, спросила воспитательница.

– Да что-то... Не убью же я его! Усажу на стул, растолкую, что так не делается, напомним, что мы ему не враги. Только толку в этом мало! Сбежит, наглец, через месяц, а то раньше. Книжку, может, какую посоветую... Пускай читает. Хоть что-то.

Прошло пять минут. Лев все еще не выходил.

– Почему так долго? Он там уснул что ли? – заметно нервничал директор. – Надь, зайди, посмотри, что с ним.

Надежда Игнатьевна вошла внутрь, а через пару секунд выскочила с ошарашенными глазами.

– Его там нет!

– Как нет? – заорал директор.

Внутри и правда никого не было. Были две кровати и один шкаф, закрытое окно, решетка на месте. Директор вместе с воспитательницей обыскали каждый угол, но Лев будто испарился. Но почему будто?

Часть

II

Полетели...

На американских горках

Глава 1

Лев открыл глаза. Вода, кругом вода: в носу, ушах; затекло под веки. Темно. Холодно. Лев крутился, нервно озирался по сторонам. Наверху, сквозь толщу воды, еле различимы были проблески света, крохотный огонек, пробивавшийся сквозь водный массив.

Вынырнув, Лев обнаружил, что светила яркая Луна на ночном небе, а сам он бултыхался в каком-то мутном озере. Он брасом поплыл к берегу, торопясь и жадно заглывая воздух. На четвереньках выполз на твердую землю, прилег на траву и громко засмеялся. Постепенно смех сменился отчаянным воплем.

–Чего разорался то? – из темноты раздался женский хриплый голос. – Премерзкой голосиной своей ночную тишину портит.

Лев слегка побелел. Уверенный, что компанию ему составляли бульканье воды с собственным дыханием и ничего, никого больше, он резко вскочил и заметал тревожные взгляды, пытаясь отыскать пугающий источник звука. Лунный свет достаточно хорошо освещал округу, но в радиусе двадцати метров не билось сердце живого существа. Позади Льва простирался лес с шумевшей капризной листвой, справа поле, слева поле, спереди уже знакомое озеро. Естественная, деревенская, благоговейная тишина. Но вдруг, где-то на берегу, послышалось возбужденное хлюпанье воды вперемешку с пением.

–*Я сегодня съела мушку*, говорила мне подружка; все ты врешь гнилая жаба, я-то знаю, ты брехушка! – тихо звучала детская песенка, мотивом схожая с частушкой, – а вчера ты говорила, что нашла мешок муки! Соврала опять, зараза, ты давай мне тут, не лги!

Лев нехотя опустил глаза на гладь озера и увидел маленькую девочку, стиравшую тряпочки в озере. Она была одета в платье, похожее на мешок картошки; босая, с кровавыми мозолями и натоптышами. Ручки и личико ее были испачканы, а грязные волосы заплетены в тоненькую косичку. Получше приглядевшись, Лев распознал полоскавшиеся вещи – его собственные.

–Эй, девочка! Что это за место? – спросил он произвольно резко.

–Ох, глупенький, ты что же, не знаешь, как называется озеро? – не оборачивалась писклявая девочка.

–Не знаю... Ты мне скажешь? – продолжал Лев. – Скажешь, в какой я стране сейчас? Или, может быть, мире?

–Аха-ха! Ну ты, конечно, дурачок! Не знаешь, как называется мир, в котором живешь! – девочка смеялась, держась руками за живот. – Моя собачка и то умнее тебя будет!

–Продолжай смеяться. Я от тебя ничего, по-видимому, не добьюсь.

После этих слов девочка то ли разрыдалась, то ли рассмеялась. С ней приключилась самая настоящая истерика. Она валялась на земле, держась за живот, и хохотала, и хохотала, как безумная мартышка.

–Дай мне вещи свои забрать, пожалуйста, – ни на что слишком не надеясь, произнес Лев. Девочка резко прекратила смеяться. Она встала и уперла руки в бока.

–С чего это они твои?

–Потому что мои, – отвечал ей Лев, но видел, что это не особо убедило девочку, – предположим, что не мои. Чьи тогда?

–Мои.

–По размеру не подойдут. Я же их в руках держал, когда...

–Когда что? – залюбопытствовала девочка.

–...когда в озеро упал. Ну, все, хватит болтовни. Отдавай мне мои вещи!

–А ты попробуй, отбери! – крикнула девочка и показала язык.

–Сама напророчилась.

Лев подошел к ней, ухватил под мышки, приподнял и поставил на ноги позади себя.

–Эй! Так нечестно! – крикнула девочка со слезами на глазах.

–Конечно, нечестно, – Лев, озабоченный вылавливанием мокрых вещей, не обращал внимания на хныкавшую девчонку, – вещи чужие присваивать – вот, что нечестно.

–Слышь ты, ублюдок! Я сказала, что это, мать твою, нечестно! – голос произнесшего это человека совпадал по интонации и хрипоте с услышанным на берегу.

Лев медленно повернул голову, ожидая встретиться с агрессивной, страшной, запрограммированной защищать ребенка, матерью или бабушкой притихшей девочки. Но какого же было его удивление, когда выяснилось, что эти слова прорычала та самая ночная врушка, лившая слезы ручьем и певшая не совсем детскую песенку.

–Что ты пялишься на меня? Я тебе сейчас позвоночник через попу выдерну, а потом через рот на место вставлю! – голос девочки с каждым словом менял тональность на более низкую.

Ее глаза заливались краской, корявенькие пальцы сжимались в кулаки, да так, что ногти оставляли кровавые отметины на ладонях; вена пульсировала на лбу, вылез злобный оскал из прогнивших зубов. Лев в ужасе смотрел на это существо, вселившееся в тело девочки, а оно смотрело на Льва.

Наигравшись в гляделки, монстр разбежался, прыгнул на свою жертву. Существо кусало, царапало, рвало волосы Льва. Тощие руки и ноги чудища вцепились в тело Льва с такой силой, что их было не оторвать. Но, в какой-то момент, резко вытянув левую руку вперед, жертва таки сумела уличить мгновение и вцепиться в волосы мутировавшей девочки, оттянуть ее от себя. Держа существо за шкурку на вытянутой руке, Лев заметил на ее лбу сросшийся шрам в виде небольшого круга, вписанного в квадрат. Вообще, картина нарисовалась страшная: ребенок, посреди поля, ночью, поет песенку и стирает одежду. А тут еще оказывается, что она то ли большая, то ли проклятая.

Не призывая долгие раздумья, Лев бросил взбесившуюся бестию в озеро, схватил вещи, какие успел, и рванул в лес. До его ушей еще долго доносилось ее рычание, порою переходившее на вой.

***

Лев, не останавливаясь, неся через темную чащу леса. Он не знал, куда бежит. Спотыкаясь, падая, бежал. Через двадцать минут лесного кросса, он перешел на шаг. Еще через двадцать, Лев совсем замедлился и сделал остановку. Было необходимо подумать.

Во-первых, стоило бы сменить мокрую и грязную одежду, в которой он еще лазал по канализации, на просто мокрую. Во-вторых, надо было выбрать какое-нибудь четкое направление. Неважно какое, главное не бежать бессмысленно. Переодевшись, Лев забрался на ближайшее дерево, очень толстое, с желто-зеленой корой. По всему стволу были беспорядочно разбросаны коричневые выемки, диаметром не более трех сантиметров (как бы не заразиться хрен знает чем). Крону дерева населяли желтые треугольные листья. С виду, дерево напоминало располневшую, мутировавшую березу. Забравшись на его верхушку, не без помощи тех самых выемок, Лев завертел головой.

Впереди виднелся лес. Слева была равнина с редкими деревьями и кустарниками. Справа поблескивало большое водное пространство. Озеро? Так, может, море? Обернувшись назад, Лев увидел высокую каменную башню километрах в двух от себя. Она выглядела наиболее подходящим местом, куда можно держать дальнейший путь. Запомнив примерное направление, Лев в два счета спустился на землю и побежал напрямик к башне.

Перескакивая пеньки, огибая корешки и стремительно приближаясь к башне, до Льва всё громче и отчетливее начинали доноситься разные звуки. Если сначала до его ушей долетал неразберимый шум, то сейчас можно было выделить цоканье копыт, топот, лошадиное ржа-

ние, болтовню. Сквозь деревья появлялись просветы – лес редел. Еще пять метров, и деревья покончатся.

Выбранная ориентиром башня оказалась одной из нескольких десятков идентичных, стоящих каждые сто метров по периметру круглой каменной стены высотой в три этажа. Лев мчался с такой дикой скоростью, что чуть было не влетел в канал с водой, пролежавший вдоль всей стены. Справа, в тридцати шагах от того места, куда он вышел, двигались толпы людей. Они появлялись и исчезали в массивных каменных стенах. Лев направился в их сторону.

Подойдя к деревянному мосту, служившему переправой за каменную ограду для тысяч купцов, ремесленников, путешественников, он заглянул в раскрытые, принимавшие гостей ворота замка. «*Это же стадо*», – обескураженно подумал он, и, если быть честным, испугался. Толпа копошилась, как частицы в броуновском движении. Главная, широчайшая дорога в городе, наполненным разнообразными лавками, мастерскими, студиями, была утоплена в человеческих телах.

Где-то там шла активная лепка глиняного бюста несимпатичного носатого мужичка; где-то рисовали на скорую руку шарж полной дамы с выпирающими из платья грудями; в другом же месте завязались кулачные бои; еще несколько молодых людей с голыми торсами и босые, в одних штанах, глотали ножи; кто-то пел; кто-то танцевал. Ярмарка всего-всего, так празднично и весело, что глаза начинали болеть от обилия всевозможных диковинных штук. Лев стоял и завороченно смотрел на эти безумные людские гуляния. В его мозгу крутилось слишком много мыслей, чтобы вырвать одну и сосредоточиться лишь на ней. Что это за место? Как я сюда попал? Кто все эти люди? Что у них за праздник? Лев так бы и простоял всю ночь, борясь с бучей в голове, но кто-то толкнул его в спину.

–Эй, ты, странно одетый великан, не стой на пути! – крикнул прохожий.

Его слова вернули Льва из его полета мыслей к действительности. Он стал протискиваться глубже и глубже, трясь торсом о спины людей, вдыхая аромат засаленных волос, морщась, но продолжая пихаться. Всё лучше, чем по лесу ночью шастать. Подойдя совсем вплотную ко входу, Лев остановил низенького курносого мужичонка.

–Пряитель, что это за место?

–Ты что? Как можно не знать лучшего края во всем мире? Это Блазен, друг, город дураков!

Мужичонка хлопнул в ладоши и, пританцовывая, скрылся в толпе. Лев неспешно двинулся вперед, ничего не понимая. Он шел сквозь массу людей всё дальше и дальше. Живые сорняки среди каменных преград. Лев даже не был до конца уверен, что все они, с виду люди, имеют человеческое происхождение. У некоторых была розовая, или сиреневая, или голубая кожа, которую тщательно пытались скрыть под слоем белой пудры. Другие отличались своеобразием лица, явно непохожего на человеческое. Кто-то являлся обладателем или обладательницей острого конусообразного подбородка, чьи-то глаза сверкали ярким кислотным цветом, еще у парочки гуляк можно было заметить длинные змееподобные руки с двумя толстыми пальцами, без ногтей на них. Но сейчас все, люди или нет, веселились и не придавали никакого значения внешнему виду отдохавшего рядом горожанина.

Так и Лев стал членом многотысячного собрания, и на его немного необычный наряд никто не обращал внимания. Он шёл по главной улице, попутно заглядывая в магазинчики. Он стал свидетелем разных, странных, кто-то даже скажет, невозможных, явлений. В маленькой лавчонке, например, торгующей всякими приборами для ухода за животными, Лев смог наблюдать полёт странных существ: помесь суриката с кошкой и с мышью, которая, к тому же, имела крылья и совершала, благодаря им, красивые пируэты в воздухе. Эти чудные создания, совершив очередное вращение, комбинированное с зигзагообразным поворотом, подлетали и садились на стол продавца. И если бы Лев не знал, что животные не обладают столь развитым интеллектом, то сказал бы, что существа кланялись, как артисты после выступления. Публика,

состоявшая, в основном, из прекрасных дам в красивых длинных платьях, каждый раз взрывалась бурными овациями, задорно хохоча. В этой же лавчонке, в небольших деревянных клетках, больше похожих на детские кровати, нашли приют и другие фантастические создания: крупные белки с косящими в разные стороны глазами и непропорционально длинными конечностями; существа с глазами ленивца, носом муравьеда, а телом ехидны. Все они сидели тихо, слишком покорно, давая трогать и гладить себя. Единственным животным, не столь любезным и покладистым, как его братья, был маленький клубок мягкой белой шерсти. Он съезжился, прятал мордочку и сидел в затемненном углу своей клетки. А когда до него пытались дотронуться, то извергал такой запах, что после помещение проветривали в течение двадцати минут.

Помимо местного зоомагазинчика, Лев заглянул в антикварную лавку. В ней не было летающих сурикатов, но она поражала воображение не меньше. Двухуровневое здание, разрешавшее не только смотреть, но и трогать. Весь первый этаж был сплошь заставлен стеллажами с книгами. Лев, пройдя несколько шагов вдоль одного из них, взял толстую книгу с красной обложкой с верхней полки – «Полное собрание произведений раннего периода Кляйписа Унтиста». Полистав ее, Лев прочел несколько незамысловатых сатир о короле, жизни крестьян, тяжелым бременем женщин. Все они по стилю написания были похожи на это:

*«Вот не скрою, я люблю писать сатиры
Про семью, хозяйство, дом
Но за это милый Озульф заставляет мыть сортиры,
Мой король мечом, трудом
Вырвал эту власть у твоего кумира,
Объявив того врагом!»*

Кто такой Озульф? Какая власть? О каком кумире идет речь? Лев не понимал. Поэтому он вернул книгу на место, будто ничего и не произошло, и пошел дальше вдоль книжного стеллажа. Он рассматривал обложки и названия, замечая смесь незнакомых ему языков: «Жизнь и смерть первого короля Брондура, Оттора Самозабвенного», «Описание микиинов, клюмастанцев, лоюстов из мира Граносен», книга на непонятном языке «Kiglot prashentrstog wilabstogk». Побродив по первому этажу, Лев решил посетить нижний этаж. Спустившись по винтовой железной лестнице вниз, он оказался в маленьком темном помещении. Всё его пространство занимал огромный деревянный стол, на котором было что-то вроде мелкомасштабного макета. Подойдя поближе и приглядевшись, Лев увидел множество искусно вырезанных фигурок. Этот макет был объемной картой.

–Интересуетесь историей? – раздался голос из дальнего угла комнаты.

Лев резко дернулся.

–Я? Ну, что-то вроде того, – отвечал он, пытаясь в темноте разглядеть, кто с ним говорит.

–Мое имя Единор Длопмейш, – продолжала говорить темная фигура из угла, – а теперь, было бы вежливо и вам представиться, кем бы вы ни были.

–Лев, меня зовут Лев. Может, выйдете из-за угла, а то как-то невежливо.

–Я предпочитаю не показывать своего лица, к тому же, я не задержу вас надолго, – спокойно продолжал говорить невидимка, – Лев, значит. Весьма необычное имя. По крайней мере, я таких раньше не встречал. Что же вас привело сюда? Не каждый добирается до подвала. Большинство предпочитают читать сказки на верхнем этаже.

–Я просто увидел лестницу и решил спуститься.

–Ничего просто так не происходит. Это вам следует запомнить. Вы парень молодой, но сразу видно, с качественным характером. Я таких уважаю. За это я отвечу на один ваш вопрос, любой. Задавайте, не стесняйтесь.

Лев минуту молчал, пристально рассматривая карту.

–Вы верите в то, что существуют разные миры и реальности? – остановив взгляд на одном из замков на карте, спросил Лев.

–Конечно, верю. Их очень много, и все они уникальны, неповторимы.

–Множество реальностей? Но откуда вы знаете?

–Я сказал, что у тебя есть право лишь на один вопрос. Ты его задал. На этом всё. Теперь попрошу покинуть это помещение.

–Если не хотели, чтобы сюда заходили, то не стоило оставлять лестницу в открытом доступе, – отвечал Лев, повернувшись спиной к столу с картой, – это так, бесплатный совет от юного паренька с качественным характером.

Лев говорил эти бессмысленные фразы громко, медленно и чётко.

–Я пойду, а вам счастливо оставаться, – наконец, оторвав руки от стола, сказал он и вышел из комнаты.

–До встречи, юноша.

Странная беседа с еще более странным человеком (человеком?). Лев поднялся на второй этаж и поспешно отправился к выходу. Отойдя на приличное расстояние от антикварной лавки, он засунул руку в карман и достал две деревянные фигурки. Именно из-за них он тянул время, ведя бесполезные разговоры.

Фигурки были прикручены к подставкам на карте металлическими трубочками, которые Лев откручивал, стоя к столу спиной и громко беседуя с незнакомцем, чтобы не было слышно скрипучего звука металла при отвинчивании. Деревянные фигурки, выструганные в виде человечков. Мужчины и женщины. Карту заполняли разные статуэтки в форме людей, но Лев стащил именно эти. Еще в подвале ему показалось, а сейчас он был в этом уверен, что фигурка мужчины явно походила на него. Короткие волосы, выкрашенные в чёрную краску, две желтые точки на месте глаз, одеяние, в виде дублета из толстой кожи с железными вставками по бокам, на плечах, на предплечьях и поясице. На животе были кольчужные вставки. Но деталь, которая заставила Льва думать, что это он стоит на карте в доспехах, скрывалась в его руке. Татуировки на пальцах! Они были нечётко прорисованы, но гусеница, пчела, бабочка, божья коровка и муравей узнавались слету. Фигурку же женщины он прихватил потому, что она стояла рядом с ним на карте и держала его за руку. У неё были волосы глубокого чёрного цвета, чуть вьющиеся, доходившие до поясицы, точки замест глаз были голубого, практически белого цвета; одета в чёрный костюм, чёрную шнурованную рубаху с вырезом на груди; поверх накидка; худые ноги обтягивали штаны с повязками по бокам. На руках были перчатки, на ногах высокие сапоги. Можно было заметить, что фигурки чем-то похожи: одежда одинаковых цветов, бледная кожа, чёрные волосы. Лев пока не знал, зачем они ему. Он действовал интуитивно по-клептомански. Решив приберечь их до лучших времён, Лев сунул фигурки обратно в карман и продолжил скитания по городу.

***

Чем дальше он заходил, тем темнее и менеелюдно становилось. Улицы сужались, превращаясь в тесные проулки, на которых едва расходились два человека. Если до этого Лев ходил по торговым, заточенным на покупателей местам, то теперь, судя по всему, он проник в спальные районы.

Дома были выложены из массивных прямоугольных булыжников песочного цвета. Потолки в них сделали низкими, поэтому, проходя по улочке, можно было подглядывать за жизнью местных обывателей через окна. В одном из домов семья готовилась к ужину. В другом – на кровати лежала, крепко обнявшись, молодая пара. В третьей – две симпатичные полуголые девицы играли в карты, попивали какой-то ярко-алый напиток и громко смеялись. Бредя по одной такой тоненькой улочке, Лев неожиданно для себя наткнулся на площадь.

Посередине росло дерево с тонким стволом, но с пышной копной ветвей, с которых свисали жёлтые продолговатые плоды. Это были лимоны. Площадь служила чем-то вроде небольшого уголка для развлечений для местных. Окружали ее три дома, между которыми притеснились три улочки. На одном из домов, вроде бы жиллом, вывеска гласила: «Игрушки для детей

и не только!»; на другом: «Попробуй свою удачу, сразившись с лучшими игроками Блазена!»; а на третьем: «Вендетта – альянс заблудших душ». Если первая надпись чётко давала понять, что в этом магазине можно приобрести разные штучки для получения удовольствия в постели, а вторая предлагала попытать удачу в азартных играх, то третья надпись обратила на себя внимание Льва неоднозначностью.

Сочетание слов «заблудшая душа» – вычурно, но заманчиво. Льву заведение показалось наиболее подходящим для того, чтобы отдохнуть, перевести дух и, может быть, осторожно поспрашивать о городе (ад или рай).

Около Вендетты организовали кучку несколько человек. От них пахло дешёвым пойлом и невымытыми подмышками. Они не проявляли агрессию, не докучали прохожим. Простые трудяги, как догадался Лев, пришедшие поздним вечером после работы в паб, пропустить стаканчик-другой какого-нибудь спиртосодержащего напитка. Как только Лев отворил высокую дубовую дверь Вендетты, то тут же приятную тишину улицы нарушили музыка и громкие разговоры здешних посетителей.

В люстре не доставало пяти свечей, чтобы как следует осветить зал. За массивными пошарпанными столами сидели люди, да настолько их было много, что все места позанимали. В основном, гудели мужчины, двойники тех, которые стояли на улице – дурно пахнущие и пьяные. Они кричали, спорили, смеялись, пели и танцевали танцы, похожие на призыв дождя. В перерывах между этими увлекательными действиями они пили, пили и пили. Пышногрудые официантки вертели попами в такт музыке, да так, что половина содержимого бутылок с их подносов выплескивалась до того, как быть поданными на стол. Литры пролитых напитков, за которые было уплачено, между прочим, не злили, а скорее раззадоривали местных пропойц. Звуки лютни, флейты, дудки, тамбурина – все они смешались в единое целое, которое заставляло плясать даже самых тучных и застенчивых парней.

Лев стал пробираться к прилавку, за которым бармен-карлик разливал напитки. Просочившись сквозь пьяное сборище дружно пляшущих, что-то напоподобие чечётки, товарищей, он оказался прямым рядом с барной стойкой.

–Здорова, приятель, – завопил Лев, чтобы переголосить шум.

–Здравствуй, друг, – отвечал ему гнусавым тонким голосом карлик.

Лев прежде не встречал таких неординарных товарищей. Надо очень постараться, чтобы смочь вообразить бармена: белый мужчина ростом около метра и тридцати сантиметров, с большими эльфийскими ушами с оттопыренными в разные стороны мочками; лоб со складками, острый орлиный нос со стремящимся вниз кончиком; крохотные, близко посаженные янтарные глаза; маленький рот с губами, словно красными ниточками, и с белыми, как сладкая вата, ровными и крупными зубами. Яркая внешность была приукрашена обильным слоем плохо нанесённой косметики: зелёные тени на веках, яркая помада, белая пудра, совершенно не подходящая к тону кожи. Поверх костлявого морщинистого тела с выпирающим животом было напялено светло-коралловое платье с ляжками. Запястья и шею сдавила недешёвая бижутерия, на ноги были с треском натянуты сетчатые чулки с бантиками на коленках. Не обутый, поэтому из-за угла барной стойки проглядывали коротенькие, со вздувшимися венами, стопы.

–Желаешь выпить чего-нибудь крепкого? – спросил карлик.

–С удовольствием, но у меня нет денег, поэтому откажусь, – ответил ему Лев.

–Твоя правда. Не слыша звона монет, не наливаю.

–Тебя как зовут?

–Зиландир, но ты можешь называть меня Зилой, – без лишних расспросов отвечал бармен. – Теперь и тебе стоит назваться.

–Лев.

–Лев? В смысле тигр с гривой? Или как? Это твое прозвище, да?

–Нет, меня зовут Лев.

–Диковинное у тебя имя, приятель. Но всё же я думаю, ты что-то путаешь. Ну кто в здравом уме назовёт ребёнка животным? Ты скорее Леонес, а может Леони, Леонель?

–Давай остановимся на Леонесе.

–Хорошо, Леонес, буду звать тебя так.

–Так вот, значит, Зила, сколько мне будет стоить твой рассказ об этом месте?

–О трактире то нашем? Да нисколько. Рассказывать особенно нечего тут. Два брата его держали двадцать лет. А как-то раз, какой-то сорванец позабавиться решил и начал с крыши этого же здания кирпичами в птичек кидаться. Так один из братьев вышел посмотреть, кто там трупки на улице раскидывает, да только ему по голове прилетело прежде, чем он глазенки к небу поднял. Второй брат пацана мелкого словил да стал от него кусочки отрезать и жарить их, а после птичкам скармливать. Так и помер малой. Жуткая, долгая смерть, конечно, но он сам виноват. Нехрен тут было кишками птиц клиентов нам отпугивать. А трактир с тех пор название Вендетта носит, чтобы люди не забывали, что такое кровная месть, и как она бывает страшна. Во как! хех! – ухмыльнулся Зила, поразившись собственной красноречивости.

–Прелестная история, я с удовольствием послушал её, – Лев попытался выдать улыбку, но у него ничего не вышло. – Вот только мне интересно узнать, в общем и целом. Что это за страна или не страна вовсе? Что это за город? Как тут всё устроено? Я просто, понимаешь, ни разу тут не был. Я вообще, как бы, не отсюда немного...

–Да, понимаю. Не от мира ты сего, парень. Это сразу видно. Да и одет ты престранно, – сказал мужчина в женском платье и с помадой на губах. – Я расскажу, но только кратенько. Видишь, народу полно, работать надо, а не воздух понапрасну на разговоры тратить. Слушай ты только, не перебивай. Ты сейчас находишься в расчудесной, но только не для меня, стране под названием Брондур. Хорошая страна: много деревьев, чистый воздух, громадные залежи мрамора, железа, алюминия, серебра, золота. Только вот король наш, благочестивый Вальдемар Винблюттигман I, по секрету скажу, идиот идиотом. Залежи-то есть да ещё какие. Но только вот почему-то он считает, что продавать другим странам, например, серебро, дешевле, чем собственному населению, очень разумное дело. Хрен там! Люди бунтуют, что в принципе и логично. Я бы тоже бунтовать стал, да только у меня работа ответственная, видишь ли. Люди без алкоголя звереют, я тебе точно говорю. Хочешь добиться чего-то от зверя? Напой его. Так вот, начали бунтовать одни, к ним подключились вторые, а к ним и третьи. Так и образовалось народное восстание. Ты, может, и не заметил, раз говоришь, что тут недавно, но по всей стране идёт кровопролитная, ожесточённая, гражданская война. Или, может, шла? Я уже давно не слыхал вестей о Витайсе и его людях...

–Эй, Зила, не отвлекайся, кто такой Витайс?

–Прости-прости, я тут задумался... Да неважно. Витайс – это эдакий предводитель народного мятежа. Не знаю, избирал его кто, а может он и сам самоизбрался. Я его живьём никогда не видел. Знакомые мои тоже не видели, знакомые знакомых, и те не видели! Вот такой вот человек. Все слышали о нём, но никто не видел. Ходят слухи, что у него в качестве домашней зверюшки – живой огромный рибдер!

–Что за рибдер?

–Н-да, ты и правда, будто из брюха дворяжки вылез! Рибдер – это такая гигантская кошечка. За сто километров чует тепло, а если уж нападёт, то целиком сожрёт, даже ноготочка не оставит. Вот такая вот зверюга. Благо, в краях наших не водится, – вздохнул с облегчением Зила. – Что же ещё тебе рассказать? Помимо гражданской войны, с нетерпением дрыгают ножками соседние государства. Все короли с королевами хотят войны, да земель побогаче и посытнее, а мне к чертям не сдались новые территории. Дайте мне дом у речки и удочку, не трогайте меня два дня. Так я самым счастливым стану! Никакие деньги мне не понадобятся.

–Государства? Их много вообще в мире? А как континенты располагаются? Вы же в Евразии? Или это вообще Пангея до сих пор?

–Парень, притормози. Сыплешь на меня своими словами непонятными, как ослики какашки на дорогу. Какая Евразия? Какая Пангея? Ты вообще о чём? Ты в Брондуре. Его окружают соседские страны, Жвильнейя и Драгирнам. Есть ещё, конечно, другие государства с королями-придурками, но их названий я не знаю. Если ты хочешь побольше выведать об этом мире, сходи-ка лучше в библиотеку городскую. Книжечки там такие же бесплатные, как и моя болтовня, а скажут они гораздо больше.

–Гражданская война, король-самодур, непонятный материк... Есть почва для размышлений. Спасибо тебе огромное, Зила. Ты просто пробил своим рассказом крошечную дырочку в полотне моего мрака незнания. Ответ на последний вопрос: тут пояс 24-часовой?

–Про пояса не знаю, за этим тебе к портному. Но если ты про время, то петушки начинают меня раздражать каждые двадцать четыре часа в один и тот же час. Но это только про наш город. Мы то южные ребята, а что там на севере... Один хрен, не знаю я.

–Ну, хоть тут попадание. А сколько сейчас времени, не сможешь подсказать?

–Смогу. Около двух.

–Очень точно. У тебя разве есть часы?

–У меня нет. Но они есть на башне. Бьют каждые пятнадцать минут. В этой части города их лучше всего слышно.

–До скольких работает таверна?

–Круглосуточно. Знаешь ли, конкуренты не медведи, в спячку на полгода не впадают.

–Прекрасно. Можно мне прилечь на какую-нибудь лавку в углу? Я просто валюсь с ног, – сказал Лев и смачно зевнул.

–Ну и странные у тебя словечки, парень. Как ты можешь падать с собственных ног? Ладно, надо бы уже было привыкнуть к твоим особенностям, – Зила покрутил пальцем у виска. – Ты можешь прилечь на лавочку и попытаться отдохнуть под это ужасное Пастицино бренчанье. Пастицин – это музыкантишка местный. В гробу я, конечно, видал его лютню и глупые однодневные стишки! Но я говорил про лавки... Да, я хотел сказать, что ты можешь на втором этаже привалиться где-нибудь. Там у нас небольшой склад с зерном, так что компанию тебе составят мышки, но думаю, это не проблема?

–Нет, конечно же, нет. Зила, я просто не знаю, как отблагодарить тебя! – выдавливал из себя последние остатки радости Лев.

–Не стоит. У меня это что-то типа семейной традиции – помогать людям в беде. А теперь иди спать, а то ты уже, как это ты сказал, с ног валишься? Тьфу! Какая глупая фраза! Надо бы её запомнить.

Лестница на второй этаж была на кухне. Не упустив возможности прихватить чего-нибудь съестного, Лев очутился наверху. Там была существенно прохладнее. Найдя какие-то старые лохмотья и укутавшись в них по самый кончик носа, Лев уснул.

Ему снился тот же старик, что и в прошлый раз. Только в эту ночь он потерял свою бороду. На её месте виднелось что-то белое... челюсть. С его лица вырвали с мясом все волосы, а после срезали остатки плоти. Старик был ещё жив, но даже не стонал от боли. Удары его сердца становились всё реже и реже...

Лев, или как его назвал Зила, Леонес, очнулся от истеричного вопля петухов. Не соврал трактирщик, когда сказал, что они очень раздражают. Особенно после десяти минут непрерывного кукареканья. Закинув в рот остатки вчерашней, найденной на кухне еды, Лев спустился вниз.

Днём таверна преобразалась в совсем другое заведение. Пропадала атмосфера хмельного буйства, выветривался запах спирта и дрожжей. Если прошлой ночью там ликовали шум, гам, веселье, то с утра на пьедестал взошла тишина; даже пение птичек не доносилось с улицы. На полу и лавках тихо посапывали несколько не дошедших до дома пьянчуг. Их потихоньку

вышвыривал на улицу рослый толстый мужичонка, уборщик или охранник. За лавкой, где разливали напитки, стоял сонный Зила.

–Эй, Лео, доброе утречко. Тебя, я вижу, наш петушок разбудил?

–И как ты угадал? – зевнул Лев. – Много работы? Или ты вообще не спишь?

–А что делать? Сменщик придёт лишь к полудню. До этого времени я разливаю соки и утреннее пиво.

–Ты вчера говорил про местную библиотеку...

–Угу, сходи туда. А заодно и к магу зайди. Он, говорят, может многое рассказать. Хотя, я в это не особо верю. Вот бывшая моя – она верила. Пол зарплаты моей спускала на всякие предсказания о счастливой семейной жизни. А через месяц ушла! Бросила меня! Вот дура! – понесло не в ту сторону Зилу.

–Я вот думаю, что маг мне запросто так не станет помогать.

–Правильно думаешь. Я тебе подкину золотишка, ты им и расплатишься.

–Подкинешь золотишка? – нахмурил брови Лев. – За какие заслуги?

–За красивые глазки, принцесса, – захохотал Зила. – На самом деле, я решил из тебя человека сделать, знаешь ли. Это моё ежегодное доброе дело. Держи золото и проваливай, не мешай работать.

Лев отказываться от мешочка с наличными не стал. Он вышел из трактира, позвякивая, и отправился к шпилью в западной части города, туда, где по заверениям Зилы находились библиотека и домик мага.

Глава

2

Не только Вендетта меняла маски с приходом светлой части суток. О вчерашней, массовой, уличной гулянке теперь напоминали лишь горы конфетти, бумаги, обёрток и прочего мусора. Людей практически не было. Только-только начинали открываться пекарни с загрузившими буханками хлеба, выложенными наспех на прилавки. Утренние пташки выглядели сонными и побитыми. Только Лев всё ускорял шаг, желая побыстрее добраться до следующего кусочка пазла.

Пока обычный человек делал шаг, Лев делал три. Спортивные длинные ноги ему только помогали в этом. Через некоторое время он уже стоял перед входом в городскую библиотеку. И она была закрыта. Табличка, висевшая тут с незапамятных времён, уже покрылась заметным слоем пыли и грязи: «Закрыта до окончания ремонтных работ».

–Не больно то и хотелось; и так узнаю всё, что мне нужно, – промямлил Лев.

Он перебежал на другую сторону улочки и стал искать дом с зелёной дверью. Именно там, по описанию трактирщика, проживал могущественнейший маг из ныне живущих в Блазене. Надо бы сказать спасибо консервативным взглядам местных на цвет их жилищ. Во всей округе, если не во всём городе, была лишь одна дверь, выкрашенная в зелёный цвет. Признаться, честно, само обиталище так называемого мага разнилось с общепринятым представлением о том, где им следует существовать.

Рядом с дверью стоял маленький круглый столик со стульчиком. В корзинах росли какие-то разноцветные цветочки, не встречающиеся в привычном Льву миру. Единственное окошечко, выходившее на солнечную сторону, было приоткрыто, а на подоконнике стоял фарфоровый чайник и блюдце с чашечкой. Из приоткрытого окна доносилось чьё-то пение, вроде как, ребёнка.

–Солнышко греет, люди живут, птички летают, рыбки плывут, – протяжные звуки становились с каждым словом всё писклявее, – всё хорошо, но я так грущу, может, мне выйти, тогда я свободно спою...

В этот самый момент зелёная дверь распахнулась, и за ней показался старикашка в светло-розовом ночном колпаке и ночном платье. Он встал на пороге, зажмурил глаза, потя-

нулся, размял шею и руки, а после глубоко зевнул и резко взглянул на спокойно наблюдавшего за утренним пробуждением старика Льва.

–Вы ко мне на чай забежали или нуждаетесь в услугах проводника в мир духов? – спросил старикашка, плясь на Льва.

–Последний вариант, но и от крепкого чайка не откажусь.

Старик жестом пригласил войти.

–Вам чай заварить с кулитой или мятой?

–Кулита? Что это вообще такое... – еле слышно произнес Лев.

–Кулита – это что-то вроде одуванчика, но более сладкая. Я заварю вам с мятой, чувствую, гостю не по душе эксперименты. Вы за постоянность, стабильность.

–Попали в точку. Как к вам обращаться...

–Моё имя Астарис Йотликгель. Но для всех своих посетителей – дядюшка Астри, – говорил старик, разливая чай по кружкам.

–Дядюшка Астри, добрые люди мне поведали, что вы будущее видите, или прошлое. Я точно не понял.

–Это абсолютная ложь! – Астарис с максимально присущим ему возмущением плюхнул чайник на стол, – я не предсказываю судьбу, не могу видеть прошлое. Обо всем духи рассказывают, а я уже передаю вам. Я всего лишь посредник между миром живых и мёртвых.

–Нехило, *всего лишь*, – Лев уже не старался говорить тихо.

–Я вижу вас насквозь. Для этого не нужны ритуалы, потому что сидящий передо мной мужчина – ясен, как пень. Я хоть и не провидец, но в людях разбираюсь. У вас светлая душа, но она зачернилась тяготами, преподнесенными жизнью. Скептицизм так и лезет наружу. Вы не можете промолчать, нет... Ляпнуть хоть что-нибудь, но, чтобы последнее слово всё равно было за вами, – активно жестикулируя, вещал Астарис.

–Второй раз за две минуты прямо в точку, – ни один мускул на лице Льва не дрогнул, – вам в психотерапевты по-хорошему, отбоя от клиентов не было бы.

–Не понимаю о чём вы сейчас толкуете, но мне и не интересно. Тем не менее, сюда вы пришли, а значит, являетесь моим клиентом, и я обязан вас обслужить. Так что бы вам хотелось знать?

–Ну, так сразу и не перечислишь, – демонстративно надул губы и закатил глаза Лев, – листочек с ручкой найдутся?

–Ручка? Дверная?

–Шутка это, дядюшка Астри. У людей есть такая штука, юмором называют. Но перейдём к делу. Я бы хотел узнать, как я сюда попал.

–Так и знал! Не из этого вы мира! Чудинка видна...

–Да, я это уже слышал. Ближе к делу, пожалуйста.

–Для начала, хотелось бы обсудить финансовую составляющую моей работы.

–Лови, – Лев кинул мешочек с монетами точно в руки Астариса.

–Да, того и гляди, сработаемся. Не ожидал, что у вас есть деньги.

–Приятель одолжил.

–Да, но нужно спуститься в подвал. Духи не смогут войти в контакт со мной, пока есть хоть крошка природного источника света.

–Раз надо, то пойдёмте.

Астарис достал из верхнего ящика комода ключ, а после вставил его в скважину замка в шкафу. То, что с виду казалось обычным гардеробом, на деле оказалось засекреченным проходом, ведущим в подвал. Дядюшка Астри спустился безо всяких проблем. Для Льва то же самое занятие, пройти по лестнице и не свалиться, ниспослало целое испытание.

В подвал не проникал ни один лучик света, поэтому ориентировался здесь лишь Астарис, знавший расположение каждого предмета. Он скользил по полу, словно призрак. Лев, шедший

за ним по пятам, то и дело спотыкался о какие-то острые, тупые, твердокаменные или скользкие, слизистые штуковины.

– Дядя Астри, а ты со всеми гостями запираешься в подвале один на один? – начал говорить Лев, пытаясь понять, в какой части подвала сейчас Астарис.

– Не со всеми, но со многими. Не нужно много времени, чтобы понять мотивы человека, – раздался голос где-то совсем близко.

– Вот были бы все люди столь же пронизательными, того и гляди, несчастных случаев поубавилось, – продолжил Лев и тут же споткнулся обо что-то металлическое. – Ай! Астарис, подсвети дорогу! А то я не доживу до встречи с духами такими темпами.

– Если тебе и суждено умереть от удара о тупой предмет, то точно не здесь и не сейчас, – спокойно отвечал ему Астарис из темноты. – А насчёт света – потерпи. Еще лучше постой на месте. Как потребуются твоё присутствие, я свистну.

– Воспользуюсь-ка я твоим советом, – кивнул Лев, – а ещё, скажи мне кое-что. Ты случайно не видел, а может, хотя бы слышал о женщине, даже скорее девушке, с длинными чёрными волосами и с голубыми, практически белыми глазами? Возможно, она, так сказать, предпочитает чёрные одеяния, типа того...

– Ну, знаешь, даже в этом городе немало голубоглазых брюнеток, что уж говорить о всей стране, о всём мире. Хотя, я, кажется, знаю о ком ты говоришь. Мне еще наверху пришло в голову, что больно вы похожи...

– На кого? – сердито крикнул Лев. – Кого не встречу, все говорят загадками да поговорками. Это ваша блазенская фишка? Иначе, я не могу объяснить, почему нельзя прямым текстом сказать то, что нужно!

– Тс-с-с-с...

– Ладно! Молчу. Но я, замечу, достаточно заплатил, чтобы ты уделил мне некоторое время и ответил на вопросы.

– Корова и та, разумнее тебя будет! Замолчи и слушай!

Лев прекратил низвергать поток возмущения и стал, как сказал Астарис, прислушиваться. Шёпот, тихий-тихий, еле заметный шёпот. Лев пытался разобрать отдельные слова и фразы, но у него не получалось. Неожиданно зажглась свеча, и на комнату пролился тусклый свет. Это помещение скорее напоминало кладовку. Везде были навалены груды непонятных вещей: какая-то разломанная мебель, осколки стекла, бутылки, исписанные страницы, книги, подушки с одеялами, склянки и колбы. Все эти предметы никак не походили на колдовские. Посреди свалки стоял небольшой круглый столик, исписанный непонятными знаками, скорее всего какими-то магическими рунами.

Астарис поставил зажжённую свечу в центр стола, а сам присел на краешек стула. Лев последовал его примеру и занял второй стул, стоявший у столика. Дядюшка Астри подтянул к себе откуда-то с пола небольшой ножичек с красной рукояткой, затем резко схватил ладонь Льва и резанул по ней. Струйка алой крови полилась на стол. Астри управлял рукой Льва, как кукловод куклой, и рисовал ею непонятные рисунки на деревянной поверхности. После того, как урок рисования человеческой кровью подошёл к концу, Астарис внезапно прижал ладонь Льва к свече. Крик боли раздался из уст подопытного, но дядюшка Астри будто впал в оцепенение. Он с нечеловеческой силой держал ладонь Льва прямо над пламенем, не давая возможности гостю пошевелить свой рукой. Когда колдун наконец-то ослабил хватку, в комнате воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь тихим непрекращающимся шёпотом. Он не становился громче, но Астарис вертел головой, как бы пытаясь вникнуть в чьи-то слова.

– Они... они не знают тебя. Тебя тут нет. Не должно быть. Они боятся, они не должны говорить, – несвязанный бред лился из уст мага, – я постараюсь их уговорить.

Астри замотал головой, а губы-лепешки его захлюпали друг по дружке. Его глаза остекленели, они остолбенели. Руки сжались в непонятной форме и стали похожи на ветки деревьев или просто изогнутые прямые.

–Им страшно, но они помогут. Они знают, знают. Ты Лев, Леонес, Леон, Леони, Леонел, Леонилло. Много имён, одно существо. Ты бедоносец. По пятам у тебя идёт смерть, смерть, смерть, – Астарис повторял последнее слово, словно заевшая пластинка, – духи плачут, их накажут. Из-за тебя. Всё плохое из-за тебя. Покуда ты жив, не будет счастлив ни один человек! Но тебя нельзя убить! Ты – это олицетворение всех печалей и страданий людских.

Лев застыл в одном положении и внимательно слушал мага.

–*Ты либо псих, либо хороший актёр*, – носились мысли в голове у гостя.

Резко и неожиданно Астарис уставился на Льва. Он расслабил пальцы и лицо. Его глаза были залиты кровью. Пот стекал со лба. Тоненькие губы искривились в страшном оскале.

–Привет-привет, мой милый мальчик, – заговорил Астри не своим, а бархатным, но в то же время жутким голосом. – Я так скучал! Мы с тобой так давно не виделись. Почему ты выбрал этого старого чахлого жука для нашего разговора? Никого посимпатичнее да погрудастее не нашёл? Но не будем об этом старикашке. Давно тебя не было видно. Ты, видимо, сюда пришёл доделать дело? Убить эту гадкую змеюку? Правильно, давно пора...

Астарис или кто-то, говоривший его языком, резко оборвал свою речь. К магу вернулся его прежний взгляд, но лишь на секунду. Но этого хватило, чтобы увидеть в его полных слез глазах дикую боль и отчаяние. После он свалился камнем со стула.

Лев не засиделся. Долго увиденное не обдумывал. Раздумьями он занимался обычно после самих событий. Лев подорвался со стула и подскочил к Астарису. Мёртв. Абсолютно точно. Сердце не выдержало. Лев опустил веки на ошпаренные страхом глаза старика. Ему уже было не помочь. Необходимо спасти собственную шкуру.

Лев закинул тело покойника на плечо и потащил наверх. Там он сгрузил его на кровать и укрыл одеялом. Смерть наступила от сердечного приступа во сне. Именно так должен был подумать тот, кто найдёт труп в постели.

Внизу произошло что-то, возможно, гадкий трюк, заранее подготовленный, нацеленный на то, чтобы испугать доверчивого клиента. Но Лев не такой, он не верит во всякую призрачную чушь. Всё, включая смерть Астариса, можно списать на блестящее актёрское мастерство последнего и передозировку наркотиками, которые принимал маг, предположительно для появления безумного взгляда, небольшого онемения лица и рук, для пущей убедительности. Абсолютно не гнушаясь и не переживая из-за только что увиденной смерти, Лев спустился обратно в подвал и решил прикарманить что-нибудь полезное. Из найденного барахла он счёл полезным лишь ножик с красной рукояткой, старую карту Блазена, бутылку медовухи и колоду игральных карт.

–*Ничего, ему они уже не понадобятся, а мне еще выбираться отсюда*, – оправдывал себя мысленно Лев.

Поспешно обшарив подвал, он вернулся наверх, на одну плоскость с покойником. Астарис запросил немало денег, профи в своем деле, переоценивший пользу своих услуг. Где-то в доме обязан был быть тайник с деньгами. Довольно быстро Лев обнаружил небольшой сундучок, стоявший за горшком с каким-то растением. С ключом, забытым в скважине. По крайней мере, тут маг не соврал – провидцем он не был. Забрав всё содержимое тайника, составлявшее порядка шестисот монет, отчеканенных по единому стандарту, Лев подошёл к кровати, чтобы бросить последний взгляд на Астариса прежде, чем покинуть это место навсегда.

–Жизнь твоя была не худшей, и человеком ты был не самым отвратительным, так и покойся же с миром, дядюшка Астри, – сказал Лев.

Ожерелье старичка, представлявшее большую ценность, чем все его сбережения, сверкавшее и переливавшееся под лучиками проникавшего в дом солнышка, за которое на рынке

отвалили бы под тысячу пять, если не больше, осталось при хозяине. Лев прошелся по украшению скользким жадным взглядом, но взять запретила, ха-ха, представьте, совесть!

Стоя на пороге, вор громко, во всеулышание крикнул в пустую комнату «До свидания, дядюшка Астри!». После чего, ушёл восвояси. Информация, полученная от мага, не открыла глаза на правду; она ровным счетом ничего не стоила. Лев всё также не знал, что это за девушка с чёрными волосами, как и почему он сюда попал, а самое главное, как отсюда выбраться. Но все равно время прошло даром: Лев разжился деньгами, средством самообороны, игральными картами и картой города. Ну и медовухой.

Глава

3

В животе бурчало. Лев, всматриваясь в свою карту, отправился на городской рынок, дабы разжиться чем-нибудь вкусным. Прилавки с рыбой, мясом, фруктами, овощами. На базаре даже самый избирательный гурман мог найти всё, что пожелает. Лев купил в маленькой палатке, торговавшей уже готовыми блюдами, запеканку с грибами и сыром, и тарелку супа. Присев за ближайший столик под навесом, он стал наслаждаться одним из самых приятных моментов всего дня – завтраком. Журчание фонтанчика, разговоры немногочисленных людей, согревающие лучи солнца. День был прекрасен, еда была восхитительна. Ничего не предвещало беды. Всё испортил один пронырливый воришка, решивший стащить с пояса Льва мешочек с деньгами. Парниша несколько раз прошёл довольно близко рядом с молодым человеком, чавкавшим булочкой, но тот, сосредоточивший всё своё внимание на еде, не заметил в этом ничего подозрительного. Многие в этом городе сталкиваются на узких улочках и трутся друг о друга. Проходя в очередной раз мимо столика, парниша резко толкнул Льва в спину и сорвал мешочек с монетами с его пояса. Лицо едока встретилось с тарелкой супа. Взбешённый столь грубой кражей, он немедленно подскочил и бросился в погоню.

Мелкий воришка не знал, кого обкрадывает; не учёл того факта, что он только что обчистил карманы такого же, как он сам. Лев был ловким и прытким. Совершив немало краж, он зарекомендовал себя как опытного вора, готового бежать наперегонки со временем.

Парниша бежал сквозь толпу, совершая частые, но мелкие шажки. У Льва, счастливого обладателя длинных мускулистых ног, шаги были такие же частые, но куда более широкие. Воришка нервно оглядывался назад, понимая, что ему достался куда более быстрый соперник, чем он ожидал. Тогда парень сменил тактику. Он в два счёта вскарабкался по лестнице на крышу ближайшего дома и скрылся за ней. Лев полез туда же. Взобравшись, он увидел, что парень прыгает с крыши на крышу, словно антилопа. Бегун покрупнее помчался следом, чуть не оступился, но пронесло.

–Отвали от меня! – кричал воришка, задыхаясь и обливаясь потом.

Лев ему не отвечал, чтобы не сбить дыхание. Нестись рысью по раскалённым крышам, под испепеляющим все живое солнцем было ужасно. Горели плечи, нос и ноги. Бледную кожу Льва пытали огнем – жгли на живую. Но несмотря на боль, он не намеревался отпустить наглеца. Парниша, видимо, тоже не мог больше бежать, поэтому во время очередного прыжка соскочил вниз и понёсся в сторону сада.

Плотно прилежавшие друг к другу деревья, множество кустов и цветов на любой вкус и цвет, высокая зелёная трава – лиственное спасение в столь жаркое утро. Это была окраина Блазена. Менее, чем в двадцати метрах, вымахала сторожевая башня. Сад начинался на уровне домов и простирался до самой вершины небольшой возвышенности, окружённой стеной. Бежать под пышными бутылочными кронами деревьев было куда приятнее, нежели под палящими сжигающими лучами.

–Уйди! Ты не понимаешь! – спотыкаясь о корни деревьев, вопил парнишка.

Его слова только сердили Льва, и он прибавлял шаг. Из-за деревьев стала виднеться каменная стена. Слева и справа сад ограждал высокий забор, парнише некуда было деваться.

Но юный возраст и небольшой вес сыграли ему на руку. Цепляясь за чуть выступающие камни, воришка начал карабкаться на стену. Теперь ему казалось, что его уже точно не догнать. Пауки и он способны подняться по отвесной вертикальной стене, имея в снаряжении лишь голые руки – больше никто! Но Лев был молод и силён, а к тому же зол и мокр, поэтому он полез на стену, стараясь уцепиться за те же камни, что и парниша.

– Да почему ты не отстанешь от меня? Горстка монет тебе дороже жизни! – голосил воришка.

Когда Лев схватился за самый верхний камень и перелез через край, то увидел маленького растерявшегося юнца лет десяти. Он стоял в метре от края стены и сжимал в руке мешочек монет.

– На, подавись, – парниша кинул его к ногам Льва. – Не смей ко мне подходить!

Лев стоял и никак не мог отдышаться. Его лицо было измазано грязью и облито потом. Побагровевший нос горел, ладони, которые только что хватались за раскалённые камни, ужасно болели.

– Что ты предпочитаешь, – улыбнулся Лев, жмуря один глаз, – чтобы я тебе уши отрезал или руку?

– Милостивый господин, – мальчик сменил маску притворного бесстрашия на лукавую любезность, – я всего лишь маленький голодный ребёнок! Прошу вас, не троньте меня!

– Ты притворный клоп, – выпалил Лев, – личинка паразита, от которого надо избавляться, пока не он вырос в крупную и более опасную особь.

– Дяденька, я молю вас о пощаде! Я единственный мужчина в семье, у меня четыре сестры и больная мать, я должен их кормить!

– Ты маленький паршивец, – Лев сделал шаг в сторону мальчика, – откуда мне знать, что ты не врешь?

– Моё честное мужское слово, господин, – воришка пятился, а расстояние между краем стены, за которым разворачивалась пропасть, всё уменьшалось, – я могу дать лишь слово, что никогда более ни одной монетки просто так не возьму!

– Хе-х, ну да, так я и поверил, – рассмеялся Лев, присев на корточки от усталости.

– Молю, прошу, не надо!

На самом деле, Лев трогать мальчика не собирался. Он хотел лишь припугнуть. В конце концов, кто он такой, чтобы судить мелкого? Брошенного судьбой в несправедливые, цепкие руки жизни, где мальчик вынужден заботиться о себе сам. Теперь, когда Лев находился по другую сторону медали, он понимал, насколько это отвратительно, когда какой-то мелкий недоросток крадёт твои деньги, заработанные честной (или не очень) деятельностью.

Лев подтянул брошенный мешочек монет, чтобы запрятать его в глубокий карман, развернуться и закончить этот переполошный завтрак, но тут раздался вопль на сторожевой башне.

– Эй, вы двое, слезайте быстро со стены! – заорал караульный.

Парниша, и без того уже перенервничавший за предшествующие пять минут, испугался и сделал последний, роковой шаг назад. Секундный крик мальчика озарил округу, прервал чаепития на трех ближайших улицах, потревожил мерно дремавших ворон, а после он рухнул замертво. От края стены до земли было около тридцати метров. Лев смотрел вниз, но разглядеть мог лишь небольшую красную точку.

– Хватайте его! Хватайте убийцу! – заголосил караульный.

– Что ты несёшь! Он сам сорвался! – крикнул Лев.

Но его слова остались неслышанными. Тут он увидел, как двое лучников натягивают тетиву с явным намерением выпустить по стреле. Сотая часть секунды разделяла стрелу и руку Льва. Он в последнее мгновение отскочил в сторону, а после спрыгнул со стены, как с трамплина.

Лететь было не так высоко, как тому воришке, но всё равно ощутимо больно. Лев плюхнулся на траву и кубарем покатился вниз по склону. То и дело врезаясь в стволы деревьев, он проделал около двадцати оборотов вокруг себя прежде, чем его остановила сила трения. Весь в надрезах, ссадинах, синяках, кровоподтёках, пыли и земле, Лев быстро поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Дерево там, колючий кустарник тут – его окружал Блазенский ботанический сад. Позади забрякали доспехи и мечи.

– У них других дел нет, кроме, как меня гонять? – спросил вслух Лев.

Беглец, собрав остатки сил, рванул навстречу неизвестности в диаметрально противоположную сторону от голосов. Но бежать долго не пришлось. Вскоре деревья заредели, кусты облезли, растеряв пышность, а цветы поблекли. Это был край сада. Кованный забор с острыми наконечниками отделял его от города.

– Не колючая проволока да и ладно, – сказал тихонько Лев и стал перелазить.

Два стражника, обычный городской патруль, застали его за этим подозрительным делом. Деловой походочкой, они подружили к потенциальному нарушителю.

– Чем это ты тут занимаешься, парень? – спросил один из них.

– Цветочки на могилку собирал, дядечка, – огрызнулся Лев.

– Ну, ты давай за тоном следи, ладно? А то другим придётся на твою могилку подарочки таскать, – стражник был жутко доволен получившимся каламбуром.

– Конечно, дядя, – лицемерно улыбнулся Лев, а после резко сменил выражение лица на каменное. – А теперь отправляйся к черту.

Прежде, чем стражники успели приоткрыть рот от возмущения, Лев ударил одного, а затем второго, после чего, прихватив один из казенных мечей, сбежал.

Он выскочил на какую-то улицу. Меч был спрятан под одеждой, так что Лев мог передвигаться без опаски. Перебежав улицу в ускоренном темпе, но не бегом, он, попав на Яхинскую площадь, одну из самых популярных среди туристов, попытался смешаться с толпой. Лев видел, как свора стражников явилась по его душу, вынюхивая, как ищейки, добычу. Они расталкивали людей, глядели на их лица, а после грубо пихали, переходя к новому подозреваемому. Они искали сбежавшего *убийцу*.

Лев понимал, что ему не уйти с площади незамеченным. Дай ему хоть минутку подумать, то выход нашелся бы, как пить дать, но времени не было. Один рослый стражник заметил его и заголосил об этом на всю округу:

– Вот он! Я его вижу! Возле прохода к Дилинской!

Лев вынул меч из-под одежды. Он был готов биться, осознавая, что шансов выйти из схватки победителем практически... их вовсе нет. Пока на него неслась толпа крупных мужчин в доспехах, он всё думал, как бы улизнуть. И придумал.

Он дал дёру к старенькому колодцу в самом центре площади, излюбленному туристами месту. Каждый приезжий считал своим долгом бросить в него монетку и загадать желание, которое, по легенде, непременно сбылось бы. Лев мчался сквозь орущую толпу, сбивая всех на своём пути. Один прыжок, и он уже в колодце.

Приземление выдалось ни твёрдым, ни мягким, а мокрым. Лев свалился в ледяную воду. Блаженство. Как после в баньки в прорубь. Вынырнув и осмотревшись, он приметил кусочек камня, выступавшего из воды. Лев взобрался на поросшую мхом плиту и прилёг. Второе неожиданное купание за сутки.

– Тут хотя бы не так воняет, – улыбаясь, вспоминал Лев о своём недавнем приключении в канализации.

Вода не была стоячей – подземная речка. Чистая и ледяная. Лев достал из кармана карту Блазена, попорченную, превратившуюся в потёртый и помятый кусок бумаги, и бросил её в воду. Сверток понесло направо, а значит, туда было направлено течение. Лев не знал, интересен ли он страже настолько, чтобы прыгать ради него в колодец. Решив не пытаться удачу, он,

собравшись с духом, нырнул обратно в стылую речонку и поплыл против течения, к ее истоку. Река должна где-то брать своё начало, возможно, в каком-нибудь озере или водоёме. Там то пловец и надеялся выбраться на сушу.

***

Как только исчез свет, исходивший с поверхности через дыру колодца, накатила непроглядная темень. Лев напряг зрение, хотя с тем проблем обычно не возникало. Глухую тишину нарушал лишь плеск воды. Примерно через полчаса начало сводить руки и ноги. Тогда закрались мыслишки, такие ничтожные совсем, почти бесплотные, что лезть в ледяную воду, при этом ничего не соображая в географии подземных рек, было не лучшей идеей. Хотя, иной вариант исключался – быть схваченным и помещённым в тюрьму, за которой следуют утраченные годы жизни или даже казнь, нет, спасибо. Мысль, что выбор речки в качестве спасительной трубы был, пожалуй, лучшим, несколько не согревала окоченевшие конечности. Лев и не заметил, как в попытке отвлечься рассуждениями о безысходности ситуации, уровень воды стал уменьшаться. Вот и кончики пальцев, на удивление, не потерявшие чувствительность, почувствовали дно. Вскоре вода доходила лишь до колен. Лев шёл, держась руками за стены. Так пробежал час, а может, и два.

В какой-то момент Лев почувствовал лёгкий сквознячок. Поняв, что у него есть шанс не стать вечным пленником подземного мокрого царства, он рванул прямо. Вода плескалась под его тяжелыми шагами. И вот показался свет. Это была небольшая полусферическая пещера. На её стенах торчали редкие пучки каких-то цветов, с виду напоминавших маки, но с длинными усиками. Рассмотрев их поближе, Лев готов был поклясться, что это никакие не растения, а удивительные существа. Они малочисленными группами, пучками, облепили гладкие пещерные поверхности, словно ракушки дно корабля.

Свет же исходил из небольшого разлома в потолке – через небольшую полоску среди двух камней, откуда пробивались солнечные лучи. Обойдя пещеру по кругу, Лев понял, что это тупик и выхода из неё нет.

–Ну уж нет! Я не сдохну после всего пережитого в чертовой дыре! – басистым грудным голосом процедил сквозь сжатые зубы он.

Затем последовали несколько неудачных попыток допрыгнуть до расщелины со светом, бессмысленные удары ног и рук по каменным стенам, возвращение в узкий туннель с водой в попытке найти другой выход. Лев орал, метался по пещере, размахивал кулаками. Впервые в жизни с ним приключилась истерика.

***

После нескольких часов безуспешных поисков пути, нескольких выбитых пальцев и сорванного голоса, Лев лежал на холодном каменном полу посреди пещеры с цветами. Его бесчувственные мертвецкие глаза смотрели в потолок. Руки и ноги были раскинуты в разные стороны, как у морской звезды. В его голове было пусто. Точно безмозглая медуза или амёба. Обречённость и отчаяние охватили пловца целиком, перевязали веревку на шее. Его слова, прозвучавшие с уверенностью мгновение назад, о том, что он не умрёт здесь (Нет. Вы что? С Дубу рухнули?) теперь казались пустым звуком. Безмятежная тишина воцарилась в пещере.

–Уи-и-и-и.. Он такой громадный и громкий! Я очень испугалась! – послышался тоненький-тоненький шепчущий голосок.

–Да, мне тоже было страшно! Хорошо, что он уже ушёл, – поддакивал чуть более звонкий, но такой же писклявый голос.

Лев приподнял голову и стал прислушиваться.

–*Я схожу с ума или это просто кислородное голодание?* – думал он. В пещере никого не было, но тихий шёпот не смолкал.

–Он похож на того злющего мальчика, – вмешался третий свистящий голос, – который всё бегал да профессора искал!

–Да-а-а, – протяжным хором отвечали другие.

Звук доносился от стен. Точнее, от красных цветков. Лев подошёл совсем вплотную к одному из пучков и присмотрелся: маленькие беленькие круглешки с аметистовыми точками посередине были глазами, две крошечные дырочки, по всей видимости, носиком, а розовая линия – губами. Прекрасное создание постоянно моргало и улыбалось, оголяя свои миниатюрные белые зубки. Оно шепталось с другими, такими же крохотными живыми цветочками.

–Эй, привет, – Лев постарался сказать это максимально тихо и спокойно.

Как только он произнёс первую букву, маленькое создание закрыло глаза и, словно ёжик, спрятало своё личико, приняв облик обычного цветка.

–Зачем вы прячетесь? Я слышал ваш разговор, – также сдержанно продолжал Лев. – Не надо бояться, я вам ничего не сделаю.

Один из цветочков чуть дёрнулся. Один аметистовый глазик чуть заметно взглянул на Льва.

–Здравствуй, кроха, – ласково улыбнулся Лев. – Как тебя зовут?

–Сти, – тихонько буркнул цветочек.

–Замолчи, Сти! Не говори с ним! – раздался голосок, похожий на мальчишеский.

–Почему со мной нельзя говорить?

–Потому что ты большой и страшный! – продолжал разговорчивый цветок.

–Ну, не такой уж я и страшный, а рост мой лишь слегка выше среднего. Никогда не понимал, почему все говорят, что я высокий, – пытался привлечь внимание существа Лев.

–Да уж! Покажите мне тогда настоящего великана, раз ты не самый высокий в мире, – заговорила вновь Сти.

–Ребят, я тут не очень давно, а потому не знаю, кто вы такие...

–Конечно, ты не знаешь. О нас никто не знает! Лишь три человека видели нас, хотя мы уже несколько сотен лет живём! – в разговор вмешался дребезжащий, дряхлый, старческий голос. – Пришёл в наш дом и стал громить его! А теперь подходит и пытается убедить, что от него не жди беды! Ишь!

–Я не знал, что это чей-то дом, – отвечал Лев, – я принял вас за цветы.

–Ну, так это специальная маскировка, чтобы скрываться ото всяких безумных незнакомцев. От тебя, например, – продолжало говорить существо, взявшее на себя полномочия защитника, мудреца и главаря.

–Я не безумен. Я лишь скрывался от стражей, поэтому угодил в колодец. Шел по течению, в надежде выбраться.

–Хорошо, если так. А то заходил к нам один мальчишка, тоже говорил, что его бояться не стоит. Мы тогда ещё людей злых не встречали, а потому не стали прятаться, а приняли с его радостью и восторгом. А он порасспрашивал нас о каком-то профессоре, а когда нужного ответа не получил, то так рассердился, что начал хватать наших друзей, швырять на пол их и топтать! Много хороших вийсов тогда полегло...

–Вийсы?

–Ну да, вийсы. Я вийс, она вийс, он вийс.

–Буду знать, – со сдержанностью английского лорда отвечал Лев. – Слушайте, а вы случайно не знаете, есть ли выход из этой пещеры?

–Конечно, знаем. Вон ту расщелину видишь? Через неё мы обычно летаем наружу.

–Это, конечно, замечательно... Но нет ли такого размера дыры, в которую я поместился бы?

–Есть! Есть дыра такая! – радостно заголосила Сти.

–Сти, ради всего хорошего в нашей жизни, помолчи!

Маленькая вийса понуро опустила голову.

–Зистин, всё хорошо. – сказал старый вийс. – Этому большому человеку можно верить.

–Но, Хлин, откуда ты знаешь? – спросил Зистин певучим юношеским голоском.

–Я слишком много прожил, а потому могу отличить негодяя от порядочного господина.

–Хи-х, или наоборот. Ты слишком старый и уже не можешь мыслить, как раньше, – расмеялась Сти.

–Прошу простить нашу маленькую девочку. Её всегда отличала излишняя, порой неуместная правдивость, – продолжал говорить старый вийс. – Я покажу выход.

Хлин расправил красные лепестки, на деле оказавшиеся крыльшками. Затем он грациозно махнул ими и полетел, словно бабочка, ко Льву. Теперь можно было хорошенько рассмотреть, что на самом деле представляло из себя это удивительное творение природы – вийс. Маленькое, человекоподобное тельце чёрного цвета; на спине красные крыльшки. То, что Лев принял за усики, оказались длинные руки, извивающиеся, как червяки. Ножки были короткими и составляли примерно четвертую часть от верхних конечностей. Старый вийс полетел в сторону туннеля с водой.

–Опять мокнуть... – чуть слышно произнёс Лев и сделал шаг.

Холод тут же сковал ноги, но идти предстояло недолго. Когда вода была примерно по шею, Хлин замер в воздухе.

–Ныряй! – крикнул старый вийс.

–Э-э-э... Но зачем?

–Вот ты громадный оболдуй! Под водой есть незапертый люк.

–Хорошо... так, ладно... спасибо тебе большое. Вам всем спасибо!

–Не стоит. Ты хороший человек, а хорошим людям нужно помогать, чтобы они и дальше могли творить добрые дела.

Сарказм то был, или наивный жук и впрямь говорил от чистого сердечка, но Лев кивнул разом в знак прощания и благодарности и, набрав полные лёгкие воздуха, сделал нырок. Люк находился прямо под ногами. Лев дёрнул за ручку и провалился вниз. Падение сопровождалось легкой ноющей болью в копчике, не более того. Лев взглянул вверх. Крышка люка была открыта, но вода не вытекала.

–Чудо на чуде, – хмыкнул он и поднялся на ноги.

Вылез из одной пещеры, так вот вам еще одну. Но эта была куда более светлая и вытянутая. Лев пошёл по единственно возможному пути – прямо. Преодолев не очень большое расстояние, его взору открылся мощный поток воды, стекавший откуда-то сверху.

–Это же водопад! – полным восторга голосом крикнул Лев.

Действительно. Лев, шастая по пещере, наткнулся на обратную сторону Гвилона – одного из прекраснейших и мощнейших водопадов во всём Брондуре. Слева был сухой проход меж камней. Пройдя через него, Лев охнул, как бабушонка.

Он стоял на проделанном в горе выступе. Солнце зашло за гору, поэтому его легкие пощипывающие лучики доставляли одно лишь удовольствие коже; стая птиц, коротавшая полдень за громадой воды, с визгом улетела, почуввав человеческое присутствие. Они помчались к блазенским кормушкам, к югу.

Сам Блазен, видневшийся, как будто на объемной развертке сильно уменьшенного масштаба, не был велик. Когда представилась возможность рассмотреть его как следует, то возник вопрос: а как там вообще помещалось столько людей? Приморский колоритный городок привлекал туристов, бесспорно. Перекошенные песочные домики веяли стариной, будто предки соорудили их из песка и глины (отчасти так оно и есть). Тонкие улицы не жаловали колесниц с каретами – только пешие прогулки с обязательным заходом в лавку и приобретением какой-нибудь безделушки. Местные выживали за счет торговли, производство в городе отсутствовало напрочь. Впрямь, город дураков.

Лев посетил второе по счету за последние несколько дней озеро. Но оно кардинально отличалось от своего предшественника. Озеро с чудесным названием Шендейя находилось в

не менее чудесном месте. Оно пряталось в глубине леса среди деревьев, далеко от главных дорог, чтобы ни в коем случае незваный гость случайно не забрёл сюда и не осквернил своим невымытым телом бирюзово-голубые воды Шендейи. Наверняка, с этого места рисуют картинки о рае. Его безмятежность, лёгкость, умиротворение и красота не могли быть частью реального, жестокого, залитого кровью, наполненного войной и несправедливостью мира живых.

С каменного выступа, как с балкончика принцессы в замке, можно было увидеть всё и вся за сотню километров. С него Лев увидел уже знакомые каменные башни Блазена; великолепное сияющее море с мелкими точками – кораблями; частые, но небольшие скопления домиков – деревни. Вместе с теплом после холодных подземных походов, в сопровождении звука журчащей воды, всё казалось не так уж и плохо. Как-то забывались недавняя стычка со стражей, непосредственное участие в смерти двух людей, большая девочка, стиравшая вещи на берегу. Даже дышалось как-то легче. В таком волшебном месте можно провести если не всю жизнь, то хотя бы пару дней точно. Но нельзя давать волю усталости и минутным слабостям. У Льва была чёткая цель – понять, каким образом он сюда попал, а главное, есть ли шанс вернуться обратно в свой мир, в своё время.

Глава

4

Идеальных людей не существует. Тот, кто кажется идеальным, не такой, поверьте. Каждый может себе позволить чуточку расслабиться, отдохнуть, и вообще-то грешно не задержаться на озере Шендейя хотя бы на часок.

Мокнуть каждые полчаса уже входило в привычку, а потому без лишних сомнений, хорошенько разбежавшись, насколько это позволяла длина выступа, Лев с диким криком «Ю-ху-у!» сиганул в воду. Восторженный крик отразился от горы и эхом пронёсся над кронами деревьев. Можно подумать, что он, как опытный пловец, вошёл воду «рыбкой», но это было не так. Вариант нырка «бомбочка» более подходил для того, чтобы описать тот громкий всплеск, забрызгавший рыб, когда Лев оказался в воде.

Водичка Шендейи была что надо, просто потрясающей. В меру охлаждающей, не соленой, стеклянной, как рисовая лапша. Лев поплавал на спине, потом брасом туда-сюда, еще нырнул, вынырнул и нырнул, и, как довольный пес, не омрачая себя спешкой, забултыхал к берегу. Там он стянул с себя потную порванную одежду, не удержался, булькнулся в озеро еще раз.

Пробултыхавшись в озере, пока пальцы не покрылись складками и не набухли, как переваренные сардельки, пока солнечный свет не потускнел, и ему на смену не явился приглушенный лунный, только тогда заплыву был объявлен конец.

Лев, как купался нагишом, также и вышел на берег. Прилѣгши на ещё тёплую от дневного света землю, в уверенности, что его никто не слышит и не видит, он устался на небо, расслабленно выдохнул и даже попытался отыскать парочку созвездий, ничего не смысля в астрономии. Он напевал песенку, сочиняя её на ходу:

–У меня такое чувство, что я жизнь свою не жи-и-ил. А внутри бывало пусто, так что миг покоя, я считаю, заслужи-и-ил...

В кустах возле леса раздался какой-то шорох. Лев резко обернулся и затаил дыхание в наблюдении. Он, если и научился чему за короткий срок пребывания в этом мире, то это тому, что никакие шелест, скрип или хруст не возникают из ниоткуда. У всего есть неживой, а чаще, к сожалению, живой звуковой источник. Хоть бы не медведь. Хоть бы не рибдер, черт знает, что это за фрукт.

Лев вглядываться в темноту, не решаясь спросить, есть ли там кто. Тишина. Всё было спокойно. Даже слишком. Но Лев пребывал в полной уверенности, что кто-то, а может, даже что-то, есть в этом лесу, и оно следит за ним. Тогда он решил ловить добычу на живца, а

именно вести себя как ни в чём не бывало. Лев, на случай, если придётся бежать, спастись, скрываться, надел штаны и привалился обратно на траву.

–Я вчера ещё не зна-а-ал, что бывают существа-а-а, – напевал голый ныряльщик, но искоса следил за кустами, – говорящие, как маки, да и Хлин ещё лета-а-ал. Чую, не обошлась без колдовства... Ага! Попался!

Копна пепельно-русых волос мелькнула в ярком свете луны. Лев поднялся с земли, до конца оделся, завязал пояс с мечом в ножнах вокруг талии и начал понемногу приближаться к кустам, в которых прятался таинственный гость.

–Ты думал, что я не замечу тебя? – Лев пытался вывести на разговор незнакомца. – Зачем прятаться? Не убью же я тебя... Или это ты меня прикончить собрался, а?

Когда до куста оставались каких-то пять метров, из них, как ошпаренная, выскочила тёмная фигура и устремилась в сторону леса.

–Ну, если глаза меня не подводят, то это женщина?! – изумился вслух Лев и рванул следом за фигурой.

Бегать по лесу приходилось всё чаще, что нисколько не радовало. Ко всему прочему, лунный свет не пробивался сквозь густые кроны деревьев, а потому без специальных очков, позволяющих видеть в темноте, разглядеть дорогу было попросту невыполнимой задачей. Уже давно потеряв из виду таинственную незнакомку, для Льва теперь было первостепенно выйти из проклятого леса. Он шёл вперёд, питая надежду не встретить дикого зверя или разбойников.

Ночное шастанье по лесу утомляло, но было не столько страшным, сколько непредсказуемым, особенно в мире с чертовыми рибдерами. Пока что компанию Льву составляли лишь шелест листвы да редкое угуканье совы или какого-то похожего на неё зверя. Кто их разберет? Неожиданно тихое безрезультатное брождение нарушил женский голос:

–Вот дрянь! Мерзкие подлецы! Ублюдки, подонки, паскуды! Сердца бы вам повырывать!

В сопровождение к благозвучному сочетанию слов послышался дружный мужской гогот. Не в силах пропустить всё самое интересное, Лев, конечно же, поспешил к месту, откуда раздавались голоса.

Он вышел на поляну с большим дубом и несколькими пеньками вокруг него. На дереве была натянута рыболовная сеть, в которой вертелась в отчаянных попытках освободиться молодая девушка. Под нею, на земле, стояли четыре мужика, одетых в рваное тряпье. Они смотрели на свою поимку и смеялись.

–Ну, милашечка, ты там сильно не юли, мы эту сетку не под тебя одну брали, – кричал плотный мужик с пивным пузом и неровно остриженной бородой.

Лев тихонько подкрался к спине одного из бандитов и со всей силы ударил того по голове рукояткой меча. Мужик повалился на землю. Трое других направили свои полные непонимания и ярости взгляды на парня с мечом.

–Ты, к хренам свинячьим, кто ещё такой? – спросил мужик с пивным пузом.

–Твой пьяный папаша с ремнем!

–Зря, ой, как зря, щенок! – крикнул один из бандитов, что был помоложе, и бросился с дубинкой на Льва.

Шаг в сторону, и тот упал, пробив себе голову о камень, лежавший на земле.

–Не, ребят, давайте посерьёзнее, – Лев язвил, как мог, – я ещё ни с кем не подрался, а двое уже лежат.

–Мечом маши, а не болтай! – крикнула девушка.

–Так точно, миледи, – сладко произнёс Лев, сделав акцент на последнем слогe.

Отвлечшись на пафосную фразу, он и не заметил, как сразу двое здоровых, как быки, мужланов кинулись в его сторону, размахивая мясницкими ножами. Эта ошибка стоила Льву довольно глубокого пореза на левом плече. Горячая, как вареный сахар, кровь потекла по бледной коже.

–Опрометчиво, – сухо произнёс раненый боец.

Сначала стычка казалась своеобразной игрой. Теперь бурлили взаимвадшие злоба и раздражение. Лев взял в правую, окровавленную ладонь меч и стал двигаться на бандитов. Он совершенно не умел обращаться с оружием, но недостаток мастерства сполна замещали агрессивный напор и желание победить. Окружив Льва с двух сторон, бандиты синхронно побежали на него, держа над головой ножи. Для одного – удар по животу, для другого – по ноге, а после прямо в сердце. Острый наточенный меч стражника по боевым характеристикам значительно превосходил бандитские ножички для резки мяса.

Как только четвёрка головорезов была повержена, Лев расслабил лицо, сделав его более дружелюбным и милым, хотя, когда из твоего плеча брызжет кровь, улыбка становится сродни тройного сальто.

–Ну, что же, мне с тобой делать? – язвительно спросил Лев и поднял глаза кверху.

–Пораскинь мозгами, если не отшиб все, – крикнула ему в ответ незнакомка.

Лев промолчал, развёл руками, явно не ожидая такой оригинальной благодарности за спасение жизни.

–Ладно уж, как тебя спустить то?

–Ох, ну спасибо! Догадался! – не менее ехидно продолжала девушка. – Полезай на дерево и режь верёвку.

–Так ты же упадёшь, а тут метров пять!

–Рыцарь без доспехов, делай, как говорю.

Лев не стал продолжать пустой спор и сделал так, как его попросили. Раздался глухой звук падения. Лев спрыгнул с дерева и подошёл к язвительной незнакомке. Благородство так и плескало в крови. Ей было около двадцати. Длинные волосы цвета молотого кофе доходили поясницы, которые сейчас были заплетены в две тугие косички-колоски. Большие, грустные пощеничьи, ореховые глаза с чуть опущенными уголками придавали образу незнакомки печаль. Настоящая красавица, если бы часть лба вместе со всей правой щекой не была покрыта рубцами от ожога.

–Хватит палиться и помоги мне выпутаться, – велела она.

Лев достал ножичек с красной рукояткой, припасённый ещё во время визита к дядюшке Астри, и разрезал сеть. Девушка вскочила и, не сказав ни слова, направилась в чащу леса. Лев стоял столбом в полном недоумении. Он думал, если она и не поблагодарит, то скажет хоть слово, там, может, «Фух» или «Ну и денек».

–Эй, мадам, а может стоит сказать что-нибудь? – крикнул Лев, зачем-то помчавшись за незнакомкой.

–Если тебе надо, ты и говори! – отвечала она, убегая.

–Нет, ты, конечно, своенравная, это я понял. Но простые правила вежливости, вроде как, не отменили ещё.

–А кто придумал эти правила?

–Не знаю, наверное, люди, общество там всякое...

–А поконкретнее?

–Нет конкретного человека. Эти правила существуют, и всё тут!

–Нет конкретики – нет правил!

Разговор велся во время непрерывного бега.

–Может скажешь, хоть куда бежишь, нимфоманочка? – не желал отставать Лев.

Вдруг незнакомка остановилась.

–Как ты меня назвал? – переспросила девушка с неподдельным интересом.

–Спокойно, я не хотел тебя как-то обидеть этим словом...

–Да мне наплевать на твои слова, – тарщила глаза та, – меня интересует, почему ты использовал именно это слово.

–Ты же сама подглядывала за мной, когда я голый на пляже лежал.

–Где это было? Что за пляж? На озере?

–Погоди-ка, так это не ты в кустах пряталась! Ну, точно, я-то думал ещё, были же русые волосы, а не коричневые.

–Да, это точно она! Покажи мне это место!

–Ну, для начала, рассекреть мне своё имя.

–Цецилия. Теперь место.

–Ну, а моё имя Леонес, если тебе так любопытно, – Лев стусевался. – Я точно не помню, где лежал, да и озеро найти в этой тьме сложновато будет.

–Я тебя вывожу к нему, ты показываешь место. Всё, не стой, действуем.

Цецилия была настроена решительно. Не тратя даром ни секунды, она двинулась куда-то сквозь деревья.

–Цецилия, а что мне будет с того, что я тебе покажу то место? Хочу отметить, я тебя ещё и спас...

–За это я тебя не прирежу, как поросычью тушку.

Лев поджал губы и закатил глаза.

–Справедливо. Но всё же, не думаю, что ты бы сумела.

–Ох, поверь, нельзя узнать человека за столь малое время. А потому не говори, что я могу, а что нет.

Цецилия уверенно шагала вперёд, иногда останавливалась и, как бы пытаясь приняться или прислушаться, стояла пару секунд, после чего шла дальше.

–Скажи хоть, кого ты или мы так рьяно ищем? – Лев не оставлял попыток завести беседу.

–Не твоё дело, – скупно буркнула девушка.

–Почему не моё? Наоборот, как раз так...

–Тихо-тихо, молчи!

Цецилия зажала рот Льва рукой. Она присела на корточки за большим валуном, выпиравшим из земли. Лев вопросительно смотрел на девушку, а та продолжала вглядываться в темноту. Такому странному манёвру не было разумного объяснения. Тишина бесила. Ветер прекратил выть. Ни хруста, ни свиста – ничего. Цецилия не опускала ладонь с губ Льва. Она явно была взволнованна и что-то высматривала. Через пару минут ожидания непонятно чего из чащи выбежала еще одна девушка в лёгком белом платье и с русо-пепельными волосами; та самая таинственная тёмная фигура в кустах.

Внешне она была очень похожа на Цецилию, но только в лицо русоволосой въелись неглубокие морщинки. Лев даже предположил, что девушка в белом платье могла быть сестрой его новой своенравной знакомой, и именно по этой причине Цецилия так отчаянно искала её.

–Это Влерастиша. Нам нужно без вреда для здоровья поймать её, – шептала Цецилия.

–Для чьего здоровья?

–Точно не для твоего, – холодно, неэмоционально ответила Цецилия. –Пойду поговорю с ней, но она не станет близко подходить ко мне. Ты в это время подойдёшь со спины и скрутишь ей руки. Всё понятно? Тогда приступаем.

Цецилия не спеша выпрямилась.

–Стиша, здравствуй, – тонко и протяжно заговорила она. – Ты же меня помнишь, верно?

Девушка в белом платье дёрнулась от неожиданности и уставилась на Цецилию, после чего громко расхохоталась. Она начала прыгать и хлопать в ладоши, словно ребёнок.

–Милая, где твоя обувь? Нельзя же бегать по лесу в одних бинтах, – мерно продолжала Цецилия.

–Я её потеряла! – звонким голосом ответила Влерастиша.

–Как так произошло? Расскажи мне, пожалуйста.

–Ах-ха-ха! Ну ты глупенькая, не знаешь ничего и просишь всё рассказывать!

Лев в это время уже прокрался к дереву позади Влерастишы. Он слышал её слова, и они ему, точнее манера, в которой их произносили, что-то напомнили...

–Я гуляла-гуляла, а потом встретила большущего медведя! – хохотала Влерастиша. – Он мне сказал, что если я хочу поиграть, то должна ему дать частичку себя. Ну, я сняла ботиночки и отдала их. Да только медведь так рассердился, рассвирепел! Я испугалась тогда очень и убежала от него. Он глупый медведь. Не смог меня найти даже, хотя и считается королём лесов. Вот дурной мишка! Ха-ха-ха!

Пока Влерастиша с забавой рассказывала эту невероятную историю, Лев сумел незаметно подкрасться к ней со спины. Цецилия старалась наблюдать за каждым его шагом, попутно, делая вид заинтересованности в рассказе Стишы. Когда Лев уже дышал в спину своей жертвы, Цецилия кивнула головой, и тот схватил веселую рассказчицу за руки. Раздался дикий вопль, похожий на голос павлина, которого заживо режут на куски.

–Отпусти, чернокровный выродок! Паскудный мужлан! Я растопчу твоё достоинство! Как физическое, так и моральное! – верещала Влерастиша ржавым охрипшим голосом.

Когда на Льва посыпались пустые угрозы и обзывательства, то он тут же вспомнил, кого ему напоминало странное поведение Стишы. Грубость и подначки были идентичны тем, которыми его колола девчонка на берегу. Голос той тоже был поначалу мягким и нежным, она была приторно мила, много беспричинно смеялась и называла Льва глупеньким. А стоило ему её чуть задеть, так та резко сменила голос на надорванный и визгливый, точно, как Стиша сейчас. Залитые кровью безумные глаза девушки, слюни, брызжущие изо рта, когти, впивающиеся в кожу и оставляющие незатягивающиеся ранки, а ещё шрам в виде кружка в квадрате на лбу – все эти симптомы и факторы твердили о том, что эта девушка была больна той же болезнью, что и девочка на берегу. Или обе несчастные находилась во власти одного проклятья.

–Держи крепче! – крикнула Цецилия и достала из набедренной сумки длинную верёвку.

Влерастиша верещала, дёргалась, кусалась и царапалась всё то время, пока её пытались связать. Пара извергов превосходила силой непокорную бунтовщицу, поэтому, в конечном счёте, им удалось связать строптивую девицу. Рот ей заткнули импровизированным кляпом из куска ткани.

–Что теперь? – выдохнув, спросил Лев.

–Ты сможешь мне донести её до лагеря, а там, поступай, как знаешь. Можешь уйти сразу, можешь поесть и переночевать, а после уже уйти, – Цецилия отковырнула жука, ввевшегося в лоб Влерастиши.

–Понесли.

Цецилия помогла взгромоздить уже немного подуставшую бороться Влерастишу на здоровое правое плечо Льва. В первые минуты путибойкая больная ещё пыталась шипеть и дёргаться, но вскоре успокоилась и вроде даже уснула.

–Цецилия, теперь ты можешь ответить на вопросы. Ведь больше никого отлавливать не надо? – спросил Лев.

–Не твоего ума де...

–..ло. Да-да, не моего, конечно. Но, может, хоть чуть-чуть приоткроешь занавесу этой тайны, просто всемирного масштаба? – улыбался Лев.

–Твоя правда, большелобый чудаковатый воин. Ты имеешь право узнать, кто мы такие, – уголки губ девушки чуть приподнялись. – Моё полное имя Цецилия Парнитайе, дочь Джургиса, сына воздуха и земли.

–Неслабо. Моё полное имя Петербургский Леонес Павлович.

–Ужасно странное имя, ты явно не из этих земель.

–Ага, это у меня странное...

–Тебе стоит называться по-другому. Никто не любит чужаков.

–Есть какие-нибудь предложения?

– Это не я должна решать. Имя отражает то, каким ты сам себя видишь и то, каким тебя видят остальные.

– Ну, допустим, я знаю, кем себя считаю. А что насчёт других? Каким я тебе представился?

– Слегка заносчивым, придурковатым, чрезмерно болтливым угодником, хитрым, но смелым, вечно ждущим какой-то награды... похвалы?

– Ладно-ладно, понял я. Сам подберу что-нибудь, закатил глаза Лев. – Что насчёт неё? Сестра? Вы немного похожи – огонек в глазах.

– Влерастиша моя мать.

– Крутой поворот, – сконфуженным голосом чуть слышно произнёс Лев. Тебе то тогда сколько лет получается?

– Мне четыре, ей шесть.

– Лет? Или я чего-то недопонял. Хотя, вы, наверняка же, считаете не по годам.

– Вот и правда из диковинного ты места прибыл к нам. Конечно, как вообще можно считать по годам? Мне четыре риплы со дня моего рождения. Одна рипла – это пять лет. Ну, если годом считать время, за которое лето сменяет осень, а за ней идёт зима, а после весна, а потом опять лето.

– Да.. значит тебе двадцать, а маме твоей три... – Лев поморщил лоб. – ...дцать.

– Математик.

Неудобная пауза.

– А что с ней? Это какая-то болезнь или что-то в этом роде? Я уже встречал человека с таким же шрамом на лбу.

– Это истичизм.

– Ещё разок, исти, истичмимз? – невнятно произнёс Лев.

– Истичизм. Болезнь такая, на самом деле настоящее проклятье, и даже не для заражённых, а для их окружения. При ней человек ведёт себя, как ребёнок. Дурачится, ничего не воспринимает всерьёз, попусту смеётся, дразнит других. Но стоит его задеть словом, сказать что-то не то, слишком сильно прикоснуться, так просыпается монстр. Меняется голос, глаза краснеют, у некоторых идёт кровь из носа. Они начинают браниться, пытаются покусать, подрать кожу, иногда (всегда) переходят черту. Известны случаи, когда исчитцы убивали в приступе гнева. А на их лбах специально выжигают такой символ, в виде кружка в квадрате. Круг – это зараза, а квадрат – это как бы клетка. Знак, что исчитцов нельзя выпускать к людям. В твоё общество... Это, конечно, пережитки прошлого, когда больных отбирали у родственников и помещали в отдельные отдалённые деревни, где они, в силу своей инфантильности не были в состоянии позаботиться о себе. Хех, ну или же они убивали друг друга, – Цецилия произнесла последнюю фразу с иронией в голосе.

– Спасибо за краткий ввод в историю ис-ти-чиз-ма, – у Льва наконец-то получилось выговорить это слова, но только по слогам.

– Да, поблагодарить стоит. Я тебе за две минуты рассказала всё, что необходимо знать об этой болезни. Ты избежал прочтение пятисот страничного справочника по истичизму и его симптомам. Лекарей заставляют зубрить, – засмеялась Цецилия. – Ну, вот, мы на месте.

Слово за слово, и Лев не заметил, как изменилась местность. Тёмный лес уже давно кончился, сейчас они шли по нечто сходному с лесотундрой. Ноги терялись во мху, кусты с ягодами были в изобилии, а вдалеке виднелись огни. Подойдя ещё ближе, Лев приоткрыл рот, застопорился и чуть не уронил ценный груз. Какой там лагерь, такое называется передвижным цирком – шапито. Именно этот – «Крестьянка и королева». Вместо обычных походных палаток, там раскинулись красочные, пятнистые и радужные, красные и жёлтые, треугольные и квадратные. По периметру, каждые несколько метров, в землю были вбиты брёвна, а между ними туго натянут канат в несколько слоёв на разной высоте. На каждом углу стояли фонари со

свечами, так что лагерь в буквальном смысле светился как образцовая звезда. Высокие, складные, расписные и цветастые доски с прорезями вместо ручек, служили главным входом. Через него то Лев с Влерастишей, ведомые Цецилией попали внутрь. Они шли по хорошо протоптанной, утрамбованной разноколиберными сапожками дорожке, а вокруг них выстраивались люди (не только люди).

– Нашли, всё-таки нашли пропажу! – наигранно пыталась достать ладонью до лба женщина с обычным телом, но с десятисантиметровыми руками и ногами.

– Шиня, держись стойко! – столь же эмоционально поддерживал её мужчина с двумя носами, похожими на носорожья.

Людей в лагере насчитывалось на полноправное войско. Однако каждый солдат не поддавался копирке, обладал какой-то изюминкой, отличием, особенностью. У жонглёра не было рук, у канатоходца – ног, у трёх абсолютно одинаковых внешне мужчин, отличавшихся лишь по цвету волос на голове, были вставлены гвозди в разные части тела, как украшения. У высокой женщины в шляпке выпячивала из-под шелковой блузочки бурная растительность на животе, спине, груди, да даже на ладонях и стопах, и при этом волосинки она выкрасила в ярко-розовый. Льву даже почудилось, что среди всех них, он видел двух тигриц. Но чуть лучше присмотревшись, он понял, что его воображение дорисовало двум девушкам в костюмах и масках в полоску звериные атрибуты... а вот хвосты настоящие. Цирк, собравший самых уродов из цирков уродов.

Лев нёс Стишу, шагая следом за Цецилией как прислуга. Она брякала подкованными сапогами вдоль жилых палаток к самой большой, возвышавшейся в центре лагеря. Народ пристально смотрел на свиту, провожая каждый их шаг недобрый взглядом, может, нехорошим словом. Собрав чуть ли не весь лагерь, Лев с Цецилией в конце концов добрались до входа в шатёр и вошли внутрь, напоследок демонстративно захлопнув шторы.

– Вы циркачи? – это было первым, что спросил Лев после исчезновения с публики.

– Ох, сейчас тебя понесёт на вопросы. Но ты молодец, что молчал, пока шёл под прицельными оценивающими взглядами моих работников.

– Твоих? Так, значит, ты тут главная?

– Да, можно и так сказать. Но давай уже до конца дойдём.

Под куполом палатки висели длинные льняные шторы. Они разделяли шатерное пространство на зоны для сна, приёма пищи, репетиций, выступлений. В самом главном шатре жила верхушка, руководители цирка: Цецилия, её мать Влерастиша, ораторы, рекламировавшие «Крестьянку и королеву» на площадях больших городов, счетовод и два его помощника. Идя по длинным коридорам меж штор, Лев поразился тому, насколько здесь было тихо, по сравнению с уличной частью лагеря.

– Почему тут так, ну, нешумно? – спросил вполголоса он.

– Ночь же, – поморщила лоб Цецилия, – спят все.

– Та уличная толпа так не считает.

– Да кого там только нет! Попадаются экземпляры жуткие, которым не то, что спать не нужно, они могут месяцами не есть, не пить, и продолжать каким-то образом существовать, – говорила Цецилия о циркачах с явным отвращением.

– То есть, те люди...

– Какие же это люди! Отвратительные выродки. Ошибки природы. Большинство вообще не осознают, кто они или что, – с каждым словом Цецилия заводилась ещё больше, снижая шансы остаться не услышанной.

Льва весьма насторожило мнение Цецилии о циркачах. Он думал, что все актёры, жонглёры, клоуны, люди с нестандартной внешностью или с небольшими отличиями от общепринятых норм, являются одной большой семьёй. Они вместе едят, работают, путешествуют, живут. Как при таком отношении возможно поддерживать репутацию и благополучие цирка,

Лев не представлял. Но решив не попадать под горячую руку Цецилии, он не стал вмешиваться со своим мнением в её бурный поток слов и эмоций.

Пройдя по извилистым коридорам, Лев с Цецилией добрались до «комнаты» (клетки) Влерастишы. Арка со свисающими с потолка лиловыми гардинами служила входом в нее. Около комнаты висела небольшая табличка из красного дерева, гласившая: «Вход только с разрешения госпожи Парнитайе». Цецилия распахнула шторы и вошла внутрь.

Интерьер не отличался роскошью и непосредственностью. Из мебели были лишь одна-местная кровать с несколькими одеялами и подушками; два шкафа, один из которых заполняла одежда, а другой книги; туалетный столик с зеркалом; большое, уже изрядно потрепанное кресло. Несколько свечей догорали остатки жизни в медных подсвечниках с крашенными в красный цвет стёклами. В результате, недорого обставленная комната приобретала королевский огненный вид.

– Положи её на кровать, – указала на мягкую койку Цецилия. – Да, вот так, осторожно.

Лев аккуратно, придерживая голову, опустил Влерастишу.

– На, держи, – Цецилия протянула небольшой стальной нож с рукояткой в виде змеиной кожи. – Разрезай верёвки, а я подойду через пару минут.

Лев взял нож в руку и посмотрел на лезвие. На нём была выгравирована надпись: «Будущей королеве всех живых, моей любимой доченьке Цеце. С любовью, папа». Лев, с ювелирной осторожностью, начал резать веревку, стараясь не разбудить Влерастишу.

– Что-о... – чуть слышно застонала Стиша. – Где я? Всё так болит...

– Эм-м... – Лев сомневался, как правильно к ней обращаться. – Госпожа, всё хорошо. Вы уже дома, в своей кровати.

– Ты! Я тебя помню, ты поймал и связал меня, – на глазах Стиши выступали слёзы.

– Да, мне пришлось. У вас был приступ...

– Понятно, мне всё понятно. Цецилия и тебя обманула! Она сказала, что у меня истичизм, верно? – правый глаз Стиши нервно дёргался, а губы тряслись.

– Да, она сказала так, потому что вы больны, госпожа. А сейчас вам стоит отдохнуть.

– Ложь! Враньё! Я вполне себе здорова! – окончательно разрыдалась Влерастиша.

При красном кровавом свете Лев мог детально рассмотреть её лицо. Она и вправду была практически копией Цецилии: рост, длинные волосы, нос, губы, глаза – всё одинаковое. Только вместо ожога, на лице искажало множество мелких шрамов, как от точечных порезов ножом. У мамы с дочерью отличался ещё и взгляд. У Цецилии он был цепким, скептическим, насмешливым и самоуверенным, а у Влерастишы отрешённым, растерянным и жутко тоскливым.

– Помоги мне сбежать отсюда, я больше не вытерплю, – Стиша резко вцепилась в руку Льва.

– Зачем вам бежать? Тут ваша дочь, которая заботится о вас...

– Ты совсем в людях не разбираешься, щенок! – в этот момент Стиша была похожа на дочь точь-в-точь.

– У вас это семейное дело, да? Оскорблять тех, кто вам помогает?

– Прости, прости меня. Я не такая, как она! Во всём виновата Цецилия – источник всех бед и зла, точно дьявол, – взволнованно щебетала Стиша.

Лев хотел услышать продолжение да с подробностями, но в комнату вернулась Цецилия, державшая в руке баночку с жидкостью болотного цвета.

– Держи её за руки и за ноги, – скомандовала она. – Надо залить ей это в рот.

– А не проще ли это было сделать, пока она была связана? – спросил Лев.

– Я сначала не хотела поить ее этой штукой, но наш доктор настоял.

– Это, кстати, что за бурда?

– Успокоительное.

– Она вроде спокойна, зачем ей это давать?

–Послушай, Лео. Ты проходил курсы в гвантине Жимайро?

–Гвантин и Жимайро. Целых два незнакомых слова на одно короткое предложение. Не проходил.

–Откуда же ты прибыл, раз не знаешь таких слов... – закатила глаза Цецилия. – Гвантин— это что-то типа здания, в котором молодые люди получают знания в той или иной сфере.

–Институт?

–Наверное, – улыбнулась Цецилия. – Ну, думаю, что да. Это твой, как это, институт. А Жимайро – это учёный, живший около 20 риплов назад. Я имею ввиду, около ста лет назад. Многие болезни исследовал, в том числе и истичизм.

–Ну, с каждым разом я узнаю всё больше, спасибо, – протараторил Лев. – Но сейчас речь о другом. Зачем вводить в организм совершенно ненужные вещества?

–Мы закончили же на том, что ты не учился в гван... – Цецилия поперхнулась, – ..институте Жимайро. Так откуда тогда тебе знать, что ей нужно, а что не нужно давать?

–Всё же, я бы хотел сначала увидеться с этим вашим доктором и лично узнать, что это за лекарство подозрительного цвета.

Цецилия нахмурила лоб, слегка оскалила зубы, сделав лицо похожим на морду тигра, готовящегося напасть на выбранную жертву.

–Слушай меня внимательно. Ты тут гость, не командир. У тебя нет никаких прав, ты лишен свободы передвижения в моем лагере. Всё, что ты делаешь, ты делаешь с моего позволения. А сейчас я не позволяю выходить из этой комнаты, усёк? – взгляд Цецилии, пока она рассказывала Льву, что он не должен делать, был свирепым, даже убийственным.

–Усёк, – коротко и покорно произнёс Лев.

Он посчитал неразумным выводить Цецилию из себя еще больше. Для начала, она командовала на своей территории. Попробуй Лев помешать ей, кто знает, может он оказался бы на месте Влерастишы. Ещё он не был до конца уверен в том, кому верить, а кому нет. Цецилия предстала перед ним жестокой, но довольно разумной и решительной. К тому же, не она сейчас лежала на кровати вся в грязи и царапинах, неся несвязную чушь. Влерастиша ещё несколько часов назад вела себя как дикая макака: верещала, царапалась, кусалась, пускала слюни. А сейчас этот зверек, наделенный способностью говорить, пытался убедить Льва в том, что он в своем уме; это её дочь злая, оклеветала матушку, а теперь издевается как может. Чутье, внутреннее, еле уловимое, подсказывало, что Влерастише можно верить. Но эти предчувствия, такие легкие... кто из разберет? Они не подтверждались аргументом. Логичным. Перед Львом факты выстлались ровным рядом. Опираясь на них, как и поступают здравомыслящие существа, он пришел к выводу, что сегодня изображать из себя несогласку он не будет.

–Я подержу её, – мягко произнёс Лев.

–Нет! Ты же не веришь ей! Я вижу! Она лгунья! Фурия! Сквернословка! – верещала во всё горло Стиша.

–Крепко держи! – крикнула Цецилия. – Ну же, мамуля, залетает птичка прямо в ротик. А-а-м!

Цецилия говорила это наигранно заботливым голосом, подавляя лезшее наружу Я. Её истинные чувства по отношению к матери выдавали глаза, пылавшие огнём и высокомерием. Циркача радовалась, что смогла одолеть Влерастишу; что несмотря на все попытки той спастись, уйти, провалились.

Цецилия раздвинула губы матери, влила туда содержимое баночки, а после крепко прижала ладонь к её губам. Влерастиша пыталась кричать и выплёвывать лекарство, но Цецилия держала её железной хваткой, поэтому выходило лишь жалкие бормотание с писком.

–Глотай уже, а то задохнёшься, – не выдержал Лев.

Влерастиша посмотрела на него, как на предателя, затуманенными глазами и проглотила лекарство. Цецилия опустила ладонь, а Лев всё продолжал держать Стишу за руки, даже когда

она уже не была в состоянии шевелиться. Он вдруг почувствовал себя злодеем мыльной оперы. Не главным антагонистом, не этим харизматичным гением, которого обожают зрители, а его помощником, второстепенной злючкой, по канону низковатому, лысеющему, слегка полоумному, вечно встречающему в комичные ситуации. В наиболее плачевных случаях еще и зубастым. В общем, выполняющим мелкие задачки, совершенно не важным для сюжета.

– Пару дней мы ее точно не услышим, – улыбнулась Цецилия, потирая руки. – Ты принял верное решение. Запомни ещё одно – истичцы всегда лгут. Им нельзя верить.

– Никому верить нельзя, – подмигнул Лев, вставая с кровати. – Ты говорила, что я могу остаться на ночь?

– Да, если хочешь, оставайся. Я прикажу подготовить тебе палатку.

– Я не против провести ночь под какой-никакой крышей.

– Чудесно. Сходи тогда, поешь, а как только спальное место будет готово, тебя позовут. – сказала Цецилия. – Столовая на улице в тёмно-синем шатре с оранжевыми кругами. Совсем рядышком, не ошибешься.

Лев кивнул и поспешил покинуть комнату Влерастишы (пыток). Улицу уже захватила глубокая ночь, народ постепенно разбрелся, но кто-то до сих пор слонялся от палатки к палатке, заводя разговорчик то тут, то там. Среди них выделялся один маленький мальчик в замызанной рубашечке, вправленной в потрепанные коричневые штанишки. Тёмные волосы, доходившие ему до ушей, имели идеально ровный пробор по середине, как у графа. Не будь Лев уверен в том, что на дворе какой-то период средних веков, то сказал бы, что юный циркач использовал пасту для укладки волос. Но не только Лев заинтересовался джентльменом, джентльмен оказался не менее любопытным, даже более сговорчивым.

– Здравствуйте, добрый господин, – выразительным баритональным голосом произнёс он. – Представьтесь, чтобы я знал, как вас называть.

Лев до чрезвычайности удивился такому взрослому приветствию.

– Меня зовут Леонес, эм... – тут он вспомнил про совет Цецилии придумать себе имя поопосредственнее. – ...Пе-тер-гай-те?

– Очень приятно, Леонес Петергайте, – восторженно, но не меняя тональности, воскликнул мальчик. – Моё имя Линтерк Бесславный из рода Майндстинов.

– Почему бесславный?

– Потому что много лет назад я опозорил честь своей семьи. С тех пор я скрываюсь от мира вместе с этими славными людьми, – вещал Линтерк словно ведущий программы новостей.

– Тебе же лет семь, что ты мог много лет назад натворить? Родиться? – улыбнулся Лев.

– Очень смешно, господин Петергайте. Вы, как и все, судите о человеке по его коже, глазам, носу, количеству морщин. Но знаете ли, скорлупа обманчива. Это как орех! Гнилой он или нет узнаешь, расколов и распробовав. Так что, придержите свои умозаключения.

– Да уж, не ожидал, что маленький, а, может, и не очень мальчик будет учить меня жизни.

– Чтобы вы лучше представляли ситуацию – мне шестьдесят два года. Неделю назад буквально исполнилось.

– Сколько? Да ладно. Была такая книга, где мальчик тоже дедом родился, а после начал молодеть. Этот случай?

– Не совсем верно. Я перестал расти, развиваться физически и внешне в возрасте восьми лет. До этого всё было по обыкновенному, как у всех.

– Так ты бессмертен?

– Не могу дать ответ на то, чего сам не понимаю. Но я думаю, что нет. Я не бессмертен. Мой мозг продолжил развиваться после того, как тело прекратило, соответственно, я старею. До конца, конечно, не исследована причина человеческой смерти. Это связано с тем, что очень малое количество людей доживают до моего преклонного возраста. Я ведь размышлял

об этом... Как такое возможно, чтобы люди умирали именно от СТАРОСТИ? Обычно люди сгорают во время болезней. Так значит ли это, что старость – болезнь? А почему я не могу этим заразиться, ведь я уже старик?

–Люди умирают от болезней – это правда. У них отказывают разные органы. Но только почему? Потому что их увядший, истощённый организм не справляется. Так не значит ли это, что раз твоё тело не стареет, то ты бессмертен?

–Вы дали мне хороший старт для размышлений, Леонес. Спасибо, мне будет о чём подумать перед сном.

–Ещё один вопрос. А, нет, два вопроса. Могу я их задать?

–Конечно, спрашивайте, о чём хотите.

Лев призадумался. Да уж, вопросов с него наберется целая кучка. Размером с ванную. Конечно, не стоит перегружать Линтерка, не стоит выдавать раскрывать все карт, слишком много говорить. Наверное, сначала, вежливо будет поблагодарить его, а дальше как пойдет. Выразил благодарность Лев при помощи большого пальца на руке. Он оттопырил его, а четыре других сжал в кулак.

–Что ты делаешь? Прекрати сейчас же, убери руку! – Линтерк вытаращил глаза.

–Почему?

–Тебя мама не учила культуре? Или ты иностранец?

–Я издалека, так скажем.

–Стоило догадаться! – Линтерк сложил руки в виде креста. – Больно вид развязный, а манера речи неформальная, но не деревенская. Кхм... так вот, на чем я остановился... в Брондуре это означает полное неуважение к его величеству Вальдемару Винблютигману I.

–Все понятно, будем обходиться без жестов. Пустим в ход красноречивые слова.

–За ними, за словами, как раз-таки, нужно следить ещё внимательнее, – Линтерк приподнял одну бровь. – Но не суть. Что ты ещё хотел бы узнать?

–Что ты думаешь о Цецилии? Она хороший или плохой начальник?

–Не люблю слова «хороший» и «плохой». Они такие расплывчатые, невнятные, никак не характеризует человека. Цецилию можно назвать здравомыслящей, чётко выполняющей свою работу, как директор, не переходящую границы дозволенного. Сдержана на эмоции, хладнокровна. Если говорит, то только по делу, – перечислял Линтерк. – Это я заявляю не просто так, а как правая рука, доверенное лицо, так сказать.

–Статусную должность занимаешь... Конфликтов с коллегами по цеху не случается?

–Конфликты я старательно избегаю, а сплетничать, уж простите, не в моих принципах.

–Правильно. Нечего нам шушукаться, – отрывисто, не без иронии произнес Лев. – Где тут подают горячее? Валюсь с ног от усталости и голода.

–Время ужина подкралось, а я и не заметил. Пойдемте, Леонес, я провожу вас до столовой.

Шатёр, в котором готовили еду, было несложно отыскать среди прочих. Помимо яркого тента, превосходившего по яркости соседние, от него веяло соответствующими запахами. Такими, как свинина, тушенная с грибами и картошкой, приторно сладким глентвейном или его местным аналогом, свежепорезанной морковью, огурцами и капустой. Простая кухня манила и отъявленных обжор, и тех, кто не славился обильным ночным аппетитом. В общем, местная столовая не страдала от недостатка внимания.

Внутри было спокойно. В голую вытопанную землю были вкопаны ножки столов со стульями, собранные из подручных материалов. На столбах и перекладах, служившими опорами, поддерживавшими немалую конструкцию, висели точно такие же подсвечники, как в комнате Влерастишы, но только не однотонные красные, а разноцветные. Так, благодаря вкусному запаху свежей еды, мягкому приглушённому свету, тихим разговорам любителей ночных

перекусов, создавалась уютная и дружелюбная атмосфера, попадание в которую предвещает редкое чувство безопасности.

–Я займу нам столик, а ты наложи себе еды, а мне, будь так добр, захвати стаканчик яблочного сидра, – попросил Линтерк и отправился к свободному столу в углу шатра.

Повариха как раз поменяла пустой чан со свиным рагу на новый, еще побулькивающий после костра. Наложив себе полную тарелку еды и захватив два стакана бодрящего напитка, Лев, еле удерживая все это в руках, отправился к своему новоприобретённому другу.

–Леонес, не будешь возражать, если эти бравые джентльмены составят нам компанию? – поинтересовался Линтерк и указал на двух крепких парней, стоявших рядом с ним.

–Конечно, я всегда рад новым знакомствам, – улыбнулся Лев и поставил еду на стол. – Мне принести ещё два стакана?

–Нет, у нас всегда всё при себе, – ответил один из парней могучим сиплым голосом.

–Ну так-с, знакомьтесь. Это мой новый друг, – Линтерк вопросительно поглядел на Льва, – могу же я называть вас другом?

–Конечно, – отвечал Лев, не шибко придавая этому значение.

–Леонес. Мой друг Леонес Петергайте. А это братья Дримдо – Локис и Вилкас.

–Безумно приятно познакомиться, – Лев пожал им руки.

Братья Дримдо были погодками. Локис пониже, Вилкас повыше. Первый отрастил себе золотисто-карамельные волосы, аккуратно выбритые по бокам, но длинные на затылке. Лицо его было грубоватым. Маленькие узенькие глаза были иссечены шрамами, будто от кнута. Тонкие светлые брови не выдавали своего присутствия абсолютно, что делало его лицо похожим на одно большое белое яйцо. Крупный, чуть вздёрнутый нос придавал его грозному виду капельку непосредственности. Его верхняя губа вспухла, стала намного больше нижней, поэтому, когда Локис улыбался, всем казалось, что он злится.

Его брат, Вилкас, напротив, всегда казался весёлым. У него были приветливые круглые глаза, длинный орлиный нос с горбинкой, симметричные губы с острой ложбинкой наверху. В отличие от брата, его лицо было похоже на угловатый камень. Кудрявые волосы, доходившие до ушей и торчащие во все стороны, он нарочно выкрасил в бургундский цвет, чтобы выделяться даже среди чудаков.

Телосложение у обоих братьев было одинаково обыкновенное: не слабые, но и не тяжело-весы. Крупные плечи, узкая талия и таз, длинные ноги и огромный размер стоп. Такое непропорциональное тело и причудливый внешний вид делали их слегка комичными.

–Кто вы по профессии? – спросил Лев.

–А по нам не видно? Мы клоуны, – отвечал Вилкас.

–Но только это не профессия, а стиль жизни, – дополнял его Локис.

–Нравится вам ваш стиль жизни?

–Не жалуемся. Мы спим, едим, пьём, играем в карты, веселимся сами и веселим народ. Что же ещё нужно для жизни? – улыбался Вилкас.

–Справедливо, – Лев отхлебнул яблочный сидр. – Правда, все почему-то один голос твердят, что стремиться нужно к большему.

–Кто же это тебе твердит такой абсурд? – вопросительно развёл руками Локис.

–Жизнь надо жить так, как хочется. Ты умеешь строить корабли, а самое главное тебе это нравится? Так иди и строй. Нравится варить супы? Иди и вари их. Хочешь веселить и смешить народ? Иди и смей. Если тебе что-то по-настоящему доставляет удовольствие, ты отдаёшься этому делу, то оно обязательно принесёт тебе не только наслаждение, но и деньги, – рассмеялся Вилкас и щёлкнул пальцами.

–Верно, брат. А те, кто говорит иначе, те, кто заставляет тебя следовать не собственным желаниям, а слушаться каких-то там умников, которые на самом деле не умники, должны идти на болото и целовать жаб! – подхватывал Локис.

Оба брата дружно захохотали.

–Ладно вам, пираты. Леонес ещё определится со своим местом в этой жизни, – уже допивая сидр, произнёс Линтерк. – Может ещё по одной, а?

–Не так быстро, я даже половины не выпил, – ухмыльнулся Лев.

–Медленно ты это делаешь. Эту жижу глотать сразу надо, за-а-алпом! А то вкус, как у протухшего молока. Ой, ик!

–Знаешь, Линтерк, твой детский организм, по-моему, не выносит столько алкоголя, – подметил Лев по-доброму, а сам слегка отодвинул стаканчик в сторону.

–Да что ты понимаешь! Я могу пить вечность! Ик! – глаза Линтерка бродили из стороны в сторону, а язык заплетался.

–Ему и правда больше нельзя наливать, – сказал вдруг Вилкас. – Он, когда вливает в себя больше двух стаканов, становится невменяемым.

–Вот клоун, а! Иди свои байки несмешные простачкам рассказывай, а не заблуждай тут моего друга! – Линтерк ударил своими маленькими кулачками по столу.

Лев ещё не свыкся с мыслью, что перед ним шестидесяти двух летний мужик, а не мальчик. Поэтому наблюдать за его нетрезвым поведением было более, чем странно.

–Всё, Линтерк. Сиди, слушай, иногда вставляй свои фразы, но пить ты больше не будешь, – с усмешкой произнёс Лев.

–Вот, чтобы ты не подумал, что я пьянчуга какая-то, я ни глоточка больше не сделаю! Умру лучше, но не выпью! – Линтерк сказал, как отрезал.

–Ладно с этим, ничего нового от него мы не ждали. Про себя рассказывай, ты то явно не из этих краёв. Как тебя занесло в наш цирк? – поинтересовался Локис.

–Меня выдаёт только одежда или что-то ещё? – отхлебнув еще сидра, воскликнул Лев.

–Твой балахон – это что-то с чем-то. Где ты раздобыл такой странный кафтан, да ещё и надпись такая красочная, явно не от руки писали. А как ты стираешь её, краска не смывается? – спрашивал Вилкас.

–Ну, в том месте, откуда я прибыл, это считается обыкновенной недорогой тряпкой. Толстовка называется, – Лев одёрнул себя за рукава. – А надпись – это название бренда, который это выпустил.

–Поцелуй меня русалка, что за слова такие ты произносишь! Толстовка, бренд... – негодовал Вилкас. – А штаны то твои, что за ткань? Может, себе закажу, пошьют...

–Джинсы сделаны, полагаю, из джинсовой ткани?! – Лев уж поднабрался.

–Джи-и-инсы... – протянул Локис, выпячивая нижнюю челюсть вперёд. – И ноги покажи свои, обувь то, наверняка, тоже чудная.

Лев, улыбнувшись, вытянул правую из-под стола и показал кроссовку.

–Ну, точно, дикость какая, – скептически поджал губы Вилкас. – Как ты в этом ходишь вообще? Они же тряпичные! Да и зачем эти мелкие дырочки на носках? Обманули тебя, брат, продали туфту!

–Это кроссовки, а дырки для того, чтобы ноги проветривались.

–Тьфу ты! Опять слово, которое я выговорить не смогу, – плюнул на пол Локис. – Тебе бы одежду сменить, а то не все в Брондуре рады иноземцам. Некоторые и побить могут, еще хуже страже сдать.

–Я попробую найти что-нибудь более, так сказать, схожее со здешними нарядами, – отвечал Лев. – Ещё спросить кое-что...

–Ночь длинная, дерзай!

–Что вы думаете о Цецилии? Как она относится к вам, в ваших друзьях, коллегам? Может слухи какие-то ходят?

–Мы ничего не думаем о госпоже Парнитайе, – синхронно проговорили братья.

– Да ну, я почему-то так не думаю, – Лев сложил руки на груди и откинулся на спинку стула (сосвсем страх потерял).

– А мне наплевать, что ты думаешь! – угрюмо проговорил Локис.

– Эй, брат, спокойно, – хлопнул того по плечу Вилкас. – Что именно ты хочешь знать о госпоже?

– Для начала, хочу сказать, что я вас не принуждаю говорить, – попытлся смягчить ситуацию Лев. – Ну, а если вы надумаете что-нибудь рассказать, то я с удовольствием послушал бы, какое мнение бытует о ней в лагере. Я не имею ввиду именно ваше, а в общем, в целом.

Вилкас и Локис переглянулись.

– Значит так, мы тебе кое-что расскажем. Но только гляди, чтобы наша доброта и открытость не вышли нам же по боку. Иначе... – Локис провёл пальцем по глотке. – Ясно тебе?

– Предельно.

– Госпожа Парнитайе, скажем так, не ко всем относится снисходительно, – начал Вилкас в полголоса. – С нами то у неё никаких проблем нет, ты не подумай. Мы же сами можем есть, мыться, ходить на горшок.

– А ещё у нас лица человеческие! – подхватывал брата Локис.

– Да, а это играет не малую роль в её отношении к тебе. Знаешь, некоторые артисты приносят здоровенную прибыль одним только своим необычным видом. Им достаточно выйти на сцену, а может выкатиться или выползти. Как только публика их видит, то сразу же раздаются охи и вздохи, аплодисменты и смешки. Я сейчас говорю о таких ребятах, как Глип или Уку.

– Это кто ещё такие? – интерес Льва подогревался.

– Глип – это человек-палка. Славный паренёк, не глупый и открытый душой. Да только повезло ему, кхм... – закашлялся Локис.

– А скорее не повезло, – продолжил вместо брата Вилкас. – Родился он с руками и ногами, похожими на палки. У него есть кости и кожа, но только нет стоп и ладоней, а мышцы не развиты. Он поэтому и ходить не может самостоятельно. Его приходится таскать на руках или на носилках. За ним надо убирать, мыть, кормить с ложечки. В общем, нянчиться день напролёт. Хотя, парень он, конечно, хороший, неприхотливый. Но все мы ходим в туалет не по разу в день, так что морока ещё та. Вот и бывает, госпожа Парнитайе, как сказать то... срывается она.

– Срывается на Глипа?

– Ну да, на Глипа, на Уку...

– А кто такая или такой Ука?

– Наша звёздочка, лицо цирка. Ты, наверное, знаешь, что наше шапито носит гордое название «Крестьянка и королева». На постерах с рекламой изображены лица двух девушек: одна в короне, а другая чумазая и с растрёпанными волосами. Так рисовали их обеих с Уки.

– Так причём тут Цецилия...?

– У Уки лицо красивое, миловидное, самое главное – человеческое. А тело у неё больше на желе похоже. Всё дряблое, будто там не мясо с жиром, а вода под кожей! Она, так же, как и Глип, сама ходить не может. Но поёт, зараза, так, что слёзы даже у меня текут! А сама она искренняя, забавная и, ну уж очень молоденькая...

– То есть Цецилия срывается лишь на беспомощных?

– Вот ты мастер перефразировать. Но да, она может позволить себе приложить к ним руку, особенно после трудного нервотрепательного дня. А когда еще и не все билеты распродали... держите ее за подмышки!

– Линтерк говорил мне, что она «здравомыслящая» и «не переходящая границы дозволенного».

– Так это правда. Я, в самом деле, не осуждаю её. Госпоже Парнитайе двадцать лет стукнуло только в прошлом месяце, а на её плечах лежит забота о сотнях циркачей и успех самого шапито. Да, бывает она ведёт себя несколько жёстко, но как уследить за стадом без кнута?

С другой стороны, подумай, тут все всегда сыты, напоены, в тепле, мы получаем стабильную зарплату. Не знаю, как у тебя на родине, но в нашей стране, очень редко встречаются такие ответственные и сильные люди, как она.

–И то правда... – задумался Лев и положил в рот очередную ложку рагу (они ее боятся).

Вдруг в шатёр вбежал запыхавшийся мальчик лет двенадцати:

–Господин Леонес, ваша палатка готова! Пойдёмте со мной, я вас провожу!

–Да, мне пора. Спасибо за приятную компанию, Вилкас, Локис, Линтерк.

Лев пожал каждому руку и пошёл за мальчиком к себе в шатёр. Специально для гостя поставили новую отдельную палатку, а в ней постелили тоненький матрас с выступающими наружу пружинами, а на него накинули несколько подушек и толстое пуховое одеяло. Рядом, из-под стульчика, торчали сапоги и лежала одежда, поверх которой была приколотая записка: *Смени свой внешний вид, а то ты привлекаешь слишком много внимания. Цецилия.*

Лев поднёс к носу записку. Пахло чем-то цитрусовым, скорее всего мандарином, вперемешку с глинтвейном (зачем я нюхаю бумагу?). Лев взглянул на одежду. Это были объёмная хлопковая рубашка со шнурками на груди, жакет из толстой многослойной кожи, такие же штаны, перчатки с железными вставками на костяшках и сапоги с укреплённой подошвой. В придачу две пары желтоватых панталонов, аккуратно свёрнутых в трубочку и перевязанных ленточкой. К ним был прикреплён листочек с фразой, написанной тем же почерком, что и записка:

Надеюсь, размер подходящий

Лев улыбнулся, несколько не смутившись.

Долгий день давал о себе знать. Должно быть, уже около часа ночи, поэтому хорошенько зевнув и потянувшись, Лев отправился спать.

В этом мире Льву снились яркие сны. На этот раз, он видел горы, лес, речку... С кровью, вместо воды. Её было очень много. Трава, росшая вокруг речки, окропилась красными пятнами. Чья кровь? Кругом ни раненых, ни мертвых. Постепенно становились слышны звуки. Страшные, пронизывающие слабое сердечко насквозь. Звуки были похожи на истеричный смех с рыданиями. И шёл он из глубины леса...

Лев резко открыл глаза и вскочил с кровати. Он был весь мокрый.

–Жарковато тут, – прошептал он вслух.

Лев надел подаренный костюм и вышел из палатки. На горизонте появлялись первые лучи солнца. Что-то с ним было не в порядке. Слишком огромный огненный шар, оранжевый, как переспелый апельсин. Совсем не то солнце, которое должно восходить. Но это так, мимолетная мысль. В самом же лагере не было ни души; все уже давно разбрелись по шатрам.

Было прохладно, лёгкий ветерок обдувал лицо. Разгоряченные после буйного сна тело и лицо Льва постепенно остывали. Он решил пройтись, размять ноги, прежде, чем возвращаться в палатку. К тому же, ему представилась уникальная возможность исследовать лагерь без натиска недоверчивых взглядов и лишних вопросов.

Идя по вытопанной траве, Лев смотрел по сторонам: разноцветные палатки, уже не кажущиеся веселыми, какие-то побольше, какие-то поменьше. На земле валялись пустые бутылки, куски еды, бумажки, цирковые наряды, рассыпанная пудра, парики. Цирк, как стадо быков, пронесётся по девственным землям и отравляет её мусором.

Замкнув круг вокруг лагеря, и уже подходя обратно к своей палатке, Лев увидел вдалеке, за заборчиком из верёвок, одиноко стоящую палатку. Внутри неё горел свет. Лев, знавший за собой излишнее любопытство и стремление всё знать, и на этот раз не смог удержаться. Оглядевшись и убедившись, что его никто не видит, он пролез под верёвками и в быстром темпе двинулся в сторону палатки, немного пригнувшись, как партизан, на всякий случай. На подходе к одинокой палатке, Лев замедлился и стал, как можно бесшумнее, красться. Подобравшись совсем вплотную, он лёг на живот и подполз ко входу. Лев тихонько отодвинул края

шатра и заглянул внутрь. При входе, на стульях сидели двое мужчин. Их глаза были закрыты, а из уголков рта текли слюни. Они спали крепким сном. Позади них стояла небольшая звериная клетка с железными прутьями. Размером примерно два на два метра, внутри нее на полу были расстелены нестиранные тряпки. Поверх скудной простыни спало какое-то жалкое существо.

Стыд оно прикрыло лохмотьями. Существо болело: сыпь, волдыри и гнойники рассыпались по его телу. Волосы на головы походили на пучок соломы, собранную в тугую неровную косу. Фаланги пальцев на руках и ногах были отрублены. Всё тело, от макушки до низа, было перепачкано землей и эксcrementами. Пахло от существа соответствующим образом.

Оно спало, развернувшись спиной ко входу. Лев не мог рассмотреть лицо. Тогда незванный гость с предельной осторожностью, ничего не задевая, прополз, словно крокодил меж камней, между стульями. Подобравшись к клетке и посмотрев на существо, он опознал человека.

Глава

5

Лев лежал на земле и наблюдал за ним. Человек в клетке, прижав руки к телу, спал, нервно посапывая, попискивая как новорожденный котенок, и иногда дёргался. Любопытство из Льва уже вываливалось наружу, ему не терпелось узнать, кто перед ним, а главное, какого вообще черта происходит. Он всё думал, как лучше разбудить пленника. Если ткнуть пальцем, то он может заорать, и тогда проснутся охранники. Можно попробовать достучаться до него словами. Но тут тоже велик шанс поднять на уши весь лагерь. Увлеченный поисками подходящего способа, Лев и не заметил, что человек в клетке проснулся и внимательно разглядывал ночного посетителя.

–Здравствуй, – пробормотал слабым придушенным голосом человек. – Ты настоящий?

–Вполне себе, – приподняв уголок рта, тихо отвечал Лев. – Как тебя зовут?

–Терти, – еле слышно буркнул человек.

–Хорошо, Терти. Моё имя Леонес, – глаза Льва полыхали от интереса. – Почему тебя держат в клетке?

–Я не знаю. Так хочет она.

–Кто она?

–Моя сестра.

–Цецилия?

–Да, Цеца, – засыпающим уставшим голосом продолжал Терти.

–Эй, не пропадай. У меня к тебе есть несколько вопросов, – Лев махнул рукой, как доктор, приводящий пациента в чувство.

–Задавай, пока я не уснул.

–Сколько тебе лет?

–Двадцать пять, а может больше... – хрипучим голосом отвечал Терти.

–Как зовут твоих родителей?

–Папу – Джургис, а маму – Гинтера.

–А Влерастиша?

–Нет, только Цецилии, – в полудрёме бормотал Терти.

–Почему ты отвечаешь на мои вопросы?

–А почему нет? Мне, разве, есть, что терять?

–Не дрейфь, я тебя вытащу.

–Бессмысленно.

–Почему это?

–Если бы это было возможно, я бы уже сбежал. Но даже если выбраться из клетки, если даже убежать за много миль, Цецилия всё равно найдёт меня и вернёт обрат... – последние пару букв Терти уже не договорил.

–Очнись, – Лев протянул руку между прутьев и похлопал Терти по щекам.

Леонес понял, что так он ничего не добьётся. Брата Цецилии нужно было вытаскивать. Лев вылез наружу и, найдя два здоровых камня, вернулся обратно в палатку. Там он обмотал острые каменюки тряпками из клетки и, подойдя со спины к спящим охранникам, ударил их по затылкам. Те свалились на землю.

–Терти, держись там, – крикнул Лев, обшаривая карманы охранников. – Я нашёл ключ, сейчас открою.

Дверь клетки распахнулась. Лев зашёл внутрь и наклонился к Терти.

–Давай, приходи в себя, – он тряс его руку и легонько шлепал по щекам.

–Что? Что ты хочешь? – произнёс Терти, лишь чуть приоткрыв рот.

–Что с тобой вообще такое? Ты болен?

–Не, думаю это енти... – бурчал Терти.

–Енти? Что за енти?

–Цветочек...

–Зараза, Терти. Поднимайся давай!

–Цветочек, растёт на болотах. После него хорошо спится...

–Снотворное значит.

–Ага, – Терти открыл глаза и посмотрел прямо в лицо мутным задумчивым взглядом. – Знаешь, ты так похож на одну женщину!

–Что за женщина?

–Красивая очень, – Терти говорил, пьянчуга, вылакавший не одну бутылку накануне.

–Давай, не будь слабаком. Что за женщина? Брюнетка? Голубые глаза?

–Да! Зачем спрашиваешь, если и сам всё знаешь...

–Как её зовут? Терти, не спи! – Лев уже увереннее ударил его по щеке. – Я спрашиваю, как её зовут!

–Что-то на Э или Е, я не помню точно, – Терти сильно нахмурил брови, стараясь задействовать весь ресурс памяти. – Эвирка! Нет, Эрика. Её зовут Эрика. Точно, какое красивое имя, прямо как она сама...

Терти окончательно перестал соображать и рухнул на пол. Лев не знал, почему его здесь удерживают, но подозревал, что не настолько тот опасен, чтобы запирают его в клетке. Между прочим, второй случай, когда Цецилия насильно удерживала живого человека у себя под боком. Такой себе расклад, на двоечку.

Лев твердо решил более не задерживаться в гостях. На улице начинало светать, а, значит, скоро начнёт просыпаться лагерь. Действовать нужно было быстро. При предрассветном обходе Лев приметил у входа небольшой навес, под которым располагалось уютное жилище лошадей. Кража одной из них погоды не сделает.

Лев, конечно, не обладал специальными умениями обращения с этими четвероногими скакунами, но в целом, он представлял, что нужно делать. За минуту было пересечено поле, затем сложное испытание – пролезть под верёвкой; Лев отряхнулся от земляных крошек и непосредственной походкой отправился к конюшне, здороваясь, как бы невзначай, с уже проснувшимися циркачами.

По утру поездка на лошадях никому не сдалась, поэтому Лев, без особых трудностей, попал внутрь стойла. Навозом не пасло. Жеребцы и кобылы, а их там насчитывалось 11 штук, знали, что такое качественный уход и забота. Все они были крупные, с развитой мускулатурой. Они нюхали руку, если подвести её к их носам, давали себя гладить. Животные не боялись Льва. Видимо, человек никогда их не обижал. Доброжелательными и благосклонными к общению с людьми были все лошади за исключением одного жеребца средних размеров. Красавец молочного окраса с кудрявой длинной гривой того же цвета, но пара черных прядок, как порок среди чистой безгрешной глади, выбивались из общей белизны.

Конь выделялся среди братьев и сестер простотой и обыкновенностью. Он не был слишком крупным, копыта не были самыми длинными и мускулистыми, не самый высокий, без развитых суставов. Когда Лев подошёл к коню и стал протягивать руку, тот лишь пренебрежительно фыркнул и отвернулся.

–То, что надо, – ухмыльнулся вор.

Он взглянул на табличку рядом со стойлом: «Виски».

–Хорошее имя, – широко улыбнулся Лев.

Рядом с конюшней стали слышны шорох и голоса. Кто-то приближался, причем, стремительно. Лев спрятался за одну из перегородок между лошадьми.

–Как можно было упустить его! Как можно было подпустить его к клетке!

–Простите, госпожа. Вот ваш конь, прошу, садитесь. Всё уже готово.

Огрызалась Цецилия. Не нужно было знать её голоса. То, что это именно она, определялось по манере речи.

–Вокруг меня одни тупицы, – буркнула хозяйка цирка прежде, чем гордо и обиженно ускакать.

–А-а-й! Что же будет теперь с нами! – держался за голову низенький конюх. – Надо своих успеть предупредить!

Конюх, не опуская рук с головы, убежал, переваливаясь с ноги на ногу, как карликовый неуклюжий пингвин.

–День сегодня на редкость удачный, – прошептал вслух Лев, смотря на сундук с сёдлами, не закрытый конюхом по забывчивости.

Взяв на вид самую крепкую и надежную подстилку, Лев надел его на Виски. Конь, на изумление, проявил апатию ко всему происходящему. Он не издал ни звука, а лишь с равнодушной мордой жевал сено.

–Да как тут всё крепится, – высунув язык от напряжения, тихонько ругался Лев. – Ну, всё, я молодец.

С горем напополам, жеребец был осёдлан.

–Мне бы ещё уздечку...

День и правда был удачным. В углу стояла валялась слегка порванная и потрёпанная верёвка, с виду напоминавшая необходимое приспособление. Лев успел поднять её, но закрепить не успел. Конюх возвращался.

–Я ж тебе говорю, Ардо, я видел, как он шёл в сторону твоей конюшни!

–И правда, одного седла нет! – закричал конюх высоким оперным голосом, как только распахнул ворота стойла.

Прежде, чем они оба успели понять, что к чему, из конюшни с диким лошадиным ржанием выскочил Виски вместе с Львом на его спине. Конь встал на дыбы, почуввав свободу. Лев же только и думал о том, как бы не свалиться. Он ожидал, что Виски не станет ему подчиняться, однако коню не требовались шпоры и удары в бока, чтобы рысью умчаться из этого места, куда подальше.

–Пр-р-р... – Лев пытался остановить коня. – Тормози, зараза!

Виски нёсся галопом, не разбирая дороги. Они уже давно миновали лес, перескочили через какие-то поля, потом снова вырос лес. Уже около часа Лев был заложником жеребца. Наездник не мог спрыгнуть, не мог остановить ревущую неуправляемую машину, а уздья на ходу надеть не так-то просто. Лев, крепко вцепившись в гриву, ждал, пока Виски вымотается и сам замедлится. Попалась попросту неугомонный конь. Ему были нипочем пригорки, жара, рваные крики наездника. Его легкие качали воздух, копыта создавали ритм, и зверь чувствовал себя орлом, явившимся на свет в ошибочном обличи.

Вдалеке что-то блеснуло. Неширокая речка, скорее даже ручей, отбрасывал блики и отражал голубое безоблачное небо, как начищенное зеркало. Уставший обезвоженный конь устре-

мился к вожаденной водичке. Пока он пил с громким чмоканьем и шмыганьем, Лев, судорожно ощупывая почву под ногами, спустился на землю. Его онемевшие бедра дико кололи. Чуть переведя дух, он достал уздечку и надел на равнодушного коня.

– Не будешь ты больше наездником, а я лошадкой, – ухмыляясь, произнёс Лев, – я главный, мальчик, запоминай сразу.

***

Лев не съел ни куска со вчерашнего вечера и не сделал ни глотка. Наклонившись к реке рядом с конём, он стал с жадностью заливать в себя воду, не брезгуя конскими слюнями, жучками, ворсинками.

Когда все жизненно необходимые ресурсы восстановились, можно было оглядеться: местность не отличалась каким-то разнообразием. Небольшая равнина, с трёх сторон окружённая лесом, где-то вдалеке на севере горы уходили в облака. Стрекотали какие-то насекомые, может, певчие цикады. Палящее солнце прожигало кожаные штаны и жакет. Со лба тек пот, сухой воздух затруднял дыхание. Лев торчал в непонятном месте. Было жарко, голодно; единственный компаньон – украденный Виски, и то не бутылка. Положение не плачевное, но близкое к тому.

– Не так уж и много у меня вариантов, – рассуждал вслух Лев. – Стать разбойником, вернуться в Блазен или идти куда-нибудь, пока идётся...

Он понимал ничтожность собственных мыслей и решений. Что бы Лев не выбрал, это его домой не приведет. Только смерть или тюрьма.

– Мне нужен план, он нужен всегда, – ходил кругами Лев, активно жестикулировал под удивлённым и заинтересованным взглядом коня. – С каких пор я вообще действую наобум? Хороший план – залог стопроцентного, ну, или не совсем, успеха. Что я имею? У меня есть конь. Парень по имени Терти, который сидит в клетке и не может сбежать, сказал, что я похож на девушку по имени Эрика. Неплохо...

Льву в спину уткнулось что-то холодное и мягкое.

– А ещё мне надо кормить себя и эту махину массой в полтонны, – Лев смахнул капельки набежавшего пота. – Единственный человек, которого я знаю и, которому чуть-чуть доверяю, это Зила. А что это значит, Виски? К нему нам и надо. Благо одежда меня теперь не скомпрометирует.

Лев забрался на коня и ударил по его бокам. Добраться до Блазена было серьёзным испытанием. Мало того, что Лев понятия не имел, где он сейчас находится, где находится этот город, как доехать до него с минимальными потерями и повреждениями, так ещё проблемой было то, что его могли узнать стражники и схватить. Но риск – дело молодых. Терять то особо нечего. Определив по расположению солнца на небе, где север, а где юг, Лев помчался в сторону Блазена. Он практически дословно помнил рассказ Зилы и то, что тот говорил: «...мы южные ребята...».

По первому времени держать верное направление было несложно. Сзади оставались северные горы, а слева солнце. Скорость движения была невелика. Лев только учился взаимодействовать с конём, ещё тем сорвиголовой. Строптивное животное то и дело вырывалось, пыталось выкинуть хозяина из седла, не слушалось, мчало не в том направлении. Весь день два гордеца пытались продавить друг друга и заставить подчиниться. Ближе к вечеру они оба выбились из сил.

– Ты дурак, Виски! – кричал незлобно Лев. – Если бы ты был послушным разумным конём, то мы бы уже давно пересекли этот чёртов лес!

В ответ на такие заявления Виски лишь презрительно фыркнул. Сквозь лес невозможно было ехать верхом. То и дело конь спотыкался о корни, влетал в деревья, наступал на острые палки. Поэтому вот уже как два часа Лев смиренно вёл Виски за уздья.

–Знаешь, я с тобой весь день провозился, гладил, разговаривал... – бормотал вслух утомленный наездник. – А ты неблагодарная скотина! Не мог спокойно даже пяти минут проскакать, всё свернуть надо было, затормозить! А обо мне ты думал? Прости, конечно, если я вырвал тебя из твоей цирковой семьи, но я плохой человек, как-то не привык думать о чувствах людей, да и как видно, животных тоже.

Приятели углублялись в лес: деревья зачастили, свет луны практически не просачивался сквозь них.

–Я всю жизнь обвиняю в своих бедах других, – изливал душу Лев. – То меня негодяй Савелий в преступники припишет, то ужасный бандюга вынудит с ним драться, то мерзкий детдомовский директор прижмёт. Хотя, директор этот, конечно, та еще... Так вот, к чему я веду. Может, я сам во всём виноват? Я ведь, по мнению окружающих, эгоистичный самовлюблённый человек. Почему они так называют меня? Наверное, они идиоты. Ты как считаешь, Виски?

Ожидаемо, ответ не прозвучал.

–Знал, ты меня поддержишь.

Лев шёл и шёл, говорил и говорил.

–Тут мы и заночуем.

Лесная полянка показалось подходящим местом для ночлега. Лев привязал коня к дереву, а сам пошёл собирать сухие ветки. После, хорошенько обшарив наседланные сумки и найдя полупустой спичечный коробок, он развёл огонь.

–Неплохо сработано, приятель, – Лев с улыбкой взглянул на Виски. – Вот везучий ты поганец! Можешь траву поесть на ужин, а мне спать придётся с пустым желудком. Но ничего, завтра мы попробуем кого-нибудь съедобного словить.

Лев поглаживал по шее своего (уже своего) коня; застегнув жакет и натянув его повыше, прижал руки к телу и уснул. В этом мире для Льва одной из многочисленных странностей и парадоксов являлась громадная разница в дневной и ночной температуре. Ещё пару часов назад нещадно палило солнце, а градусник, если бы таковой имелся, взметнулся бы к тридцатке, а то и выше. Настала ночь. Теперь, если открыть рот и выдохнуть, то образуется пар. Снег, конечно, не шёл, но пробирало до костей.

Сквозь чуткий сон Лев слышал вой ветра, шелестящие листочки, отдалённое угуканье сов... и шёпот. Кто-то разговаривал совсем близко, практически на полянке.

Лев приоткрыл глаза, но не встал. Он присмотрелся к деревьям и увидел два тёмных силуэта, прятавшихся за ним. Не нужна особая проницательность, чтобы опознать грабителей. На всякий случай, Лев незаметно пододвинул лежавший в ногах меч поближе к себе и стал выжидать. Нападать первым было бессмысленно, более того, опасно. Кто знает, может их целая банда. Вдруг один из них показался из-за дерева и стал на цыпочках, длинными шагами, подкрадываться к «спавшей» жертве. Другой начал обходить опушку по кругу, через деревья и кусты, явно наметив целью Виски.

Когда расстояние от ноги Льва до ноги бандита укоротилось и стало не больше, чем полметра, первый резко махнул ею, попав прямо в пах мерзавца. Грабитель взвыл от боли. Воспользовавшись секундной задержкой, Лев схватил меч и ударил плоской частью орудия по голове вора. Второй товарищ спрятался за дерево.

–Выходи, – недовольно цыкнул Лев. – Я ещё поспать хочу!

–Не подходи ко мне! – надрывистым нервным голосом верещал грабитель.

–Боишься? Правильно делаешь, – иронично подметил Лев. – Знаешь, кого я не люблю больше, чем мелких грабителей? Трусов. И надо же, ты прямо два в одном!

–Хоть пальцем меня тронешь, тебя достанут! Думаешь мы здесь одни? – посыпались мнимые попытки угроз.

–Думаю, что одни.

Всё то время, пока воздух отравляли эти пустые ненужные фразы, Лев тихонько подобрался к дереву, за которым прятался вор.

–Ку-ку, – бросил он и схватил трусишку за плечо.

Приземистый немолодой мужичок даже не стал сопротивляться.

–Прошу вас! Не надо! Меня заставили! В деревне остались шестеро детей и жена, я должен их кормить! Пощадите не меня, а их, – трепетал жалким голосишком грабитель.

–Если ты пошёл кого-то грабить, убивать, избивать, да неважно, что делать. Если же тебя поймали, то веди себя по-мужски, а то жалких трусов, знаешь, никто не любит, – высказался Лев и ударил рукояткой меча по голове мужичка.

–Не, ну два дебила – это мощь, – ухмылялся Лев, обшаривая их карманы.

Ценным можно было назвать, разве что, многократно использованный носовой платок, протухший бутерброд и маленький позолоченный ключик. Лев выпрямился, рассматривал найденные «сокровища», как вдруг что-то острое и холодное упёрлось в его шею рядом с сонной артерией.

–Ни звука, – прозвучал сладкозвучный женский голос, – медленно опускай меч.

–Я бы с удовольствием, зайчик, но...

–Ещё хоть слово и ты, зайчик, будешь скакать без одного ушка, – холодное лезвие прикоснулось к мочке уха.

Лев медленно стал опускать меч. Настолько медленно, что успел достать нож с красной рукояткой из внутреннего кармана.

–Давай, не торопись, я же подожду! – за этими словами последовал резкий удар тяжёлым ботинком по пояснице.

Лев упал на землю.

–Поднимайся, ты мне ещё живым нужен, – незнакомка схватила того за подмышку и потянула на себя.

Но телосложение Льва и телосложение юной бандитки сильно различались. Одного толчка рукой хватило, чтобы сбить её с ног. Лев резко схватил меч, поднялся на ноги и направил его конец к горлу незнакомки. Опушка хорошо освещалась луной, поэтому можно было тщательно рассмотреть воровку. Только взглянув на неё, в первую секунду, Лев заметил её глаза. Большие, широко открытые, приветливые, цвета голубой бирюзы. Даже нахмуренные бровки никак не спасали ситуацию. Девушка была мила до невозможности. Ко всему прочему, узкий прямой нос, мягкие, но не слишком пышные щёчки, заострённый подбородок, маленький лоб, копна волос светло-бежевого цвета, собранная в неаккуратный пучок на затылке. Из приоткрытых, нежных, бархатных губ цвета розового кизила были видны поразительно белые ровные зубы.

–С ума сойти! У тебя такие зубы... – слегка глупо и восторженно воскрикнул Лев.

Незнакомка посмотрела на него взглядом, полным непонимания и настороженности. Как на дурачка, в общем.

–Я о том, что у других зубы такие, знаешь, гнилые, жёлтые, а у некоторых их вообще нет. А у тебя они такие белые, даже белее моих...

Девушка сменила недоуменный взгляд на лучисто-насмешливый.

–И что теперь делать? – продолжал разговаривать Лев, хотя ему никто не отвечал. – Я же тебя не убью.

–А чем я отличаюсь от этих двоих? Тем, что я женщина? Не могу за себя постоять? – вдруг затараторила незнакомка.

–Будьте немного спокойнее, мадам. Начнём с того, что я не убил их. Я всего лишь немного покалечил, – тихий смешок вырвался из губ Льва. – Начали с этого и закончим. Я вообще слежу за кармой, там, всякими списочками добрых дел. В общем, что я хочу сказать, убиваю я только в случае крайней необходимости.

–Добродетелям нет места в этом мире, – сжав губы, девушка бросила короткую фразу и ударила ногой точно в коленку противника.

Послышался хруст костей.

–Мать твою, как больно! – кричал Лев, прыгая на одной ноге и обхватывая руками коленку другой. – Ты мне её сломала!

–Может быть, – равнодушно покачала головой незнакомка. – Но это будет тебе уроком. Меньше болтай, больше делай.

Девушка с силой, как у здорового мужика, ударила Льва в коленку на другой ноге. Теперь он уже не прыгал, только лежал.

–Второй урок, – ходя вокруг Льва, как коршун летает над добычей, угрюмо диктовала незнакомка. – Если в тебя кто-то тычет ножом, то убивай его сразу, без разговоров.

–Эх, такое ощущение, – подавленным голосом, терпя боль, процедил сквозь зубы Лев, – будто ты не рада, что жива осталась!

Девушка ничего не ответила, вместо этого она претворила в жизнь третий удар, который пришёлся на кадык. Из горла Льва брызнула кровь.

–Урок номер три, – девушка наклонилась к задыхающемуся парню и натянула поддельную улыбку. – Говорить начинай, когда убедишься, что враг ничего уже не сможет сделать.

Незнакомка подняла меч Льва, бросила мимолётный уничижительный взгляд на свою жертву и ударила рукоятью по его бледной голове.

***

Темнота, темнота и снова темнота. Ничего не видно. Слышен голос, надо идти на него. Лев бежал, иногда останавливаясь и прислушиваясь, чтобы понять, не сбился ли он с пути. Сладкий певчий голос манил его, он не мог справиться с желанием, нужно было отыскать ее...

Поначалу всплывали размытые картинки. Льва трясло, к горлу подступала тошнота. Звенела голова, как после хорошей попойки. Дико хотелось пить. Он протёр глаза рукой, и мир приобрел более четкие крутые очертания. Это была повозка. Деревянная и маленькая. Лев не мог вытянуть ноги во всю длину. Хорошо, что хоть крытая крыша спасала от солнца. Пару раз зажмурив глаза, произведя несколько ударов себе по щекам, Лев окончательно пришёл в себя. Последнее, что он помнил – это глухой звук от удара чего-то твёрдого по голове.

Рядом с ним на каждой кочке подскакивала корзинка с флягой воды и кусочком пирога. Лев кинулся на еду, как шакал. Не объеденье, но выбирать не приходится. Во время трапезы, Лев внимательно подслушивал разговор, затеянный кем-то за пределами фургона.

–Я просто поражаюсь тебе, Маркиша! – говорил кто-то осипшим стариковским голосом. – Повалила такого кабана! Сила у тебя недожая!

–Мне повезло, Рорти, – отвечал женский, уже знакомый голос. – Он не слишком сообразительный да к тому же любит поболтать.

Лев узнал свою недавно приобретённую знакомую.

–Они ещё не поняли, что я очнулся... – неслышно произнёс он.

Лев решил действовать незамедлительно. С него сняли куртку, сапоги и перчатки, оставив в штанах и рубахе. Ни ножа, ни меча, естественно, в повозке не было. Навес был плотно привязан к деревянному основанию, поэтому отвязать его одними руками не получилось бы. Тогда лезем напролом. Захватываем фургон и едем в Блазен. Вот и все дела.

Лев слегка приоткрыл шторку, отделявшую его от попутчиков. Их было всего двое – незнакомка и старик-кучер. Один раз Лев уже проиграл, настала пора брать реванш. Теперь главное не допускать прежних ошибок. Взяв довольно увесистую тарелку из-под пирога в руки, он резким движением откинул навес и ударил кучера по голове. Старик без сознания свалился на землю. Лошади, почуяв страх, встали на дыбы и помчались рысью.

–Что ты натворил! – кричала незнакомка, пытаясь схватить поводья.

–Не надо было мне колени ломать! – орал в ответ Лев.

–Держи вожжи, недомерок!

Лев запрыгнул на место выпавшего кучера и довольно быстро отловил поводья, взяв ситуацию под контроль. Вместе с незнакомкой они остановили повозку.

–Знаешь, я многое готов простить большеглазой красавице, но только не когда она бьёт меня сапогом в горло! – шептал Лев, держась за больной участок шеи.

Девушка побагровела то ли от ярости, то ли солнечный ожог вздулся. Впрочем, не суть. Она сразу накинулась на Льва, как дикая кошка, сбросив того с лошади. Упав, он сильно приложился копчиком о застывшую дорожную грязь. Незнакомка прыгнула сверху, добавив боли на живот.

–Урод! – кулак прилетел прямо в челюсть.

После нескольких ударов, Лев уловчился и схватил бьющую, как ураган, руку девушки. Он повалил незнакомку на землю рядом с собой и сел сверху.

–Ты, взбесившаяся, хватит! – Лев крепко схватил её за запястья.

–Ну, давай, ударь меня! – верещала она, безрезультатно пытаясь выбраться из капкана.

–Отстань от меня, – заорал Лев, решив истерить точно также, как и она. – Не буду я тебя бить, тем более не убью!

–Вот и зря, – раздался ровный безразличный голос откуда-то из-за спины Льва. – После того, что она сделала, я бы на твоём месте выдавил ей глаза.

Лев, не разжимая ладоней, развернулся и увидел над собой светловласого мужчину на коне. Он выглядел, как ангел, его голова находилась ровно по центру солнечного диска, создавая нимб над всадником, красивым статным мужчиной, чьего лица было не разглядеть из-за слепившего солнца. Он был одет в алый вышитый цветами жакет, а спину держал прямее доски. Лев предположил, что чудное создание могло быть каким-нибудь графом, однако же мерзкие слова пришельца перерезали эту мысль пополам. Ему место в тухлой канаве.

–Он очнулся, – оправдывалась незнакомка, – я не видела, я не виновата.

–Конечно же ты виновата. Твоя вина в том, что ты недооценила его тягу к жизни. Ты будешь наказан, мой лучик, по пока, Лики, будь так добр, ударь нашу награду по голове, но так, чтобы на этот раз он не пришёл в себя до прибытия, – мерно и равнодушно скомандовал светловласый мужчина.

Юный паренёк на недокормленной кобылке тут же подскочил ко Льву с дубинкой в руках и приложился ею по его затылку.

***

Лев в полудрёме поморщил нос от неприятного запаха. Пахло сыростью и протухшим пожаренным мясом. Лев пытался зажать нос, но вонь пробилась бы сквозь самую толстую стену. Он открыл глаза. На потолке его встретило странного цвета пятно, с которого падали капли прямо на губы. Плюясь, Лев протёр рукой рот и понюхал пальцы. Да-а, вонь шла именно от этого пятна. Вокруг было темно и влажно. Это место было похоже на подвал, но решетка на окне, выдолбленном прямо в стене, а еще пара кандалов на ногах свидетельствовали о том, что вонючее пространство – темница.

Лев нащупал на себе лишь кожаные штаны, а еще опознал луже чьей-то мочи под собственным задом.

–Ну... ну вроде не моё, – удивлённо поджал губы он. – Тогда чьё?

–Хех, прости, милоч, кхм... – из тёмного угла камеры раздался скрипучий кашель. – Она там уже давно. Тебя стражники бросили в неё.

–По некоторым отличительным факторам могу предположить, что это темница? – Лев обтер пальцы о стену.

–Несложно догадаться, не так ли? – слабо и надрывисто засмеялся его собеседник. – Интересные у тебя рисунки на теле. Летающие крокодилы, какие-то надписи...

–Ага, мне тоже они нравятся. Отсюда можно выбраться? – продолжал Лев, подползши к решетке и уже держась за железные прутья, высматривая кого-нибудь в коридоре.

–Если бы можно было, я бы уже давно нашёл этот способ, – трескуче-сухо, из последних сил говорил мужчина.

–Сколько ты уже торчишь здесь?

–Лет пятнадцать...

–В этой камере? Пятнадцать лет? – Лев обернулся и уставился прямо в угол.

–Ах-ха! Ты что? Нет, конечно. Я пару недель назад подрался с одним придурком в шахте, так меня для переосмысления своего поведения отправили сюда погостить, – протяжно и туго отвечал мужчина. – Да только знаю я, что они хотят, чтобы я поскорее помер, и на меня не пришлось бы тратить те гроши, на которые я жил годами и клянусь, что его еще поживу!

–А тебе лет то сколько?

–Девяносто два.

–И ты шахтер? – недоверчиво спросил Лев.

–Я самый молодой в своей бригаде, ах-ха! – рассмеялся старик, но быстро прекратил из-за кашля.

–Не знаешь, куда отправляют только что прибывших?

–По-разному. Кого-то, как меня, на шахты, других в каменоломни, третьих воевать, четвёртых могилы для третьих копать. Как уж повезёт.

–Понятно, перспективы у меня не лучшие, – разбитым голосом промолвил Лев.

–Ты вроде молодой парень, как тебя угораздило попасть в Ирантирт?

–Куда попасть...?

–Ты не местный что ли? – не скрывая своего презрения, спросил старик.

–А с этим есть какие-то проблемы? – холодно отрезал Лев.

–Просто поинтересовался, никаких проблем. – поспешил уладить назревавшую ссору старик. – Есть, грубо говоря, два типа тюрем в Брондуре. Один из них для простых алкашей и любителей помахать кулаками. Там больше нескольких суток не держат. А есть такие места, в одном из которых сейчас я и ты. Отсюда не выпускают, – старик пытался навеять таинственности.

–Совсем?

–Ну, если судить по той тоненькой книжке, конституцией ее умные зовут, в которой якобы прописаны права человеческие и действующие законы, то нет, не выпускают. У каждого есть срок, который он должен отсидеть. Я вот, например, должен был отсидеть всего четыре года. Но за каждый твой, даже самый малю-ю-юсенький, – старик прижал указательный палец к большому, оставив между ними крохотное расстояние, – проступок, они добавляют годы. Нарушение комендантского часа – полгода, сломал кирку во время работы – год, совершенно случайно вlepил пощёчину тупому сокамернику – два года. Я вообще не знаю парней, которые бы выходили из Ирантирта. Да, Ирантирт – блазенское пристанище нерадивых.

–Мы сейчас в Блазене? – приподняв уголок рта, спросил Лев.

–Ну, так, да. Ты, кстати, вопросами своими атакуешь меня, а на мой единственный не ответил. Как тебя занесло то сюда?

–Не знаю, – вяло пробормотал Лев. – Думаю, меня сюда сдала девушка одна...

–Ах-ха! Проблемы на любовном фронте! Прямо, как и у меня. Что ты сделал с ней? Отрезал руку или ногу? Изрезал лицо? Выпотрошил, как свинку?

–Ч... Что? Я её, как раз-таки, и пальцем не тронул! Она меня вырубил, а потом вместе со своей шайкой бандитской, судя по всему, сюда свезла и сдала страже. Да, их лидерская паскуда говорила, что я их «приз» или «награда», что-то около.

–Хрен с этим недомужиком, что ты с девкой сделал? Может хоть грудь отрезал? Или язык вырвал? – завёлся старик.

– Не стал я её трогать, – Лев на всякий случай отполз подальше. – Ты вообще за что сидишь?

– Бабу я свою пришиб случайно, – раздражённо бросил старик. – А ты слабак и рохля, раз не дал сдачи этой девке. Запомни, нельзя им спуска давать. Разок закроешь глаза на выходку, так в следующий она устроит, что пожётче.

– Худший совет, который можно было дать.

– Вот знал, что вы, шпионы Жвильнейские, мягкотелые тюфяки! Фу, смотреть тошно!

– Ну, так, – безучастно промолвил Лев, как вдруг из коридора послышались шаги, – не смотри...

Через минуту к камере подошли трое – двое стражников и женщина средних лет в атласном рубиново-красном платье в пол.

– Ты, на выход, – скомандовал один из тюремщиков, указав пальцем на Льва, и отстегнул его.

– Поздравляю, парень! Ты официально становишься единственным человеком, который вышел из Ирантирта! Да не просидев здесь и дня! Ах-ха, раздави меня валуном, да ты чёртов счастливец!

– Пирайн, меня выворачивает от тебя! – один стражников зашёл в камеру ударил старика ногой по спине.

Тот взвыл, как собака, и вывалился из тёмного угла под свет факелов. Только теперь Лев мог видеть его. Это, пожалуй, было самое отвратительное существо, сотворённое природой. Полтора метра роста, кости, торчащие из-под кожи, короткие пальцы с кучей бородавок и с гниющими ногтями, покрытыми грибком. Себорейный дерматит покрывал всю голову, на которой лишь редкими пучками держались тоненькие волосинки. На длинном крючковатом носе не досчитывалось одной ноздри. Губы были огромными, словно у гориллы, и их сплошь покрывал ужасно запущенный хейлит, а зубов и вовсе не было. Узкие лисьи глаза покрылись гноем. Когда старик высунул язык, полностью желтый от налёта, Лев заметил на нём татуировку в виде буквы I.

– Прошу прощения, милсдарь, – прошипел, словно змея, заключённый.

– Была бы моя воля, тебя бы уже вздёрнули, – ноздри стражника были расширены, а глаза высказывали полнейшее отвращение. – Только деньги зря тратятся.

Тюремщик вышел из камеры и закрыл ее за собой.

– Удачи, парень, – шепнул на прощание старик. – Смотри, как бы тебя твоё великодушие в могилу не завело.

Льва, не говоря ни слова, отвели на несколько этажей выше. Когда лестница упёрлась в железную дверь, её открыли, и перед глазами образовался длинный коридор с дорогим паркетом на полу и длинными стенами, сплошь увешанными портретами каких-то, явно, именитых товарищей. Льва потащили в самый конец коридора и открыли перед ним широкую, обитую гладкой кожей, дверь.

Стражники остались стоять за пределами комнаты, а бывший заключённый и женщина вошли внутрь. Комната была чьим-то кабинетом. В самом центре, на ковре, сотканном из лошадиной кожи, стоял массивный деревянный стол с разными узорами, вырезанными на ножках. На нём, как по схеме, расположилась ваза со свежими цветами, но их запах не мог перебить того крышесносного аромата, исходившего от дамы. Он заполнял все точки пространства. Побрызгай этими духами на четырёхдневного полуразложившегося трупа, он бы заблагоухал анисом вперемешку с кардамоном. На стенах, выкрашенных в дымчато-розовый цвет, висело несколько похвальных грамот на имя Господина Клиндентара Миджентолли.

– Мне расскажут, что происходит или стоит просто постоять и помолчать? – первым заговорил Лев, разглядывая настенные грамоты.

–Второй вариант, будь так любезен, – слащавым и журчащим, словно кипяток в чайнике, голосом отвечала женщина. – Через минуту сюда придёт господин Миджентолли, и ты всё услышишь от него.

–Ладно, – без дальнейших расспросов подчинился Лев.

Когда он заходил на третий круг осмотра интерьера, разъезжая его глазами, то вдруг переключился на женщину, хотя до этого обещал себе не пялиться. На вид ей можно было дать лет сорок. Объективная оценка внешности была невозможна, ведь всё лицо дамы было пере-мулевано, разукрашено, будто тут недоброкачественно поработал маляр-криворучка. Белые кусочки то и дело отрывались от сильно запудренного лица, как старая штукатурка от потолка, и падали на воротнички. Над глазами цвета чёрной маслины, подведёнными чёрным углём, сильно нависали веки. Создавалось впечатление, что эта женщина не умеет радоваться и всех подозревает в каких-то злодеяниях. Это подтверждал ещё и вздёрнутый длиноватый нос, с вечно сжимающимися и разжимающимися ноздрями, будто она всё время что-то вынюхивала. Правый уголок её узких губ, со смазанной красной помадой и с множеством морщинок, постоянно дёргался. Может, это был нервный тик. Большие пышные груди, постоянно норовившие вывалиться из декольте в комплекте с маленьким ростом делали из женщины одну таких дам, которых называют «помпущечками, у которых есть, что пощупать».

Ровно через минуту, как и говорила эта женщина, вошёл нелепой походкой, как у полу-слепого медвежонка, коротенький мужчина. Да он весь был, как мишка. Пухлые щёчки, пузико, ручки и ножки. Маленькие чёрные глазки, видневшиеся из-под низкой надбровной дуги. Крошечный, вечно приоткрытый рот, как у младенца; некрасивый нос кнопкой; гладко выбритая и отполированная голова. Всё это делало господина Миджентолли абсолютно непривлекательным, можно даже сказать, страшеньким.

–Здрате-здрате, – запыхавшимся голосом произнёс он. – Очень извиняюсь за задержку, но как говорится, бандитов много, а я один, хех!

Господин Миджентолли скривился, пытаясь выдать улыбку, и посмотрел на женщину. Говорят, когда в компании людей кто-то шутит, ну или пытается это делать, то после смотрит на реакцию того человека, который ему симпатичен или нравится. Лев, с еле заметной ухмылкой, наблюдал за тщетными попытками Миджентолли показаться забавным.

–Ладно, поскорее начнём, а значит, поскорее закончим, – произнёс он, достал из ящика стола какую-то бумагу и начал зачитывать её вслух. – Заявление на имя Клиндентара Миджентолли, то есть на меня, хех, потешно это, но продолжим. «Я, Петрониша Квинтерштирт из рода славного Рентара Квинтерштирта II, наследника родового имения подле Мермотиганских гор, официально прошу выпустить на свободу моего единственного сына, а по совместительству кровного наследника всего моего состояния, Леонеса Квинтерштирта, сына Стриканта Хромбо из рода славного Калевара Хромбо, и внука славного Рентара Квинтерштирта II». Ох, язык поломаешь, пока все эти полные официальные имена зачитаешь.

–У вас отлично получается, господин, – с наигранной любезностью произнесла женщина.

–Спасибо, – учтиво отвечал Миджентолли. – Так вот, «Я передаю сумму денег, в размере двух тысяч пендзе, официальной монеты нашего великого государства Брондура. Изъявляю желание, чтобы эти деньги пошли на улучшение условий жизни наших мужественных воинов, за тем, чтобы такие негодники и сумасброды, как мой сын, Леонес Квинтерштирт, с рвением стремились попасть в армию, а после на войну, отдавать долг родине». Все верно, госпожа Квинтерштирт?

–Абсолютно, вы ни в чём не ошиблись, – игриво отвечала женщина.

–Теперь я добавлю от себя, неофициально, – обратился Миджентолли на этот раз ко Льву. – Ещё раз ты нарушишь порядок в моём городе...

–Но... – попытался вставить слово Лев.

–Я повторяю, ещё раз ты преступишь закон, то просто так больше не отделаешься. Мне неважно, что это будет. Может, ты столкнёшь ещё какого-нибудь беднягу со стены на скалы, может ещё раз побьёшь стражников и украдёшь у них оружие, ещё раз прыгнешь в общественное культурное достояние...

–Вы о том колодце?

–Да, я именно о нём, – приподняв брови и кивнув, продолжал Миджентолли. – Я надеюсь, ты меня понял, парень. Не совершай больше глупостей, чтобы твоей прекрасной маме больше не приходилось лить слёзы, а после выкладывать целое состояние, дабы вытащить тебя из твоего дерьма.

–Вас понял, – нахально улыбнулся Лев.

–Вас проводят стражники, госпожа Квинтерштирт.

–Право, не стоит, – отвечала она. – Я запомнила дорогу.

–Будь по-вашему. До свидания, – Миджентолли поднял руку.

–До скорой встречи, – сделав лёгкий реверанс, а после схватив Льва под руку, спокойной, но уверенно походкой дама вышла из кабинета.

–Леонес Квинтерштирт? – озадаченно спросил Лев.

–Тише, мой дорогой, здесь даже у стен есть уши, – не сбавляя темп, отвечала женщина. – На улице, на все вопросы отвечу на улице.

Пройдя через коридор и повернув налево, а там направо, и так десять раз, наконец-то появилась дверь, ведущая вон из заточения.

–Удачного вам дня, – привратник приложил тыльную сторону руки ко лбу, как бы отдавая честь, и распахнул двери.

Яркий свет фонаря, поставленного прямо возле выхода, слепил глаза. Уши заискрились от шума. Женщина практически силком, держа всё также под руку, вытолкала Льва из здания и энергично пошла по дороге вправо, смешиваясь с толпой.

–Теперь я могу узнать, что вообще происходит? – Лев пытался говорить достаточно громко, чтобы переорать людской гам.

–Позже, миленький, позже, – женщина была непреклонна. – Дойдём до безопасного места, и всё узнаешь.

Лев не возражал отказам строптивой дамы. Если он правильно понял, то она внесла две тысячи пендзе за него, знала его имя, а значит, убивать не собиралась. Да и калечить вряд ли (кто ломает дорогие покупки в первый день?). Пробираясь сквозь стадо людей, куда-то вечно спешащих, даже в столь позднее время, они добрались до площади, с виду напоминавшую ту, с трактиром «Вендетта». Только на этой все место было отдано одному-единственному заведению. Трёхэтажное здание, первый этаж которого, покрывала алая краска в цвет платья женщины. Красивая расписная дверь из тёмного дерева располагалась в центре и, поднявшись по нескольким скрипучим ступенькам, Лев попал на крыльцо.

–Добро пожаловать в *Брунгильду*, – на этот раз без притворства улыбнулась женщина и распахнула двери.

Перед Львом открылся огромный, хорошо освещённый зал. Стены были отделаны декоративной штукатуркой под цвет песка; от пола до потолка тянулись вставки из красного мрамора и слегка жёлтого, коричневатого и в то же время оранжевого оникса. Пол покрывал щитовой паркет, на котором каждые несколько метров были выложены другими оттенками дерева маленькие четырёхугольные звёздочки. Изюминкой, достопримечательностью, гордостью была чугунная, не совсем искусно выполненная, двухуровневая люстра с пятнадцатью восковыми свечами. Для ещё большего освещения, на стенах были понатыканы подсвечники, украшенные льняной верёвкой. В зале было множество перегородок с изображениями заснеженных гор, заката на море, пёстрого осеннего дерева, огромной птицы, похожей на павлина, но только с оперением в более тёплых тонах. Между ними, на мягких бархатных диванчиках и кушетках

сидели и лежали молодые девушки и почтенные господа в красивых достойных нарядах. Зал наполняли негромкий смех и перешёптывания медовоголосых девиц.

Лев понимал, что его привели в публичный дом, а женщина, стоявшая рядом с ним, скорее всего, хозяйка.

– Нам на третий этаж, миленький, – она хлопнула Льва по плечу и стала подниматься по ступенькам, приподняв подол платья.

Справа от входа – широкая бордовая лестница, покрытая лаком с изящными чугунными перилами, окрашенные тончайшим слоем серебра. Поднявшись на второй этаж, Лев обнаружил там несколько узких коридоров, уходящих в разные стороны с частными дверьми. Несколько девушек расслабились рядом с лестницей, курили и болтали о чём-то простом девчачьем. Когда появился Лев в одних штанах, а все видимые участки его тела были покрыты грязью и кровью, девчонки взглянули на него и, как их учила мадам, прикрывая ротик рукой, сладко захихикали. Гольный пришелец не смутился.

– Эй, красавчик, – крикнула ему одна из девушек. – Будет время, заходи! Мы тебя отмоем, накормим, а дальше уж сам решишь, что будет!

Девочки взорвались приторным смехом.

– Обязательно, – крикнул в ответ Лев. – Если я захочу прийти, то как твоё имя?

– Йори, – отвечала та девушка, которая и начала разговор.

Лев улыбался и глядел на неё, но его за руку одёрнула та госпожа Квинтерштирт.

– Ты на моих девочек даже не заглядывайся, – строгим голосом заявила она. – Понял меня?

– Да, – буркнул Лев, тут же смахнув уставшую улыбку с лица.

Когда они наконец-то преодолели еще один лестничный проем, то попали на последний этаж; чердак, переделанный под кабинет. Интерьер не отличался той же роскошью, коей были наделены два предыдущих этажа. Здесь было всё попроще: стены и потолок цвета яичного зерна, пол застилали дешёвые, а в некоторых местах потресканные и побитые, доски. Шкафы с книгами скрыли за собой стены. Слева, почти у самого окна, которое здесь было лишь одно, стоял небольшой письменный столик, сплошь усеянный какими-то бумагами. Справа, у другой стены, была двуспальная кровать с каркасом, выплавленным из чугуна и покрытым медью. Толстый матрас выступал почти на двадцать сантиметров. На кровати валялось несколько десятков подушек различных форм, но все неизменно в розово-красных оттенках. Тот, кому она принадлежала, явно ценил возможность мягко и удобно поспать.

По комнате, скрестив руки за спиной, ходил низенький, даже карликовый мужичок в свободной рубашке, коричневых бриджах и колете.

– Ха! Леонес! – раскинув руки в разные стороны, восторженно воскликнул мужичок. – Как же тебя угораздило загреметь тюрьму? Мы же всего пару дней не виделись!

– Зила...? – изумлённо улыбнулся Лев.

Признать в этом низкорослом мужчине того трактирщика было довольно сложно. Без косметики, одетый в мужскую одежду, без бутылок в руках он сошел за незаурядного человека, не выдавшего себя ростком.

– Конечно, это я! – засмеялся Зиландир. – А ты что это, не признал меня?

– Ты немного отличаешься от того Зилы, которого я видел в «Вендетте», – Лев старался, как можно мягче, выразить свои мысли.

– Ха-ха! Ну так, конечно. Если я пройду в таком платье по улице, меня не то, что в темницу кинут, а убьют! Знаешь, не все в этом городе принимают таких, как я, – немного грустно произнёс Зила.

– Ага, но сейчас, мне бы очень хотелось узнать, что вообще происходит? Это ты заплатил за меня? – спросил Лев.

–Естественно он! Куда там! На зарплату трактирщика, не иначе? – усмехнулась женщина. – Мои две тысячи пендзе были уплачены. И ты, надеюсь, не настолько глуп, чтобы думать, что сделала я это просто так?

Лев недоумевающе взглянул сначала на Зилу, а потом на женщину.

–Да, знакомься. Это госпожа Квинтерштирт, хозяйка прекраснейшего дома любви во всём Брондуре, – прервал неловкую паузу Зиландир.

–Если выразаться точнее, Петрониша Квинтерштирт, но называй меня Петра. Под этим именем меня все и знают, – подмигнула женщина.

–Здорово, – нахмурившись и поджав губы, произнёс Лев. – А почему Леонес Квинтерштирт, сын там кого-то и внук тоже чей-то...

–Я бы посоветовала тебе, миленький, поуважительнее относиться к имени моего отца... – строго и без улыбки, вмешалась Петра.

–И к имени моего брата, между прочим! – заметил Зила.

–Хромбо? Зиландир Хромбо? – поинтересовался Лев. – Так Вы, Петра, жена его брата?

–Чушь! Моё сердце слишком горячо и страстно, чтобы отдать его одному мужчине на всю жизнь! – запротестовала госпожа. – Это было сделано лишь для того, чтобы тебя выпустили из тюрьмы. Мы заказали в срочном порядке зикрит для тебя.

–Зикрит?

–Что-то типа удостоверения твоей личности. Там прописаны дата рождения, пол, раса, имя, имена родителей...

–Это мой брондурский паспорт? – взяв в руки небольшую книжечку в кожаном переплёте, спросил Лев.

–Не знаю, что за паспорт. Никогда не слышала, – вздохнула Петра. – Но давайте побыстрее закончим. Время стремится к полночи, а значит вот-вот начнут подходить клиенты, я должна их встречать...

–Вы говорили, что не просто так отдали деньги, – Лев крутил в руках зикрит. – Так что же вы хотите от меня?

–Ты отработаешь свой долг.

–Каким это образом? – вытаращил глаза Лев. – Я не стану... с мужчинами? Или в этот дом ещё и женщины ходят? В любом случае нет!

–Угомони свой пыл, миленький, – суровым голосом приказала Петра. – Во-первых, уясни одну вещь. У тебя нет такого права, указывать мне, как поступать с твоей душой и телом. Если я захочу, то ты ляжешь под кого угодно. Во-вторых, несмотря ни на что, я никого не держу здесь насильно. Занятия любовью, настолько прекрасные чувства и ощущения, что к этому нет смысла принуждать. Все девочки тут по своей воле. Их хорошо кормят, следят за их здоровьем, у них есть крыша над головой. А самое главная ценность – сорок четыре женщины, которые их всегда поддержат!

Лев никогда не слышал такой глубокой пронзительной речи о публичном доме. В принципе, порассуждать о значимости борделя в общественной жизни ему вообще было не с кем. Речь мадам могла бы восхитить, заставить задуматься о важных вещах, но тот факт, что Лев имел при себе лишь штаны, пропитанные мочой, вынуждал волноваться о более приземленных ценностях.

–Что насчёт третьего пункта? Как я должен расплачиваться?

–Будешь охранять моих девочек. Ты очень высокий, плечистый, крепкий парень. Вечера ты будешь проводить в том зале на первом этаже. Необходимо следить за нашими гостями. Если кто-то начинает вести себя буйно, то дебошира необходимо вышвырнуть вон. Если кто-то пытается уйти, не заплатив, его нужно избить. Ну, а если кто-то посмеет поднять руку на одну из моих девочек, то там уж сам решай, но подонок больше не должен суметь встать на ноги. Тебе понятно, миленький?

–Пределно, – слегка придушенным голосом ответил Лев.

–Славно. Спустись на второй этаж. Там, по правому коридору до упора. Это ванная для прачки, трёх кухарок, мойщиц, а теперь, стало быть, и для тебя, – плавно кивнула Петра. – Я оставлю вас наедине здесь, но только на пять минут. После ты искупаешься, переоденешься и сегодня же приступишь к работе.

Бандерша, качая из стороны в сторону своей огромной попой, пошуршала к лестнице и скрылась.

–Мне стоит благодарить тебя за то, что из одной тюрьмы я попал другую? – с задал вопрос с подначкой Лев.

–Знаешь, парень, я думал, что ты скажешь мне, хотя бы, простое бесплатное «спасибо», – Зила обиженно скрестил руки на груди. – Ты, может, и подзабыл уже, что странно, ведь в твоём возрасте старческая деменция ещё не появляется, но я тебе как-то одолжил весьма крупную сумму для оплаты магических услуг...

–Зила, ты меня вообще так понял! Я тебе за всё это премного благодарен. Я просто не ту интонацию выбрал... – начал оправдываться Лев. – Я хотел спросить, ты ли попросил Петру заплатить выкуп?

Трактирщик закатил глаза, довольный похвалой и вниманием.

–Как же ты узнал обо мне?

–Не представляешь, до чего порою непредсказуема это чертовка – судьба! Во время моей вчерашней ночной смены, когда я по своему скучному стандартному обыкновению помогал трудягам принимать их серое и беспросветное существование, а именно разливал пиво по пендзе пятьдесят, в трактир зашли три подозрительных типка и симпатичная девчужка вместе с ними...

–Могу угадать, что у неё были большие глаза цвета голубой бирюзы? – прервал его Лев, сменив свой обыкновенно грубый и хриповатый голос на ясный и чистый.

–Ха! А я могу угадать, что у тебя и у этой девчонки интересное знакомство получилось...

–Зила, две минуты, а я хочу услышать продолжение твоей истории.

–Ну, эта бандитская шайка зашла, значит, в трактир. Они заказали Жвинескую медовуху, помнится, а ещё две бутылки Карденской водки...

–Угу, а обо мне ты узнал из-за заказа? Если нет, то давай ближе к делу.

–Они поначалу тихие были, говорили почти шёпотом, постоянно по сторонам озирались. Но хорошенько тяпнув, а я тебе скажу, от Карденской водки, далеко и надолго уносит, компашка начала ржать, словно кони, браниться, приставать к другим, только вот твоя подружка молча сидела и лишь в окно пялила. Так вот, болтали они так громко, будто бабы на базаре! Ну, и стал я, ненароком свидетелем их беседы. Помнится, звучали такие фразы: «долговязый высоченный парень», «чёрная шевелюра и бледная кожа», «жёлтые глаза, как у ящерицы». Ещё они говорили: «награда в тысячу пендзе» и «тюрьма Ирантирт». Но я убедился в том, что речь идёт именно о тебе, лишь тогда, когда девчонка сказала: «странный парень, явно не из Брондура, да и вообще не от мира сего». Да, вот тогда я и узнал Леонеса... или ты до сих пор всем представляешься этим животным, львом?

–Нет, я всем, кого встречаю, называюсь Леонесом Петергайте.

–Теперь уж Леонес Квинтерштирт, – Зила похлопал ладонью по пояснице Льва, потому что до плеча не доставал. – Сейчас тебе пора мыться. Скажу честно, пасёт от тебя, как от пятнистой краститки.

–Не буду спрашивать, что за пятнистая краститка, а лишь поверю, что от неё сильно воняет. Зила, ты говорил про деньги, мой долг...

–Забудь, – подойдя к лестнице, ответил трактирщик. – Я случайно ляпнул, меня бывает заносит. Ты мне ничего не должен. Бывай!

Лев махнул рукой, постоял оставшуюся минутку в тишине и спустился вниз по лестнице. Курившие девушки уже ушли, поэтому весь второй этаж отдался под его распоряжение. Редкие подсвечники, висевшие меж деревянных подпорок на стенах, давали мало света, поэтому этаж ступился в полумраке. Откуда-то снизу доносились топот, музыка, бессмысленные разговоры... А здесь, наверху, обосновалось местечко для душевной разрядки.

Фоновой контраст влиял на поведение клиентов. Они приходили в бордель пьяные и весёлые, а после того, как вместе с девушкой уединялись в спальне, то становились ласковыми, а главное, готовыми выложить приличную кучку денег.

Правый коридор предназначался для обслуживающего персонала. Как было велено, Лев зашёл в ванную комнату. Там его ждали несколько ведер с водой, мыло, полотенце и чистая одежда на стуле. Искупавшись, Лев переоделся: его рабочая форма представляла собой полностью чёрный гамбезон и льняную рубашку, тёмно-серые штаны, сшитые из нескольких слоёв текстиля, кожаные сапоги каштанового цвета, такие же перчатки.

– Не столько деньги жалко, – говорил вслух Лев, – а сколько трусы, подаренные Цецилией...

Портков в этом наборе не было. Но были ножны и меч, на первый взгляд похожий на романский. Лев взял его в руки, покрутил, примерился, будто приставил острие к чьему-то горлу, а там и подметил надпись, почти стертую: «Брондурский палач».

– Звучное название, – Лев приподнял уголки губ, а глаза сверкнули.

Полностью экипировавшись, новоявленный охранный пес спустился еще на этаж ниже, оказавшись в зале. За то время, пока он прихорашивался, делал свой внешний вид более пригодным для общения с людьми, зал заметно пополнился. На одну девушку приходились два или три клиента. Они вели светские философские беседы, говорили о браке, семье, детях. Мужчины жаловались, как на неудачи на работе, так и в постели. Девочки делали заинтересованный вид, отвечали на вопросы, гладили волосы гостям, решившим выплакаться у них на коленях. Они были не столько куртизанками, сколько понимающими психологами, воздерживавшиеся от ненужных советов. Они всегда принимали сторону клиента, говорили, что он прав, что он молодец, а все остальные идиоты.

Только спустившись и ещё не до конца понимая, что ему делать и как себя вести, Лев приметил в толпе Петру. Она кружилась среди гостей, словно пчёлка, перелетающая с цветочка на цветочек и опыляющая их своей лучезарной улыбкой. Лев поймал её за руку, как раз в тот момент, когда она общалась с одним из клиентов.

– Госпожа Квинтерштирт...

– Ах, миленький, ты уже прихорошился! – Петра провела ладонью по его щеке. – До чего же красивый!...

– Ага, – несколько растерялся Лев и отпрянул в сторону. – Что я должен делать? А ещё хотелось бы уточнить по срокам. Сколько мне придётся здесь работать?

– Твоя задача заключается в том, чтобы избавлять меня от головной боли в виде аморальных гостей. Ты их видишь?

– Так, сходу, сказать сложно.

– Нет, абсолютно несложно. Если кто-то начнёт вести себя непристойно, начнёт буяннить, или одна из моих девочек пожалуется тебе на клиента, то ты знаешь своё дело. Покуда все ровненько, то прогуливайся туда-сюда, особо не приставай с разговорами, можешь кушать виноград и апельсины, если хочешь, выпей вина, но совсем чуть-чуть. Твоя голова должна быть свежей. Касаемо срока работы, то это уж напрямую зависит от тебя. Две тысячи ты можешь легко и за год отработать, однако не стоит забывать, что жить ты будешь тут же, питаться тут же. А это дополнительные расходы, которые будут идти в твой долг...

– Вы активно намекаете на то, что я здесь застрял на неопределённую вечность?

– Не преувеличивай, миленький, – надменно и скользко улыбнулась Петра. – Иди работай, детали обсудим позже.

Пару часов Лев бесцельно бродил по залу. За это время он успел вдоволь наесться фруктов, выпить пару бокалов некрепкого вина, почитать неинтересную книгу о животных из мира Хатинов. Когда окончательно иссякли силы ничего не делать, Лев начал придумывать себе новые развлечения. Сначала он сосчитал количество девочек. Их было ровно сорок четыре, как и говорила Петра. Потом он посчитал гостей. Их уже было девяносто два, хотя только только пробил полночь.

«Саве поучиться бы у этой Петры, как дела вести», – говорил про себя Лев. – «Это ж какие деньги она поднимает...»

В раздумьях, он прислонился к перилам, запрокинул голову и выплевывал косточку от винограда, а потом ловил ее языком, обсасывал и снова пулял. Бездельничал и не заморачивался. Его ухо, упоенное мирным щебетанием и звоном бокалов, не ожидало переполоха, явившегося со второго, чертового этажа.

– Вы, – запыхавшись, пыталась говорить девочка в коротенькой невесомой ночнушке, – вы наш новый охранник?

– Да... что-то случилось? – выпав обратно из небытия, спросил Лев.

– Там клиент, – девочка говорила уже более ровно, – помогите мне!

– Веди.

Лев вместе с девочкой поднялись на второй этаж и зашли в одну из первых дверей. Небольшая уютная спальня с мягкой широкой кроватью посередине, на которой лежало дряблосое старое тело тучного пузатого клиента.

– Это господин Вольшик, – закусив губу и вытирая кулачком наступавшие слёзы, показала девочка. – Мы только зашли, я начала раздеваться, а он лёг на кровать. Я буквально на секунду отвернулась, после смотрю, а господин Вольшик не шевелится.

– Позови госпожу Квинтерштирт, – уставившись на тело, повелел Лев.

Девочка послушно кивнула и убежала. Да, не для девичьих глаз картина. Вольшик лежал на белых простынях со спущенными штанами, из которых вывалилось мужское достоинство немалых размеров. Помимо этого, он обделался, как карапуз.

– Хоть бы не помер, – бормотал Лев, аккуратно подходя к телу.

Он взял с прикроватного столика свечу и приоткрыл веко мужчины. В этот момент в комнату с дикой одышкой ворвалась Петра, взъерошенная как одуванчик, а за ней две девушки, что покрепче мышцами и нервами.

– Госпожа, пройдите, а их оставьте за дверью, – не отрываясь от изучения глаз господина Вольшика, скомандовал Лев.

Петра кивнула и захлопнула дверь, оставив двух девушек в недоумении стоять снаружи.

– У него сужены зрачки, а ещё они не реагируют на свет, – Лев отвёл свечу примерно на метр от глаза, а потом медленно приблизил её вплотную. – Это либо героиновое, либо сильное алкогольное опьянение.

– Откуда ты знаешь, что это может быть? – Петра говорила с перебоями из-за кома в горле.

– Да так, пару раз видел похожих товарищей...

– Ясно! Что же теперь делать? – вскрикнула Петра.

– У вас такого раньше не было? – удивился Лев.

– Нет! Ни разу! К тому же, господин Вольшик наш постоянный клиент!

– Значит, помимо молодых девиц он любит поразвлечь себя с помощью наркотиков или алкоголя, – натянул улыбку Лев. – Но я ставлю на первое.

– Его надо выкинуть отсюда, – немного успокоилась Петра. – Если отвести его к доктору, то пойдёт слух, что в нашем приличном заведении такая дрянь водится.

– А она у вас не водится? – ехидно подметил Лев.

– Чушь! Я же говорю, нам надо держать марку. Борделей много, конкуренция колоссальная, – не отрывая взгляд от тела, продолжала Петра. – Выбросим его через окно на задний двор. Подберём и отнесём до ближайшей мусорки. Там его завтра и найдут. Скажут, набрался, вот и прилёг отдохнуть.

– Прямо план по избавлению от трупа, – с насмешкой заметил Лев.

– Практически. Те, кто не имеют над собой контроля, не заслуживают называться людьми, – заявила Петра. – Делаем всё быстро, но качественно. И помни, никто не должен заметить ничего странного.

– Мне нужен полиэтиленовый мешок, не хочу запачкаться...

– Что за мешок их поли-эти-лена?

– Всё время забываю, что я немного не в том времени, – отмахнулся Лев.

Он снял с себя гамбезон, заправил рукава у рубахи, затем обернул в простыню тело господина Вольшика и закинул его на плечо.

– У-у-х, – от тяжести Лев аж присел. – В нем с тонну жира!

Петра вышла из спальни первая и прогнала столпившихся там любопытных девочек. После она махнула Льву, что путь свободен.

Еле дотащив господина Вольшика до окна, Лев был очень рад скинуть его на землю.

– Как думаете, не расплющит его? – протирая испачкавшиеся руки о край простынки, спросил Лев.

– Он ходячий кусок сала, а внизу трава. Всё с ним будет в порядке.

Спокойным шагом, не озадачивая народ, Лев и Петра добрались до заднего двора борделя.

– И где мусорка ближайшая? – вновь взгромождая на себя слоновую тушу, поинтересовался Лев.

– В двух кварталах, – Петра высматривала в темноте сторонние лица. – Но мы его туда не понесём.

– Как у вас всё быстро меняется. Но я ваш слуга ещё, как минимум на год, так что приказывайте.

– Хм... Я знаю! Такой ситуацией не воспользовался бы только полный кретин, – захохотала госпожа Квинтерштирт. – Мы понесём его в «Делоникс».

– Я почему-то думаю, что это название борделя, – корчась от тяжести, предположил Лев.

– Именно, мой миленький. Это бордель одной старой шлюхи, держащей в своём крысином гнезде себе подобных. Мы оставим его рядом с деревом в её саду. Она до утра там точно не появится, а вот булочник открывается рано, и он уж точно не пропустит мимо глаз такого заметного гражданина.

– Неплохой план, я вам скажу, – пытаюсь не уронить тело, натужно произнёс Лев. – Пойдёмте, а то тяжело.

– А ты не очень-то совестливый, Леонес, – подметила Петра. – Мне такие нравятся. Когда человек слишком много думает о правильности и гуманности своих действий, то у него не остаётся времени на их осуществление.

Ещё за несколько кварталов Лев приметил вдалеке огромное красное облако. Подойдя ближе, он увидел дерево с низким стволом, но огненно-красной кроной, размером с синего кита. Позади него стояло красивое кирпичное здание с огромной вывеской, гласившей: «Делоникс – место, где исполняют мечты».

– Внутри я не был, но что-то мне подсказывает, там весьма неплохо, – подкалывал Петру Лев.

– Чушь! Это осиный улей! – громкогласно возразила госпожа Квинтерштирт.

– Ещё недавно это было крысиное гнездо...

– Прекращай болтать и клади тело, – кивнула в сторону дерева Петра.

Лев послушно выполнил отданный ему приказ. После завершения этого грязного, что в прямом, что в переносном смысле дела, Лев и Петра скрылись в переулке.

На следующее утро госпожа Квинтерштирт разбудила Льва радостным известием, что их план сработал на сто процентов. Её распирало от гордости и чувства собственного достоинства, когда она рассказывала о том, как утром рядом с «Делониксом» нашли господина Вольшика. Она в лицах и красках описывала, как бандерша Адмартинта, хозяйка этого борделя, пылала от ярости, размахивала кулаками, покрывала бранными словами прохожих, за что по городу пошёл слух, будто она не в себе.

–Теперь к ней не то, что политики, даже аристократы перестанут захаживать, – злобно потирала ручки Петра, – в её бордель ни один дровосек и трубочист не заглянет!

–Я очень рад, – сухо и апатично поддерживал разговор Лев.

–Ты, миленький, очень хорошо сработал. Ты в первую же ночь умудрился доказать свою преданность делу и мне, – фальшиво улыбалась Петра. – Если и дальше будешь меня только радовать, то поверь, работа здесь покажется тебе сплошным удовольствием!

Глава

6

Охрана куртизанок и правда оказалось не слишком пыльным и силовозатратным делом. Подобные, грязные, пахучие, жирные происшествия более не омрачали будни борделя. Секретику, сковавшему угрюмого охранника и мадам, завидовали девочки, потому что между теми установилось отношения очень схожие с сыно-мамскими. Петра многое позволяла Льву, например, пользоваться своей библиотекой; поначалу контролировала его перемещения по городу, а после совсем пустила их на самотек. Она подкидывала ему денжат, кормила теми же продуктами, которыми сама питалась. Знакомила его с подругами, всячески нахваливала и возвышала его способности. Она одарила бывшего заключенного всецелым доверием.

А между тем, жизнь публичного дома тянулась своим чередом: гости приходили, пили, спали, платили за это и уходили. Что Лев, что Петра, что девочки, что клиенты – все были довольны. По ночам Лев облачался в свой чёрный гамбезон, аккуратно укладывал мокрой расчёской волосы, брал ножны с мечом и вешал их на пояс так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что в любую секунду он может их вытащить и изрубить неприятеля. Девочки пьянели от восторга, когда их телохранитель грозил незадачливому клиенту или шутил простенькие шутки. Его улыбчивость, молодость, красота и дружелюбие, а что поважнее, отзывчивость и постоянная готовность помочь, сделали из Льва любимца в доме полном женского очарования. Он и сам не возражал повышенному вниманию, угождал и любезничал. Надо сбегать на другой конец города, чтобы купить у проезжего купца из дальних стран духи с необычным экзотическим ароматом – пожалуйста, стоит лишь попросить. Надо объяснить молодому слишком напористому пареньку, что куртизанка, по специфике своей профессии, не может быть только его – без проблем. А может надо отвлечь Петру, чтобы две девочки смогли попасть в театр на спектакль, где в главной роли брат одной из них – Леонес всегда поможет.

Лев иногда пропадал на несколько часов. Потом его ловили растрёпанного и глупой улыбкой на лице, выходящего из комнаты Йори, той самой девушки, некогда окликнувшей его на лестнице.

Суэта и безостановочность времени не огорчала, текла жизнь легко и беззаботно три недели. Лев даже не помышлял о побеге, не плакался из-за невольного заточения. Всё изменилось в один вечер, когда в Брунгильду зашёл высокий молодой человек в нестандартной для этих мест одежде. Большинство мужчин, которых встречал Лев, во время работы в борделе, одевались в туники с поясом, в блию, а, может, мипарти. На странном же незнакомце была куртка, по внешнему виду очень напоминавшая офисный пиджак, но только с более заострёнными плечами и высоким горлом. На ногах были льняные штаны под цвет верхней одежды. Вместо привычных налакированных сапог – обувь, очень похожая на современные дерби. Если

бы этот мужчина прошёлся по улице Петербурга в двадцать первом веке, то его бы сочли за стильного делового человека.

Как только он вошёл в бордель по его скривившемуся лицу сразу стало понятно, что парень сноб и сибарит. Ритмичной походкой, слегка покачивая бёдрами, он направился в сторону госпожи Квинтерштирт.

–Доброй ночи, – парень выдернул Петру из разговора с другими гостями. – Я хотел бы получить самую жгучую красотку в этом заведении. Найдётся такая?

–Конечно, господин...

–Боменстиш.

–Господин Боменстиш, – в своей обычной манере Петра схватила его под руку и повела к свободному диванчику, – вы у нас бывали раньше?

–Нет, я здесь впервые. До этого я посещал «Делоникс», который держит Асинра Адмартинта, но после недавнего неприятного инцидента, когда обнаружили тело того старика в испачканных портках, валяющегося у неё в саду... – мужчина слегка замялся. – После этого у меня отпало желание проводить там свой досуг.

–Я вас прекрасно понимаю, господин Боменстиш, – лукавила Петра. – Такое неуважение по отношению к достопочтенным гражданам...

–Прошу вас, мне совершенно неинтересно ваше мнение, – высокомерно закатил глаза мужчина. – Я лишь хочу получить девочку и всё тут. Вы сможете это организовать?

–Конечно, – слегка оторопела Петра. – Гиндра! Где же тебя носит, поганка!

Госпожа Квинтерштирт умчалась искать свою самую красивую работницу. Лев в это время, как бы невзначай, прошёлся мимо господина Боменстиша, всматриваясь ему в лицо. Оно было узким, с сильно выпирающей нижней челюстью. Бледная кожа, лишь на тон темнее, чем у самого Льва. Суженные золотистые глаза, точно у гиены. Длинный рот, кривоватый нос с кончиком, подобным клюву орла. Отросшая на пару сантиметров щетина и слегка туманный взгляд говорили о том, что этот человек только с дороги.

Не только Лев заметил в мужчине что-то странное, но и господин Боменстиш обратил внимание на бродившего туда-сюда охранника с подозрительным видом.

–Эй, парень, подойди, – крикнул он и поманил рукой.

–Вы ко мне обращаетесь? – поддельно удивился Лев и указал на себя.

–Тут кругом одни девки и старики. Так к кому я могу ещё обращаться? – по-звериному оскалился мужчина.

–Чем я могу вам помочь? – Лев встал рядом с диванчиком.

–Особо ничем, – Боменстиш приоткрыл рот, раскинулся на диванчике по-хозяйски и положил ногу на ногу. – Я ждал девочку, а потом приметил тебя...

–Эм, сэр, я тут за порядком стараюсь следить, – отстранился Лев. – Я не буду с вами...

–Что ты там себе надумал! – пискляво вскрикнул мужчина. – Я о том, что твои черты напоминают мне кое-какую особу...

Господин Боменстиш немного успокоился и налил себе бокал вина.

–Можно я предположу? – пытался продолжить разговор Лев. – У неё чёрные волосы, голубые глаза, красивая, зовут, скорее всего, Эрика...

–Вижу, я не первый, кто сравнивает тебя с ней, – нагло ухмыльнулся мужчина.

–Ну, раз так, может расскажете что-нибудь о ней?

–А я погляжу, ты заинтересовался, – засмеялся господин Боменстиш. – Я вообще бесплатно ничего не рассказываю, но я только что заключил одну из крупнейших сделок в Оро, так что настроение у меня хорошее, да и добрый я парень. Её зовут Эрика Финтерсайте. Как ты и описал, длинные чёрные волосы волной, светло-голубые глаза, бледная кожа, точно твоя, стервозный характер и бесконечно надменный вид.

– Чем я так похож на неё, что чуть ли не каждый считает свои долгом указать на наше сходство?

– Всем! Всем, кроме цвета глаз. У тебя они жёлтые, ну или янтарные, прямо, как у льва. А у этой голубые, как у снежного барса...

– Может вы ещё и знаете, где её найти?

– Ха-ха! Никто этого не знает! Она, словно ветер, то тут, то там. Нигде больше, чем на два дня, не останавливается.

– Почему? Она куда-то едет? Или что?

– Эх, парень, да откуда ж мне знать природу её действий и мыслей...

– Господин Боменстиш, – умотавшимся голосом воскликнула Петра, появившаяся в самый неподходящий момент. – Вот наша красотка, гордость, так сказать. Зовут Гиндра. Ух, ну и убегалась я!

Господину Боменстишу девушка явно пришлась по душе.

– Что же, прошу нас простить, – мужчина взял Гиндру под руку, – но мы удалимся.

Господин Боменстиш кивнул в сторону Льва и ушёл в сопровождении прекрасной дамы наверх.

– Петра, вы ведь многое знаете о Брондуре, о гражданах...? – Лев повернулся в сторону бандерши.

– Многое. А что бы ты хотел узнать, миленький? – радостная из-за нового клиента, пропела соловьиным голоском госпожа Квинтерштирт.

– Тут слишком шумно. Мы можем подняться наверх или выйти на улицу?

– Да, но только ненадолго. Пойдём, подышим свежим воздухом.

Лев открыл парадные двери, и они с Петрой оказались на ночной прохладной улице.

– Вот всё бы расчудесно, если бы не эти резкие смены температур, – Петра глядела на яркие звёзды и пускала пар изо рта. – Что же ты так срочно захотел узнать, миленький?

– Имя Эрика Финтерсайте вам о чём-нибудь говорит? – Лев не стал ходить вокруг, да около, а спросил прямо в лоб.

Госпожа Квинтерштирт резко поменялась в лице.

– Не произноси это имя, – наклонив Льва поближе к себе, прошептала она. – Зачем тебе что-либо знать о ней?

– Нет, так не пойдёт. Я задал вопрос первым, так ответьте на него.

– Ладно, уж не знаю, какие у тебя замыслы... – нахмурилась Петра. – Расскажу, что знаю. Я её лично не встречала, никто, из тех, кого я знаю, лично не встречал её. Но каждый в этой стране слышал об этой женщине. Не знаю, сколько правды в том, что о ней говорят, но только вот описывают её, как злую, беспринципную, коварную колдунью! К тому же, она предательница короны.

– Заявление, такое, знаете, жёсткое, – Лев не находил слов. – А подробностей о, вот, предательстве, колдовстве...

– Откуда ж мне, простой хозяйке храма любви, покорной поданной короля нашего славного, знать подробности об этой ведьме!

– Вокруг ни души, для кого тогда этот цирк?

– Следи за язычком, миленький. На этом мы закроем тему, – Петра уже собиралась возвращаться обратно в бордель. – Хочешь подробностей, иди к санфам.

– А это что такое?

– Скорее кто. Лесные жители, они знают всё о всех, – Петра опасливо-задумчиво взглянула на Льва. – Только выслушай совет женщины, прожившей на этом свете не один десяток лет. Не связывайся с этой колдуньей. Я не знаю, почему ты хочешь разузнать о ней всякое, но помни, все, кто был так или иначе связан с ней, сейчас уже не могут говорить.

– Мёртвые или языки отрезали? – насмешливо приподнял брови Лев.

–Миленький мальчик, я понимаю, в твоём возрасте всё это кажется бессмыслицей и выдумками. Но это реальная опасность. Я могу лишь попытаться повлиять на твоё решение, но никак не остановить тебя.

–Я вас услышал, госпожа Квинтерштирт.

–Да, не забывай, пожалуйста, о том, что ты всё ещё работаешь на меня, – Петра сменил таинственный тон на, по обыкновению, командирский. – Если попробуешь смыться, из-под земли достану, а потом обратно живьём закопаю.

–Последний вопрос, – не отставал Лев. – Где мне искать санфов?

–Сожжённая деревня в десяти километрах к востоку от Блазена. Но Леонес, ты должен работать...

–Я не собираюсь прямо сейчас все бросать и ехать. Завтра, с утрачка.

–Потом не говори, что я тебя не предупреждала.

Обычно ближе к пяти-шести часам утра, Льва клонило в сон. К этому времени он ходил уже вялый и заторможенный, спотыкался о горшки с цветами и норовил прилечь на кушетку. На этот раз он был бодр и энергичен. Его не оставляла мысль о том, что появилась новая зацепка, которая, возможно, приоткроет перед ним смысл всего происходящего.

Горизонт озарили первые солнечные лучи. Лев сидел на пуфике, непрерывно глядя в окно. Его сердце замирало каждый раз, когда в ушах проносился очередной удар городских часов. В один момент, когда прошли очередные пятнадцать минут, он подорвался и схватил лежавший рядом гамбезон.

–Ну, всем пока, – крикнул он уставшим девочкам, – до следующей ночи!

Он летел, словно торнадо, но полупустым улицам Блазена. В правом боку уже начало покалывать, когда он добрался до восточных ворот.

–Парень, куда ты так несёшься? – окликнул его усатый стражник.

–К ответам на мои многочисленные вопросы, – Лев чуть сбавил темп. – Сэр, а вы знаете, может, где сожжённая деревня в десяти километрах отсюда?

–Эй, Критко, слышал? – стражник с усмешкой обратился к напарнику. – Очередной болван хочет этих тварей отыскать. Вот умора!

–Сэр, – колюче произнёс Лев, – в любой другой ситуации я бы понял вас и даже поддержал бы ваши предубеждения об этих существах. Однако ж, сейчас у меня нет других вариантов, поэтому я спрошу ещё раз. Как найти сожжённую деревню?

–До ближайшей развилки, а там налево, – сердито, на этот раз без смеха, ответил усатый стражник.

–Примите мою благодарность, сэр, – неестественно оскалил зубы Лев.

Во время этой короткой перепалки с стражником он успел восстановить дыхание. Теперь дистанция в десять километров не казалась такой уж непосильной. А когда впереди стало виднеться разветвление дороги, то открылось второе дыхание. Как указал стражник, Лев свернул налево. Здесь он решил уже идти пешком, чтобы ненароком не проморгать груды пепла.

–Где эта дурцкая деревня, – по прошествии двадцати минут безрезультативных поисков, начал ругаться Лев. – Обманул этот усатый!

Он стукнул по дереву пяткой, а потом еще раз. Да Лев испинал ни в чем не виноватый ствол!

–Ну, путник, не сердчай уж так, – раздался приглушённый тугой голос. – Чего ж ты обзываешься на всю округу и деревья бьешь?

Лев обернулся и увидел безногого старичка, сидящего на грязной подстилке в кустах на обочине дороги.

–Я не заметил тебя, – безразлично произнес Лев.

–Чего это ты тут ищешь? Никак, сожжённую деревеньку? – усмехнулся старик.

–Сдаётся мне, что ты уже встречал, таких как я.

–Правильный вывод. Уж не хочешь ли ты спросить, где её найти?

–Сколько?

–Что сколько?

–Не надо тратить моё время, – цыкнул Лев. – Сколько и чего хочешь за твою помощь?

–Мне ничего не надо, – по-стариковскому добро улыбнулся странный незнакомец. – Развернись и пройди через пролесок. Там будет ручеёк, иди вдоль него к истоку. Около него и будет то, что ты ищешь.

–Я совсем ничего не должен тебе? – с подозрением уточнил Лев.

–Совсем. А теперь ступай, санфы после обеда любят вздремнуть, так что, поспеши.

–Ага, бывай, – махнул рукой Лев и скрылся среди деревьев.

Через пять минут он уже стоял перед чёрными обугленными досками, некогда служившими забором. На калитке или том, что от неё осталось, висела табличка с полустёртой временем надписью: «Деревня Пламени дракона».

–Какое судьбоносное название, – иронично подметил Лев.

Это была небольшая, искусственно созданная, опушка. Шесть домов, стоявших на достаточно близком расстоянии друг от друга, носили гордое название «Деревня Пламени дракона». У всех них, кроме одного, обвалились крыши, были выбиты окна, разобраны домоходы на кирпичи, да и те растащили мародёры. Те палки, благодаря которым эти здания ещё держались, были полностью покрыты нетронутой золой. Лев провёл по одному из домов пальцем, а после взглянул на него.

–Тут никого не было уже лет десять, – проговорил он вслух.

Помимо шести домов, в центре, как место сборищ, был вырыт колодец. Но его заколотили. Подойдя к колодцу, Лев обнаружил, что он отличался от других строений. Камни, из которых был выложен колодец, не были покрыты мхом, деревянный ворот не был сожжён, а самое главное, на нём не было даже миллиметрового слоя золы.

–Зачем копать глубокую яму, строить колодец, если в двух шагах от калитки течёт ручей? – задавался вопросом Лев. – Надо бы глянуть, что внутри.

Он вынул меч из ножен и подцепил острым концом одну из досок. Та с треском оторвалась. Лев заглянул внутрь. Внизу что-то блестело, но из-за нехватки света было непонятно, что это. Лев стал отрывать другие доски.

–Вандал! Варвар! Дикарь! – раздался kloкочущий хрипучий голос, будто у говорящего болело горло. – Чтоб тебя зилузьень сожрал! Да стремечка бы не оставил от тебя!

Лев сжал меч в руках и резко обернулся. Никого.

–Что ты вертишься, переросток! – голос колебался, как при качке. – Не смей шевелиться!

Вдруг в коленку кольнуло что-то острое. Лев опустил глаза и увидел какое-то маленькое существо, прицепившееся к его штанине.

–Что пялишь? Глаз не жалко? А то я их сейчас повыкальваю! – существо ещё раз ткнуло чем-то острым в коленку и быстро поползло вверх по одежде. Когда оно добралось до пупка, Лев сумел его схватить.

Существо было размером с ладонь, но очень вертлявое. Лев приподнял его на уровень глаз, чтобы получше рассмотреть. Торчала большая, приплюснутая, овальная голова с редкими, короткими волосками, как у младенца, но только более жёсткими и колючими. Крупные округлые глаза, как у лягушки, слегка вылезали из орбит и косили в разные стороны. Нос был похож на маленькую железную точилку для карандашей. Губы, как две красные гусеницы, никак не смыкались и из-под них виднелись острые, как лезвия бритвы, треугольновидные зубы. Тело же состояло будто бы из спичек. Точнее, само туловище, как спичка, а ручки и ножки, как верёвочки, и с узелками вместо ладоней и стоп. На существо, как на зубочистку канаве, была надета салфетка, прикрывающая все части тела, которые у людей считаются детородными. Кожа была бежевого оттенка, вся в складках и морщинах. В довесок к комичной

непропорциональности головы и тела добавлялись те словесные взрывы, которые извлекало из себя маленькое чудище.

–Что ты свои зенки вытаращил на меня да хлюпалку разинул? – никак не унималось существо. – Сожрать меня хочешь, да? Ну так попробуй! Я тебе все кишки изнутри перекромяю!

–Что ты такое? – Лев не отводил взгляд от чудища, держа его за шкуру.

–Как ты смеешь! Я личность, а не какая-то бесполезная вещица!

–Да ну, ты ведь не... – с надеждой в голосе промолвил Лев, – ты санф?

–Он самый, дурень! – размахивало ржавой иголкой существо и верещало, верещало. – А на кого я, по-твоему, похож? На короля Вальдемара? Или, может, его жену, королеву Ирмалиту?

–Спокойнее веди себя, – Лев аккуратно вынул иголку из ручек санфа. – Я к вам пришёл. Мне нужна информация.

–Зачем же ты тогда в нашу сокровищницу полез?! Золотишком поднасытиться чужим удумал?

–Так в колодце золото блестело? – удивлённо протянул Лев.

–Гигуи, ты такой дурак! Как можно было одной фразой умудриться всё испортить? – раздался еще один писклявый визг откуда-то из-за дома с целой крышей.

–Значит, вас тут много, – оглянулся Лев. – Господа-товарищи, вылезайте. Я не грабить вас пришёл, а поговорить.

–Отпусти Гигуи, тогда и потолкуем, – повелел один из санфов, прятавшийся за домом.

Лев поставил задиристого Гигуи на землю и приподнял руки в знак того, что он не собирается нападать. Из-за угла показалась часть ещё одной овалообразной головы.

–Фу! Какой же ты урод, человечиска! – появился третий, шепелявый и шипящий, голос.

Лев повернулся в сторону, откуда говорил очередной санф. Маленькое существо сидело на краешке колодца, скрестив ноги и свесив их вниз. На него была надета не салфетка, как на Гигуи, а отбитое горлышко из-под бутылки вина с крошечными прорезями для рук.

–Ага, спасибо, а ты прямо красавец, – чуть погодя, ответил Лев. – Ну, или красotka.

–Мало того, что страшный, так ещё и невоспитанный грубый мужлан! – возмутился санф с высоты колодца. – Моё имя Дидянка, и я очень привлекательна.

–Так что тебя привело к нам? – наконец-таки санф, говоривший до сих пор из-за стены, показался во весь свой, хоть и не очень большой, рост.

За ним вышел ещё один.

–Сколько вас тут? – поинтересовался Лев.

–Задавать вопросы будешь уже после того, как поведаеть, с какой целью ты проник в наш дом и стал бессовестно и бесцеремонно разорять его, – грамофонным чётким голосом заявил снаф, вышедший из-за стены.

–Никто ничего не разорял, – пытался защищаться Лев. – Нетронутый колодец выделяется на фоне сгоревшей деревни, понимаете? Вот я и решил проверить, в чём там дело.

–Бубиш, я же говорил, что его подпалить надо или, хотя бы, покрасить в чёрный!

–Рарти, учись говорить тихо, – шикнул Бубиш на своего товарища.

–Вот, я вам указал на недостаток маскировки, но давайте вы потом это обсудите, – вмешался Лев. – У меня довольно много вопросов, а терпения мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.